

А.ОМЕЛЬЧУК

К НЕВЕДОМЫМ ВЕРШИНАМ

*Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1985*

А.ОМЕЛЬЧУК

К НЕВЕДОМЫМ ВЕРШИНАМ

Из истории исследования
Полярного Урала

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1985

Книга адресована широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей и природой родного края.
Снимки А. Г. Пашука.

Рецензенты: Н. П. Архипова, кандидат географических наук; А. О. Кеммерих, доктор географических наук; В. Н. Охотников, кандидат геолого-минералогических наук.

Омельчук А. К.

О-57 К неведомым вершинам.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.— 192 с., 8 с. ил.
55 к. 15 000 экз.

Книга об истории научного исследования Полярного Урала.

О 1905030000-033
М158(03)-85 86-85

ББК 26.89

© Средне-Уральское книжное издательство, 1985.

Слово перед дорогой

Надо же! — разыскивал следы архива Хабакова, а оказалось, что жив сам Александр Васильевич. Я прикинул: если он начиная с 1936-го три года возглавлял поисковые экспедиции на Полярный Урал, значит, в ту пору ему было никак не меньше тридцати. Да к этому еще почти полвека прошедших нужно прибавить. Многоувато получалось. А впрочем, что удивительного — люди, прошедшие суровую северную школу геологического «поля», породы крепкой, натуры прочной.

Действительно, Хабакову уже далеко за семидесят. Живет в Ленинграде, в просыревшем доме на Восемнадцатой линии Васильевского острова. Кабинет со старым диваном заставлен, завален, заложен книгами.

Александр Васильевич серьезно прибаливал, и немочь наложила отпечаток на его лицо. Он вовсе не хотел бодриться, лишь время от времени сsarкастической улыбкой негромко бормотал что-то о бессилии и старческой памяти.

— Что вам нужно от старика, ведь я уже даиненько отошел от дел?

Странное чувство испытываешь, когда фамилия с книжной обложки оборачивается вдруг реальным, конкретным человеком. Для меня Хабаков начинался двумя скромными, на серой бумаге (год выпуска — 1945) книгами. Это изданные с большим опозданием отчеты его полярно-уральских экспедиций. В одной из книг меня поразили рисунки автора. Они были геологически совершенно точны (какими и должны быть в научной книге), но являлось в них еще и некое поэтическое очарование, которое с головой выдавало авторскую влюбленность в предмет изучения: геологические разрезы на рисунках словно оживали. Да и сквозь сухомятицу сугубо научных

формулировок и терминов проглядывало незасущенное авторское отношение:

«В своем внешнем облике,— писал Хабаков в этом экспедиционном отчете,— Полярный Урал — страна тончайших контрастов. Заснеженные пики и троговые обрывы долин, тихие прозрачные горные озера и быстрые реки, дробящиеся в предгорьях на множество шумных потоков, бесконечные поля глыбовых россыпей и скалистые останцы придают заполярным областям Урала необыкновенную живописность».

Сколько же удивительной и многогранной оказалась судьба этого человека! Обстоятельства помешали молодому Хабакову получить аттестат гимназии, университетов он тоже не кончал. Степень доктора геологии ему присваивали *gonoris causa* — по совокупности научных заслуг. Полярный Урал — лишь несколько страниц его научной биографии. Он пропадал и во льдах арктического архипелага Новая Земля, отбивался от басмачей на Памире, излазил почти весь Урал, прошел по Русской равнине. В книге «Нефть и газ Тюмени», написанной ведущими сибирскими учеными, отмечаются заслуги Хабакова — одного из провидцев, которые практически обосновывали нефтегазоперспективность территорий восточнее Урала. По Западно-Сибирской низменности Александр Васильевич бродяжил с небольшими поисковыми партиями еще задолго до «сенсации века».

Занимался он и геологией Луны. Трудно поверить, но происходило это в блокадном Ленинграде.

— Три года он не ночевал дома,— шутливо заметила присутствующая при нашей беседе жена Хабакова Елена Станиславовна.

— И вы не ревновали? — в тон ей спрашивала я.

— Только к звездам. Ведь все эти ночи он проводил у телескопа.

Книга «Об основных вопросах геологии поверхности Луны» вышла в издательстве Всесоюзного географиче-

ского общества в 1949 году. Некоторые критики объявили ее несвоевременной, и в числе хабаковских оппонентов был даже легендарный Отто Шмидт. Но уже через десяток лет книгу штудировали первые советские космонавты.

Через год после «лунной» дискуссии издательство Московского общества испытателей природы выпускает хабаковские «Очерки по истории геологоразведочных знаний в России», посвященные Михаиле Ломоносову, к которому Александр Васильевич испытывает особый пietет. Не потому ли, что и его научные пристрастия по-ломоносовски многообразны?

А. В. Хабаков возглавлял полярно-уральские экспедиции Всесоюзного Арктического института Главсевморпути. Сенсационных открытий участники не сделали, но было положено начало системному изучению отдаленного Урала, что в науке порой важнее, нежели громкое, но случайное открытие.

Руководитель другой полярно-уральской экспедиции, снаряженной Академией наук СССР, Н. А. Сирин благодарит в отчете своего сотрудника В. В. Меннера. И тоже догадываешься не сразу, что крупнейший специалист в биостратиграфии и палеонтологии академик Владимир Васильевич Меннер в свое время был обыкновенным участником этой экспедиции. Полярный Урал в его капитальных трудах не занял большого места, но с какой охотой маститый ученый (типичный академик, седой, благообразный, бородка клинышком, весь — доброжелательство) вспоминает геологическую молодость, своих коллег, незамысловатые эпизоды полевой жизни, профессиональные достоинства и житейские грешки своих начальников и подчиненных. Я не встретил ни одного человека, который бы, вспомнив Полярный Урал, взял и отмахнулся. Для каждого это был серьезный жизненный этап.

Есть на Васильевском острове в Ленинграде храм геологической науки — Всесоюзный геологический инсти-

тут. Если не храм, то дворец явно. Раньше здесь размещался Геолком — Геологический комитет — штаб всей геологической науки России. На третьем этаже расположен музей. В тихом зале, на стареньком диванчике, примишавшись рядышком со скелетом почтенного динозавра, мы разговаривали с Анатолием Гавриловичем Комаровым. Он работает в этом храме науки, но — как бы тут необидно сказать — даже не кандидат наук. Случилось так, что он закончил всего два курса вуза, война застала его в экспедиции, да и после было как-то не до учебы. Комаров возглавляет постоянно действующую партию опытно-методической экспедиции института. Именно он на допотопных «шаврухах» и «кукурузниках» провел первую аэромагнитную съемку Полярного Урала. А разговор наш закончился неожиданно.

— Последние десять лет я живу очень счастливо, — признался вдруг Анатолий Гаврилович. Я подумал, что он завел речь о личной жизни, что, признаться, было далековато от темы нашей беседы. К теме это действительно не относилось, но оказалось необычно интересным. Я узнал, что в последние годы Анатолий Гаврилович увлекся геологической историей Земли, создал собственную геохронологическую шкалу, вычислил абсолютный возраст нашей планеты (для любопытных — 5160 миллионов лет). Он усомнился в том, что гравитацией можно объяснить все процессы, которые пережила за эти миллиардолетия наша планета, и выдвинул гипотезу, в основе которой лежит теория постоянных периодических импульсов. Если говорить популярно, на грубоватом языке наглядных образов, то речь идет о том, что у Земли есть «сердце», ритмом которого можно объяснить многие геологические явления и катаклизмы. В этой теории есть две основополагающие формулы, с помощью которых, как считает Комаров, можно описывать все геологические процессы.

— Чем больше фактического материала набира-

ется,— удовлетворенно сказал Комаров,— тем больше подтверждаются эти формулы.

Не берусь судить, насколько безумна эта теория, чтобы быть истиной, не знаю, как в дальнейшем сложится ее судьба и будет ли она признана ученым миром, но — не правда ли? — очень привлекателен человек, который не стал дожидаться, пока корифеи объяснят темные места в наших познаниях, сумел усомниться в основополагающем, потому что оно не смогло ответить на его вопросы, и предложил свою версию. Пусть даже заблуждающиеся (время выявит истину), такие усомнившиеся симпатичны.

Эти примеры — для подтверждения одной, наверное, не очень оригинальной мысли. Пока Полярный Урал свои богатства народному хозяйству страны почти не отдает, это — его перспектива. Мне думается, что сегодня главное богатство этого потенциально щедрого края — те люди, которые его изучали, и «генералы», и «сержанты» науки. Хочу, чтобы мне поверили на слово — по концентрации интересных людей этот край равных себе не знает. Это объяснимо — сюда шли и идут люди увлеченные, нестандартные. Вот и получилось, что заниматься здешней историей было необычайно интересно, потому что за каждой фамилией стоит интересная личность.

Сознательно ограничиваю сферу своего поиска одним районом Полярного Урала, его восточными склонами. Это, как его называют, хотя термин и оспаривается, — Тюменский Урал. Конечно, мои герои по экспедиционной или другой необходимости выходят за границы региона. Эта книга — только эскизы к большой истории, скромная дань тем самоотверженным и увлеченным людям, которые, не боясь опасностей, шли сюда. И, погружаясь в историю исследования Полярного Урала, мне хотелось бы высказать искреннее уважение к человеческому и гражданскому подвигу этих людей.

Часть I

Путь в «страну мрака»

Современные историки ведут оживленные споры о том, когда же Ермак Тимофеевич перешел Уральские горы и захватил Кучумову столицу. В зависимости от интерпретации летописных свидетельств и немногочисленных документов, дата эта колеблется в интервале от 1577 до 1582 года. Дело, конечно, не в самом Ермаке, а в том, когда же россияне начали свой победный путь по Сибири, присоединив к Русскому государству щедрейший край.

Но по существу подвиг ермаковой дружины только придал новый импульс освоению русским человеком сибирских пространств, поставил это дело на государственный уровень. История освоения Сибири к тому времени уже насчитывала не менее четырех столетий. Как ни парадоксально, освоение начиналось с Севера, с Ледовитого моря, через «Камень». Прежде, чем попасть в привольные и благодатные края Сибири, отважные русские люди познакомились со «страной мрака», путь в которую лежал через север Урала.

Без цитаты из «Начальной летописи» обходится редкая книга о Сибири, новгородец Гюрат Рогович — популярный поводырь у разных авторов по сибирской истории. Как-то уже и неловко в который раз приводить эту цитату. Но — делать нечего — ведь беглые гюратовы замет-

ки имеют непосредственное отношение к нашему рассказу. Почтенный Нестор, которому приписывают авторство «Начальной летописи», на своих пергаментных листах приводит рассказ, самолично слышанный им от Гюраты. Любопытная история, по тем временам — явная сенсация. О чём поведал своему любознательному собеседнику бывалый новгородец?

«Послал я отрока своего в Печору,— надо полагать, поглаживая модную по тем временам густую бороду, говорил степенный купец-промышленник,— к людям, которые дань дают Новгороду; пришел мой отрок к ним и оттуда пошел в Югру. Юgra — народ, говорящий непонятно, и живет в соседстве с самоядью в северных странах. Юgra рассказала моему отроку: удивительное мы встретили новое чудо: есть горы, заходящие в морскую луку, им же высота до небес; в тех горах громкий крик и говор, и прорубают гору, желая прорубиться, в той горе высечено оконце маленькое, и оттуда говорят, но нельзя понять языка их, но показывают на железо и махают рукой, прося железа; если кто даст им железо — нож или секиру, то они взамен дают звериные шкуры. Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, так что не всегда доходим до них».

Много удивительного и действительно чудесного рассказал летописцу вольный новгородец. Но главное чудо все же не люди, прорубающие горы, а то, что Гюрага хорошо ориентируется в обстановке и топографии Севера. Как о само собой разумеющемся говорит он о самоедах, раскрывает существо нехитрого натурального обмена мехов на металлические изделия, знает о Байдацкой губе — «морской луке» и почти достоверно описывает природные особенности Уральского Севера. А сколь многозначительна его фраза о том, что «есть и подальше путь на север». Новгородцы явно не первый год осваивали новый пушной рынок. Напомню, что Нестор записал этот рассказ на исходе одиннадцатого века, в 1092 году.

Если вдуматься, эта, на первый взгляд сказочная, история из летописи выглядит сугубо реалистично. Благодаря таким «сказкам» мы достоверно можем судить о том, как давно русского человека тянуло на дальний, холодный, загадочный, но и столь притягательный Север.

Специалисты спорят, где прошли новгородцы. Но в летописи есть слова, которые подтверждают самый северный вариант маршрута — «зайдуче луку моря». Вряд ли упоминался бы залив Карского моря, если бы путь проходил за многие сотни верст от него.

Проникновенно выразился о подвиге новгородцев русский историк прошлого века Иван Беляев:

«Русские в XI — XII веках так далеко заходили на север, как в то время не заходил ни один европейский народ, ни даже отчаянные мореходы норманны, и настолько знали глубокий север Азии, насколько он не был известен никому в Европе даже несколько веков позднее».

Отважные новгородские ушкуйники и позднее пробирались за «Камень», и, если не удавалось брать даровую дань, прибегали к натуральному обмену. Закаменные территории «мяхкой рухлядью» были обильны зело. Выдающийся исследователь российской полярной истории, явивший миру городище древней Мангазеи, ныне покойный профессор М. И. Белов особое значение придавал тому факту, что на раскопках были обнаружены постройки домангазейской эпохи — то есть задолго (приблизительно лет за 30) до официальной, государево-воеводской Мангазеи на ее месте уже было небольшое поселение. Можно предположить, что этот Тазовский городок основан поморами, пришедшими сюда с Белого моря через Обскую губу. Но у Белова была и другая версия — сухопутная. В древних документах он находил глухие упоминания о городке на реке Надым, о Пантуеве городке на реке Пур, а задолго до основания Обдорска (нынешнего Салехарда) на его месте или где-то неподалеку существовал Обский городок. Таким образом, от

Урала строго на восток, почти по Северному Полярному кругу тянулась цепочка русских поселений, которая подходила к Енисею. Белов надеялся, что тщательные археологические исследования позволят подтвердить вещественно-документально его мысль о давнем и последовательном проникновении на Север русских людей, которые, добавим от себя, на своем пути не миновали Северный Урал, преодолевали его.

Документально засвидетельствовано, что один из первых русских походов в Нижнее Приобье состоялся в 1499 году по приказу царя Ивана Третьего. Необходимо отметить, что это был общерусский поход — среди ратников, которых вели воеводы Семен Федорович Курбский, Петр Ушатой, Василий Бражник, были представители разных русских городов того времени. В рать входили устюжане, вымичи, сысоляне, двиняне, пинежане, вычегжане.

Князь Семен Курбский, в отличие от своего родственника Андрея, вошедшего в историю как автор едких посланий к Ивану Грозному, не особо владел изящным слогом. Но в Москве после удачного уральского похода его посетил иноземный гость, который взял у него, говоря современным языком, интервью. Пожалуй, затяжные эти беседы радовали любознательного интервьюера, ведь он готовил книгу, которую и сегодня цитируют все историки Сибири. Собеседником князя был барон Сигизмунд фон Герберштейн, приезжавший в 1517 году в составе посольства австрийского императора Максимилиана. Времени после похода минуло немало, но любопытствующий посланник разыскал предводителя северных удальцов, которому наверняка льстило, что старого вояку еще помнят. Наверное, он кое-что подзабыл, кое-что приукрасил, но его мемуары вошли в книгу Герберштейна «Записки о Московитских делах». О ратных подвигах князь по каким-то причинам предпочел упомянуть вскользь («Ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую

землю зело вывоевали»). А упирал в основном на то, что поход его был чуть ли не исследовательским — «для исследования местности за этими горами». Родовитый князь самолично потратил «семнадцать дней» для восхождения на какую-то гору и все-таки не мог одолеть неприступной вершины. В герберштейновой книге примечательна помета, что «во владении государя Московского можно увидеть одни только эти горы». Сегодня нам действительно трудно представить, что в достопамятные времена только Урал и делал Россию горной страной, ведь Кавказ, Крым, Памир, Тянь-Шань, Карпаты в ее рубежах появятся значительно позже.

Поход соединенных воевод — это первое (за век до Ермака) русское организованное военно-географическое освоение северной Сибири. Но, кажется, не наплось еще ни одного археолога, который бы серьезно занялся сбором вещественных доказательств этого похода. А ведь здесь пахнет сенсациями масштаба «златокипящей Мангазеи».

Нет никаких сомнений, что с Полярным Уралом русский человек знаком уже около тысячелетия. И вот что странно: за веком шел век, а у края, известного на Руси, не было никакого названия. В донесении князя Курбского он был обозначен «Камнем». Но это имя для гор столь же конкретно, как для реки имя Река, а для моря имя Море.

В топонимической опале оказался, впрочем, весь Урал, а не только его полярная часть. Мы знаем, что древние географы приблизительно на месте Ураларисовали горы, которые называли Гиперборейскими, Рифейскими. Любознательный посол австрийского императора барон Сигизмунд приводит целый «буket» названий Урала — Пояс Мира, Земной Пояс, Пояс Земли, Камень Большого Пояса. Но множество названий свидетельствовало о том, что одного, установившегося имени не было. Герберштейну надо поставить в заслугу, что на карте,

изданной в Вене в 1549 году, он для той поры достаточно точно изобразил Северный Урал, написав о нем:

«Высочайшие горы, вершины которых вследствие непрерывных дуновений ветра совершенно лишены всякого леса и почти даже травы».

Объяснение безлесности полярных вершин не лишено резона, но сказать о здешней бесноватой пурге — «непрерывные дуновения» — слишком поэтически мягко.

Почитаемый и сегодня картограф Герард Кремер на своей карте России 1594 года разделил единый Пояс: «Великим Поясом» у него назван Урал Северный, «Каменным Поясом» — Урал Полярный, а имя «Камень Большой» следует отнести к приморским холмам Урала.

Заканчивая с «Каменным Поясом», хочу привести одну очень оригинальную теорию происхождения Уральских гор. Принадлежит она здешним коренным обитателям, маленькому северному народу манси. В одной из сказок приводится разговор двух мансиjsких божеств. Обращаясь к верховному Нуми-Торуму, один говорит:

— Кожистая земля наша, все качается, на месте не стоит. Когда люди на ней появятся, как на ногах стоять смогут? Верхний дух, отец мой, землю нашу укрепи, каким-нибудь поясом опояшь.

Пояс Нуми-Торума был украшен тяжелыми пуговицами. Земля под ним осела и неподвижна стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет — самая середина земли.

Послушаешь сказку и как не подумаешь: а не ведали ли, не прознали ли древние манси о вулканогенном происхождении этих гор? И как здесь не воскликнуть: так ли уж сказочны эти предания! ¹

¹ Хотя сегодня принято считать, что название «Урал» — башкирского происхождения, но все же следует помнить, что и в мансиjsком языке «ур» обозначает холм, возвышенность. Попутно отметим, что термин «пояс» сохранили геологи — горная система Урала представляет собой «складчатый пояс».

Путешествие в Самоессию с русской чаркой

Первое описание гор Рифейских, сделанное путешественником-очевидцем, европейцы прочли в 1671 году, когда в Париже вышла книга с забавным корабликом на обложке: «Путешествие в Северные страны». Хотя на той же обложке стояли лишь инициалы автора Д — ЛМ, он не прятался: на титульном листе расшифровывалось содержание самого «Путешествия», «в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, зириян, борандайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев и исландцев, со многими рисунками», и здесь же давалось полное имя автора — Пьер-Мартин де Ла Мартинье. Читатель мог узнать и дату путешествия — год 1653. Чуть раньше хирург из Руана волею медицинской практики оказался в Копенгагене, где король Фредерик Третий, соблазненный выгодами северной торговли, собирая небольшую эскадру, которая бы проникла к северным берегам России. Ла Мартинье подвернулся как нельзя кстати: северной флотилии требовался квалифицированный корабельный доктор — осторожные датчане справедливо полагали, что в борьбе с белыми медведями можно наломать много костей, не только медвежьих, но и матросских. У руанского доктора уже был опыт приключений в дальних странах. Фортуна не изменяла ему: все его путешествия в далекие и неведомые страны кончались благополучно — и в Азии, и на западном берегу Африки, и у мавров в Бербере. По всему видно, французский лекарь характера был рискового.

Не будем рассказывать обо всем маршруте датских кораблей. Остановимся сразу в устье Печоры, откуда на семи оленях отправляются в дальний путь приказчик с подручным, два матроса и любознательный доктор. Одна нарта выделена под табак, водку и провизию. Еще

одну нарту занял проводник, которого выделил местный воевода.

С вечера этот воевода устроил пирушку, растянувшуюся на полсуток. Наутро гости опохмелились «по чарке водки». Перед расставаньем снова вышли «по пяти или шести чарок водки». Не многовато ли? Приходится писать об этом, потому что из-за обильных выпивок автор «Путешествия» что-то проглядел, что-то проспал, и то, что касается двукратного переезда Урала с запада на восток и обратно, занимает у него всего лишь несколько строк.

Нынешние дотошные читатели ламартиньера труда сомневаются в том, что француз пересек Урал. Лихость докторского стиля действительно дает основание для таких сомнений и подозрений. Но вряд ли кто сможет доказать и то, что Ла Мартинье побывал лишь на западных склонах Полярного Урала. В таких случаях весомые доказательства находят и верящие доктору, и их оппоненты. Мы, пожалуй, поверим французу, которому и так на протяжении веков слишком часто не доверяли.

Вот путь в Сибирь: «Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири,— путь очень тяжелый и трудный, по причине безлюдности этих мест, которые и не могут быть обитаемы, как по своей безлюдности и по множеству снега, так и по чрезмерному количеству белых медведей и волков. После больших затруднений, с которыми должны были справляться олени при перевале через хребет, на что мы употребили 10 или 12 часов, мы спустились в одну сибирскую деревушку».

А вот обратный путь: «Поблагодарив нашего хозяина, отправились в путь и быстро ехали около 17 часов, покупая меха у сибиряков, вплоть до гор Рифейских, которые мы перевалили в 6 часов, и приехали в Самоессию, страну совершенно пустынную, гористую, поросшую можжевельником, сосною, елью, обильную мо-

хом, а также и снегом, со множеством волков, медведей, совершенно белых лисиц».

Неумеренное потребление спиритус вини лихим доктором в столь уникальном его путешествии вряд ли принесло пользу истории науки. У русских полярных историков прошлого века путешествующий лекарь из Руана пользовался репутацией беззастенчивого враля и выдумщика. Часть этой репутации нужно переложить на ламартиньевых издателей, которые уже после его смерти привирали от себя. Но нашелся дотошный исследователь, который с тщательностью добросовестного мельника отделил зерна от плевел, прокомментировал все темные места ламартина «Путешествия», чтобы в конце концов сделать несколько неожиданных выводов.

«Легкомысленный француз», как его называют его критики, своей бесхитростною книжкой, заинтересовавшей тогдашнюю читающую публику, может быть, сделал больше для сближения Западной Европы с Россией, чем иные многотомные ученые трактаты, публике этой непонятные и недоступные. Для нас, русских, эта книга представляет особый интерес потому, что дело касается по большей части самых глухих (даже еще и теперь) углов нашего отечества. Шутка сказать — он открыл путь с Печоры на Обь, о котором мы по сей день еще не договорились. Положим, путь этот задолго до Ла Мартиньера был известен местным промышленникам, как известен он теперь современным. Но он первым его описал, первым не только из европейцев, но даже раньше русских», — так в 1910 году писал почетный член Московского археологического института и Международной Академии наук, искусств и литературы в Тулузе В. Н. Семенкович, предлагая читателю перевод «Путешествия в Северные страны» и обширный комментарий к нему.

Простим французскому дворянину его неумеренное уважение к русской водке и посмотрим, что мог узнать читающий европеец (а этот труд был издан в Амстер-

даме, Лондоне, в германских княжеских столицах Гамбурге и Лейпциге) о приуральских краях и их обитателях. О самом Урале, как мы помним, корабельный доктор сказал до обидного мало. Зато больше узнаем о тех людях, с которыми встречались датские моряки, об их торговых операциях, которые они вели с местным населением. Торг, впрочем, был колониально прост: за редкую здесь водку и табак в ход шли шкурки лисиц, волков, горностаев, песцов. Принимали иноземных гостей любезно и учтиво: «Мы выпили и закусили с ними тем, что имели, а они нам принесли своего угощенья, которое состояло из соленого волчьего мяса и медвежьего мяса с водкой».

Основные торги датчане вели в Папингороде.

Как выяснил дотошный Семенкович, под этим «псевдонимом» скрывалось какое-то русское поселение на реке Ляпин (переиначить Ляпин в Папин неудержимому Ла Мартиньеу ничего не стоило). Свободный от непосредственных операций купли-продажи, доктор смог осмотреть этот городок. После очередной выпивки городок ему почти понравился:

«Расположен в красивой местности, в небольшой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река, дома дурно построены, низки, все сделано из дерева и дерна».

Описав здесь же костюмы обывателей Папингорода, доктор переходит к характерам тамошних жителей. Надо отдать должное, он смог подметить в этих характерах и хорошее, и плохое. Московиты, по его наблюдениям, «грузны, крепки, подвижны, ловко стреляют из лука и вовсе не сутяги; так как их законы основаны на полном равенстве, то они сурово наказывают предателей, воров и убийц; они довольно невежественны, любостяжательны, любят выпить, мужиковаты и столь ревнивы, что запирают своих жен, как пленниц, в комнаты». В другом

месте француз снова поминает московитскую ревность. Отнесем это за счет того, что знаки расположения, которые выказывал пылкий чужестранец, не нашли отклика в холодноватых сердцах русских красавиц.

Описание Ла Мартиньера вполне согласуется с утверждением историка начала прошлого века А. Лерберга: «В упомянутом Ляпине были некогда порядочные русские лавки, и... место это уже до XVI века было известно по торговле, которая производилась там».

Такими были первые сведения очевидца-европейца о Рифейских горах. Путешествию мы обязаны еще и тем, что «темные» места книги породили комментарий доброжелательнейшего ламартиньера читателя, русского ученого В. Н. Семеновича. Этот комментарий имеет самостоятельное значение — ведь русский член Тулузской академии перерыл все тогдашние русские источники, посвященные краям, где путешествовал французский медик.

С приключениями путешествовал по Полярному Уралу первый просвещенный европеец. Приключения не обошли и его книгу. У интересной судьбы не бывает скучного продолжения.

Имя для гор

Только в начале восемнадцатого века Урал получает свое настоящее имя. Событие это связано с великим уральским радетелем — Василием Татищевым. Именно он окрестил на долгие века вперед весь хребет, вплоть до Ледовитого океана, Уралом.

Жизнь Татищева переполнена крутыми поворотами, полна невзгод, многое ему не позволили сделать. К сожалению, удары судьбы рикошетом ударили и по его трудам. «Введение к гисторическому и географическому

описанию Великороссийской империи» он написал в 1744 году, издано же оно было лишь два столетия спустя. А именно в этом труде его рукой написано: «Уральские горы суть знатнейшие во всей империи и по признанию разумеются за те, которые у древних описателей называли Гипербореи и Рифеи... Начало оных гор от Ледяного моря». Именно во «Введении» он высказывает блестящую по тонкости наблюдения и анализа идею разграничения частей света по водораздельному хребту — Уральским горам. Он находит «обстоятельства» в ботанике, ихтиологии, климатологии, чтобы подтвердить «природность» своей гипотезы, блестяще опровергая Геродота, Делиля, Исбранта, которые проводили границу частей света если не произвольно, то вряд ли естественно. Однако слава за определение нынешней границы Европы и Азии досталась пленному шведу Табберту, которому Василий Никитич указал на ложность его представлений об Оби как реке, разделяющей Европу и Азию. Но швед после возвращения в Стокгольм успел скорехонько напечатать свой трактат, в то время как татищевский труд пылился в департаментских архивах.

Если уж история и распорядилась не совсем справедливо, упомянем вкратце и татищевского соперника, тем более, что в биографии его есть немало занимательного.

Армейский капитан шведского короля Карла XII Филипп Иоганн Страленберг под Полтавой попал в плен. Естественно, офицер полагал, что с ним произошло непоправимое несчастье. Но, как гласит русская поговорка, не было бы счастья... Незадачливых шведских вояк отправили в ссылку, и Страленберг попал в Тобольск. Полновластный тогдашний сибирский владыка, губернатор князь Матвей Гагарин к грамотным шведским офицерам благоволил, особо не притеснял и разрешал для прокорма заниматься чем угодно. Кадровый военный, бывший полковой квартирмейстер капитан Филипп в ссылке показал

себя незаурядным исследователем. Академик Д. Мессершмидт, который взял его помощником в путешествии по Сибири, не мог нарадоваться, писал самое лестное: «Прилежный, верный, мой единственный друг и подпора, красноречивый Табберт» (Таббертом капитан прозвывался, пока Карл XII не пожаловал его в дворяне). В 1721 году Петр I заключил Ништадский мир, и полтавские неудачники могли возвращаться в родную Скандинавию. Страленберг в мае 1722 года покинул своего научного патрона, причем Мессершмидт при расставании, как он сам писал, «пролил много слез». Двенадцать сибирских лет не прошли для шведского капитана даром — он много узнал о краях, которые Европе все еще виделись туманно. В 1730 году он издал в Стокгольме солидный том — «Северная и восточная части Европы и Азии». Страленберговский труд вызвал неоднозначную реакцию. Диапазон мнений был широк: одни называли его «злобным клеветником», другие предлагали «отдать дань справедливости за богатство новых и ценных сведений о России и Сибири».

С Татищевым Страленберг был знаком хорошо, Василий Никитич даже ходатайствовал за ученого капитана перед Петром. Но Страленберг беззастенчиво, вполне в рамках тогдашней научной этики, использовал татищевские идеи, мысли, данные и если не делал это сознательно, то объективно выступил перед читающей европейской публикой первоходцем там, где уже давненько хаживали его русские знакомцы. В книге Страленберга нас особенно интересует то место, где он рассказывает о путешествиях по воде и суше из России в Полярную Сибирь: «А из Печоры попадают в реку Усу, у начала которой вытекают два ручья, Елец и Черная, через которые попадают в горы, и из них в реку Собь, которая впадает в большую Обь».

Конечно, сведения стокгольмского сибиряка трудно считать оригинальными, но в его сообщениях нужно

видеть свидетельство того, что его сибирские собеседники хорошо знали топографию полярно-уральских дорог.

Название «Камен Урал» применительно к хребту мы можем увидеть и в «Чертежной книге Сибири» знаменного тоболяка Семена Ульяновича Ремезова, изданной им в самом начале века восемнадцатого. Но пройдет добрых полвека, прежде чем Герард Миллер в своем «Описании Сибирского царства» впервые напечатает это столь сегодня хорошо усвоенное нами слово — «Урал». Закрепил это учебник географии, изданный в 1758 году. В учебниках, как правило, ничего случайного не помещают, с тех пор название «Уральские горы» укрепилось в сознании не только русских школьников, но и всего народа.

А Полярному Уралу пришлось ждать своего имени еще почти целое столетие. И — как нередко бывает — на права «крестного отца», на приоритет претендуют сразу двое.

В 1841 году в Москве, в университетской типографии вышла книга Г. Е. Щуровского «Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях» — первая геологическая энциклопедия по Уралу. Григорий Ефимович остался в истории науки как первый ординарный профессор Московского университета, который стал читать курс минералогии и геогнозии, что свидетельствовало об утверждении отечественной геологической школы. Профессор был одним из основателей и первым президентом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Любители» действовали профессионально и много сделали для изучения России. В 1838 году профессор геогнозии (так тогда называлась нынешняя геология) исходатайствовал не без помощи влиятельных друзей «высочайшее соизволение и средства для путешествия на Урал». В результате этой поездки и появилось одно из самых капитальных сочинений по Уралу, в трех час-

тих которого ученый давал описание хребта и его минеральных богатств, выдвигал гипотезу образования гор.

«За рубежом населения, от источников Лозвы в Тобольской губернии,— читаем мы в труде Щуровского,— начинается самая северная часть Урала, или Полярный Урал. Он идет почти прямо на север и, достигнув Вайгачского пролива, скрывается в море; потом снова показывается островом Вайгачем и, скрывшись еще раз, выдвигается длинною и утесистою полосою, составляющею Новую Землю. Высота Полярного Урала до сих пор остается мало определеною».

Как явствует из приведенного отрывка, Григорий Ефимович включал в Урал архипелаг Карского моря — Новую Землю, этот, как он образно писал, «вековой оплот противу нетающих ледяных масс». Не все современные ученые этот «вековой оплот» считают арктическим окончанием горного хребта.

При всем уважении к заслугам Щуровского, все же необходимо отметить, что не он первым употребил термин «Полярный Урал». За год до профессорской экспедиции на Урале, в самой северной его части, примыкающей к Большеземельской тундре, побывал двадцатидвухлетний ботаник Александр Шренк с заданием Петербургского ботанического сада. Этот край был настолько не изучен, что недавнему студенту вполне хватило хорошо усвоенного университетского курса, чтобы кроме ботанических описаний сделать самостоятельный геогностический обзор, оставить хорошие записи для этнографов, попутно собрав экономический и исторический материал. Именно этот «универсал» и употребил первым термин «Полярный Урал». Однако его книга «Путешествие по Северо-Востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам» издавалась очень долго и вышла только через семь лет после труда Щуровского. Григорий Ефимович не осуждал шренковского приоритета.

Итак, имя появилось. Но привилось ли? Практика свидетельствует, что неустоявшиеся названия имеют те географические объекты, на которые мало кто обращает внимание. Уже в нашем веке, в 1914 году в Петербурге вышло «полное географическое описание нашего отечества», «настольная и дорожная книга» «Россия». Ее общую редакцию осуществляли такие авторитеты в географии, как академик В. И. Ламанский и В. П. Семенов-Тян-Шанский. Весь пятый том был отведен Уралу. Но о Полярном там всего один абзац:

«Короткое, холодное лето, часто дождливое и туманное, мириады комаров и мошек, лесные пожары в сухое время, низкая температура, господствующая на горах, временами даже в середине лета (например, в конце июня) покрывающих снегом, ранняя долгая зима, отсутствие дорог, «ломы» на реках — это все лишает его жизни и сообщает ему угрюмый и суровый характер».

Авторы и редакторы «России» как будто не читали Щуровского и Шренка, по их мнению, от горы Ишерим (это 61-я параллель) до самого побережья Карского моря (68 градусов 30 минут с. ш.) тянулся Северный Урал. Согласитесь, если вас вместо Петра называют Иваном — это обидно.

Однако продолжим цитату из «настольной и дорожной книги»:

«Несмотря на это, благодаря энергичным работам экспедиций, орография и геологическое строение негостеприимного уголка, как это ни странно на первый взгляд, выяснены уже с достаточной полнотой и даже более равномерно, чем остальное пространство края».

Да, как ни странно, так оно и было. Но парадокс, подмеченный «Россией», кажется, имеет легкое объяснение: для исследователей всегда наиболее привлекательными становились трудные края — это их своеобразная привилегия.

Мы вели в этой главе речь о географических названиях — разговор можно закончить на не очень мажорной ноте. На Полярном Урале царит настоящий топонимический хаос. Так уж исторически сложилось, что географическим объектам названия давали и ненцы, и коми, и ханты. Но если какая-то река или вершина имеет три имени, даже четыре — еще и русскую кальку какого-то коренного названия, то у других нет ни одного. Но у безымянных — перспектива, что их в скором будущем поименуют. Однако случаются и обратные парадоксы.

В 1909 году хребет от Обдорска до Карского моря прошла академическая экспедиция. В районе озера Хадата-Юган-Лор путешественники поименовали несколько вершин очень красивого здешнего горного массива. Люди, чьи имена были нанесены на карту, очень достойны — геолог академик Ф. Н. Чернышев, основатель отечественной сейсмологии академик Б. Б. Голицын, географ Д. Н. Анучин. Все они немало сделали для изучения Урала. Не забыты были и заслуги полярно-уральских первопроходцев — Э. К. Гофмана и М. А. Ковальского.

Однако на современной карте этих названий не отыскать. Я спросил у хадатинского гляциолога, указывая на гору Чернышева: «Есть у вершины название?»

— Палатка, — ответил он.

Надо отдать должное наблюдательности местных исследователей — тысячелетровая «палатка» выглядела очень внушительно и импозантно. Но ведь у вершины есть имя, куда оно делось? Не найдешь на современной карте и тех названий, которые давали Гофман, Ковальский, А. Брем. Да и вообще хотелось бы видеть на карте Полярного Урала больше имен тех, кто шел сюда, чтобы приоткрыть тайны суровых гор. Будем верить, что не просто топонимическая, а историческая справедливость будет восстановлена.

К строптивому «князю гор»

Первым исследователем Полярного Урала следует назвать Василия Зуева. Любопытство этого юноши было неистощимо. Его научный патрон академик Паллас послал выпускника академической школы так далеко, наверное, просто потому, что ему самому северный маршрут был бы тяжеловат. А вот Василию, который еще не мог позабыть своего голодного и оборванного детства, экспедиционные трудности вряд ли были в тягость.

Задачей будущего академика было достичь Карского побережья. Зуев сделал это кратчайшим путем: из Обдорска через реку Байдарату и самые северные отроги Урала. Зуев успел управиться за неполных полтора месяца. Зная из истории более поздних экспедиций, какие затруднения исследователям приходится испытывать с транспортом, можно предположить, что двигался естествоиспытатель налегке, на нескольких упряжках и без большого багажа. О своей поездке Зуев писал только рапорты Палласу, они сохранились в академическом архиве, и ученые, которые позднее занимались Полярным Уралом, могли с ними познакомиться. Стоило большого труда расшифровать маршрут поездки: подводили разноречия в географических названиях, да и молодой естествоиспытатель, при всей своей добросовестности, был слишком мало искушен в тамошних языках — его транскрипции приходилось разгадывать. Отгадки давались нелегко. Если в зуевской «Венумтурме» еще можно почувствовать реку Нундерму, а в заливе «Подаретти» — Байдарапскую губу, то «Хая» и Ханмей, «Оо» и Ой-Яха сближаются только по интуиции.

Трудно, не располагая документальными свидетельствами, угадать, какие мысли обуревали молодого исследователя. Но любопытен тот факт, что после четырех дней пребывания в Обдорске, не передохнув после тяже-

лого путешествия, Зуев снова стремится к Уралу, выбрав на этот раз путь по реке Собь. За три дня он забрался в горы довольно глубоко, до места слияния истоков Соби. И только какая-то, вероятней всего, трагическая причина заставила его повернуть назад. Надо полагать, Паллас не мог давать своему практиканту столь определенно четкие задания. Ясно одно, что Василий Зуев сам рвался в горы.

Научных работ по Полярному Уралу будущий академик не оставил, но он возбудил интерес к этому району. Ведь достойно внимания то, что спустя шесть десятилетий, когда готовилась первая полярная экспедиция Русского географического общества, ученые тщательнейшим образом исследовали архивы Зуева и Палласа. Особенno полезными оказались архивные данные для ботаников, потому что зуевский гербарий, собранный им в низких предгорьях, насчитывал более сотни растений, три десятка из них встречались только на Полярном Урале.

Отголоски зуевской экспедиции можно услышать и в капитальном труде Щуровского. Геология Полярного Урала описана одной категорической фразой: «Урал вовсе не известен нам до самого Вайгача». Зато о полярно-уральской флоре профессор геогнозии пишет более подробно и конкретно.

Еще одна попытка проникновения на Полярный Урал была не особо успешной, хотя и принадлежала она чрезвычайно удачливому путешественнику, талантливому астроному и геофизику Адольфу Эрману. По пути к горам во время своего кругосветного путешествия 1828 года Эрман разбил свои приборы и не смог провести намеченных исследований. От Эрмана остался термин «Обдорские горы», которыми он обозначил невысокие увалы в восточных предгорьях Полярного Урала.

Спустя полтора десятилетия через Полярный Урал ехал Матиас Александр Кастрен. Горы не были пред-

метом его изучения. Гельсингфорсский адъюнкт занимался языками «инородцев» Севера, изучал обычаи и нравы аборигенов. Но по складу своего характера любознательный финн принадлежал к тому типу ученых, которые не замыкаются в кругу ограниченных проблем, и считал, что все интересное ему может быть интересно другим. Именно этому кастреновскому качеству мы обязаны его тонкими замечаниями и наблюдениями, редкими сведениями об этом крае.

К Уралу по Усе Кастрен добирался на крупной лодке — каюке, который нередко приходилось тащить бечевой. Когда же начали подниматься по Лемве, сильный ветер сломал мачту их парусника, и «со старою мачтою как будто бы переломило и наше счастье». Штормовой ветер и дожди надолго задержали продвижение к виднеющимся вдали горным вершинам. Но главная «отсидка» предстояла еще впереди, когда путешественники достигли одинокой избушки на берегу Усы. В этой тесной «хижине» собралось полтора десятка человек, тех, кто дождался зимней дороги, чтобы продолжить путь к Обдорску — в академическом предписании именно этот пункт считался началом исследований. Грязная, сырая, дымная хатенка, вшивые спутники — это повергло в смятение даже Матиаса Александра, повидавшего виды на Скандинавском и Российском Севере. Первая мысль этого человека, которому всегда трудно сиделось на месте, — бежать, двигаться вперед. Но не нашлось ни одного бывалого зырянина, который бы в качестве проводника разделил с ним компанию. Постепенно нетерпение прошло, Кастрен внимательнее вглядывался в своих спутников в жалкой рыбачьей лачуге, постигая этих простых людей, которые могли путешествовать, по несколько дней не имея возможности развести огонь, питаться куском сырого мяса или рыбиной, находящих ночлег там, где, казалось бы, трудно приспособиться чему-то живому, умеющих радоваться простым вещам, которых не замечаешь,

когда они повседневны. «Разбита палатка и есть надежда на ужин — путники пробираются в нее один за другим и усаживаются подле очага, весело поглядывая на котелки». Чем ближе подходил день отъезда, тем лучше становилось настроение нетерпеливого ученого, и он, сменив унылый тон, мог написать: «Утро следующего дня было великолепно. По-моему, далекий Север не представляет ничего лучше ясного звездного осеннего утра, когда земля покрылась уже снегом, лес чернеет, а лед еще блестит, когда воздух чист и легок, ни ветерок, ни птица, ни один звук не нарушают безмолвия природы».

Только 9 ноября 1843 года Кастрен оказался в Обдорске и сразу записал в своем дорожном дневнике: «добрался... после почти двухмесячного странствия, сопровождавшегося такими трудностями, каких не испытывал ни в одном из моих путешествий». Позднее, когда он подготовит к изданию книгу своих странствий, то добавит: «ни прежде, ни после». А такому путешественнику, как он, можно верить: за его плечами остались десятки тысяч северных верст.

Разностороннего кругозора ученый, Кастрен умел придавать значение любым мелочам.

Есть в здешних местах горный массив с вершиной Пай-Ер. Сегодня это название связывают с капитаном австрийского судна «Тегетгоф», отважным Юлиусом Пайером, первооткрывателем архипелага Земля Франца-Иосифа. Но это не более, чем звуковое совпадение, которые нередко случаются и приводят к далеко идущим, но ложным заключениям. Кастрен не только объяснил, но и описал эту видную вершину. Название горы чисто печенецкое. «Пэ» означает «камень», а «ерв» — «князь», «господин». Это «князь-гора», или в более вольном переводе «господин Урала». Вот что писал об этом горном «князе» Кастрен:

«Третьего ноября я впервые увидел Урал во всем его великолепии. Из среды высоких волнообразных гор

поднимал «князь Урала» белое чело свое, над которым сверкали тысячи звезд. Мерцание их придавало какую-то жизненность недвижным его очертаниям.

— Видишь, Князь нынче кроток, но он не всегда таков,— сказал незаметно подкравшийся ко мне самоед.

Он приняллся рассказывать мне о страшных бурях, свирепствующих на Урале, низвергающих камни и целые скалы, и как многие из его братьев при переезде через Урал погибли от них».

Добравшись до Тюмени, ученый записывал в свой путевой блокнот, и в этой записи чувствуется стиль переводчика «Калевалы» (незадолго до этого путешествия Кастрен переложил финские руны на шведский язык):

«Я переезжал через Урал в трех местах: при Обдорске, Верхотурье и Екатеринбурге. При Обдорске местный исполин стоял, скрыв в облаках свое обнаженное темя, при Верхотурье я видел его широкую вершину, при Екатеринбурге виделись только нагие кости его пальцев. При Обдорске скакали олени, при Верхотурье бегали сохатые, а при Екатеринбурге паслись стада рогатого скота. При Обдорске все была тундра, при Верхотурье — лес, при Екатеринбурге — большую частью возделанные поля. При Обдорске я видел остыков и самоедов, при Верхотурье — vogulov, при Екатеринбурге — башкиров. При Обдорске были юрты, при Верхотурье — избы, при Екатеринбурге — высокие дома».

Что ни говори, а когда в суховатом ученом уживается возвышенный поэт, его образные сравнения позволяют ярче, нагляднее понять всю картину в ее объеме, глубине и красочности.

Я упоминаю о Кастрене еще и потому, что он послужил примером, и как ученый, и как человек, для другого отважного исследователя, который изучение Северного Урала и его обитателей сделал целью своей жизни. Имя этого путешественника — Антал Регули.

Странствия отважного венгра

Встреча эта произошла в Гельсингфорсе, в холостяцкой келье, где солидные переплетенные тома лежали прямо на стульях, на постели, на полу, на полке рядом с тазиком для умывания. Здесь обитал первый в Финляндии профессор финского языка Александр Кастрен. Университетский преподаватель отметил двадцать седьмой год, его знаменитое транссибирское путешествие еще предстояло, свои капитальные труды по финно-угроведению он еще лишь задумывал. Но за Кастреном уже закрепилась репутация надежды Финской науки, этот худой, болезненный человек таил в себе неистощимый заряд исследовательского энтузиазма.

Его собеседник был моложе на шесть лет и, пожалуй, тогда еще не сознавал своего жизненного предназначения. Хотя молодой венгр Антал Регули изучал юриспруденцию, перспективы стать правоведом его особенно не прельщали. Но на правоведческом факультете преподавали историю, и вот именно этот предмет — история родной страны — навсегда пленил его.

Странная все-таки штука — судьба, как чудно порою она сводит нужных друг другу людей. И Кастрен, и Регули — неутомимые путешественники, и оба неизлечимо больны, и оба глубоко верны науке, и оба фанатично преданы идее раскрытия древних тайн происхождения своих народов. И эта всепоглощающая идея не может не привести каждого на Урал, ибо там проживают языковые родственники и финнов, и мадьяр. Надо отдать должное молодым исследователям, они не были заражены тем высокомерием и чванством, которым грешили их земляки — буржуазного склада интеллигенты, фальшивая гордость которых не позволяла им говорить о родстве с недостойными «инородцами» Сибири.

Позднее Регули напишет с Урала:

«Некоторые ученые имели ужасное представление о манси, но их мнение несправедливо и неверно, вытекает из предрассудков. Они наблюдали отталкивающие явления, не замечая главного».

На Урале предки мадьяр, когда в конце первого тысячелетия нашей эры начали продвижение к берегам Дуная, оставили две близких по языку народности — хантов и манси, а в европейском Приуралье — мари, удмуртов и мордву. Некоторое время спустя после встречи в Гельсингфорсе Регули писал новому другу: «Это здорово, что я хочу провести следующую зиму в Лапландии, где хочу практиковаться после учебы. Я намерен... через шведские, норвежские и финские лапландские районы добраться до русской Колы, затем к Архангельску и в Олонец». России в его планах отводилось особое место. «Чтобы дать вам полное представление о моих планах, должен еще добавить, что хочу съездить в Петербург (если будут средства на это), в город, который я считаю главным для возможной поездки к восточным финнам (так Регули называет обских угров.— A. O.). Там я проведу время за знакомством с русскими учеными, чтобы опереться на их помощь, воспользоваться имеющимися в их распоряжении документальными источниками. Хотел бы я посетить летом и Нижний Новгород, где на знаменитую ярмарку собирается народ со всей России и Средней Азии. Там можно собрать такой материал, который не дадут многомесячные поездки по всем этим областям».

Чтобы намеченное могло осуществиться, необходимо было заручиться надежной поддержкой могущественного мецената, а за плечами несостоявшегося двадцатилетнего правоведа не было чего-то, что могло бы привлечь к нему внимание солидных ученых. Финансовая поддержка родителей была постоянной, но по-европейски скромной, семейный бюджет, конечно же, не выдержал бы всех

превратностей сибирской экспедиции. Однако родительские гульдены позволили Анталу добраться до Петербурга, чтобы продолжить здесь учебу, познакомиться с теми учеными, которые не считали зазорным для себя изучение «диких инородцев». Первым следует назвать академика Петра Ивановича Кеппена — экономиста, географа и этнографа. Это был деятельный и инициативный организатор. Предпринимая многочисленные самостоятельные путешествия по российским провинциям, он приветствовал всякого, кого манили неизведанные и неисследованные дали России. Когда в поле его зрения попадался редкий в эту эпоху среди ученой бюрократии энтузиаст, академик оказывал ему всяческую поддержку. Петр Иванович задался целью создать единую этнографическую карту Российской империи, и ему катастрофически не хватало материалов. Намерения Регули, если и не укладывались в рамки кеппеновского замысла, то все же лежали где-то рядом. Петр Иванович свел молодого пылкого венгра с маститыми академиками А. М. Шегреном и К. М. Бэром, адмиралом Федором Литке, другими петербургскими авторитетами. Перед Регули были открыты академические архивы. Гельсингфорс и Петербург сыграли в судьбе венгра решающую роль — он приобрел здесь необходимую широту кругозора, которая нужна исследователям, стоящим у истока новых научных традиций. В царской столице Антал укрепил свои познания в археологии, антропологии, картографии, этнологии и географии. К весне 1842 года замысел североуральской экспедиции выкристаллизовался в научную программу, посланную в Венгерскую Академию наук. «Лингвистический путь,— формулировал Регули,— не только точный и безошибочный, но и единственный, чтобы доказать родство между народами, которые продолжительное время существовали раздельно. Мы придем по нему ко второй важнейшей части проблем нашего родства с другими народами — к этнографическому и историческому «цен-

тру тяжести» вопроса». «Живую картину народной жизни и его языка можно получить только, если жить вместе с народом, чувствовать его», — добавлял он.

Будапештские академические чины, вероятно, долго вертели программу Регули, не решаясь оказать поддержку молодому исследователю. Их смущали и молодость путешественника, и его цель — вроде и к «родственникам» едет, но к таким, которых в ту пору никто цивилизованными не признавал; смущал и размер денежной суммы, которая позволила бы снарядить более или менее приличную экспедицию. Шли месяцы, в сплошных тучах черных сомнений появлялись проблески надежды, но небо снова затягивали облака безнадежности. Только в конце 1842 года академики расщедрились на тысячу гульденов. Антал поторопился порадовать родителей: «Я очень взволнован сообщением, не могу прийти в себя, потому что с помощью «чуда» нашей Академии наконец-то превратился из русского путешественника в венгерского». Однако долгожданный денежный перевод в российскую столицу не спешил. Стояла зима — время, по мнению Регули, самое подходящее для старта путешествия. Больше терять времени он просто не мог. Денег ему одолжил К. М. Бэр. Академические гульдены и сообщение о том, что он избран петербургским корреспондентом Будапештской Академии наук несколько запоздали, — нетерпеливый Антал уже находился на пути к Нижнему Новгороду. Тщательно им продуманный, согласованный с обстоятельным Кеппеном маршрут лежал через земли мари, удмуртов, татар, чuvашей, коми-пермяков. Оставив позади Пермь, Регули в декабре 1843 года увидел западные увалы Северного Урала, берега реки Лозьвы. Впереди предстоял полуторагодовой путь на север.

Почему-то в России фигура Регули не привлекла внимания историков науки, его главный труд «Вогульская страна и ее обитатели» не переведен. Только благодаря Кеппену мы можем узнать о маршруте венгер-

ского путешественника со слов самого Регули — «Записки императорского Географического общества» опубликовали его письмо к петербургскому академику. «Искренняя благодарность», которую приносит молодой исследователь русскому патрону «за многоразличные пособия», видимо, была выстрадана.

Регулевское письмо в своей основной части — пояснительная записка к «Этнографо-географической карте северной области Урала», которую он составил по просьбе Петра Ивановича.

Маршрут путешествия даже для нашего времени выглядит трудным, а для первой половины XIX века — почти невероятным. Из Соликамска Регули перешел Урал и попал в Тобольск, откуда через Пелым по Конде и Лозьве добрался до Щекурии. В конце сентября его небольшой аргиш с двумя проворными проводниками-манси входит в Березов, где он и зазимовал. А весной следующего года, разбитый болезнью (она схватывала его не первый раз), он держит путь на Казань. Но не столько болезнь, сколько нехватка средств гонит его назад...

В Казани его ждали приятные вести: академики с традиционным опозданием, но присыпают скучные гульдены. Пожалуй, вынуждала их политическая обстановка в Австро-Венгерской империи — венгры поднимались против ненавистного австрийского владычества, и революционные буржуа видели в путешествии своего земляка большой политический смысл: интерес к истории народа поднимается в периоды прилива национального самосознания. Регули еще почти целый год имел возможность заниматься изучением североуральских аборигенов. Нужда и болезни постоянно сопровождали его, но он всегда находил в себе силы, чтобы сделать как можно больше из намеченной программы.

Письмо к Кеппену сугубо деловое, о своей особе Регули вообще предпочитает скромно умалчивать, этнографические его замечания кратки и делаются только

там, где это кажется необходимым. И все же письмо гораздо шире, чем простая пояснительная записка к составленной карте. Даже сквозь деловую сухость не может не пробиться то огромное напряжение, в котором Регули жил во время североуральского путешествия, за каждой строчкой виден громадный труд и та фанатическая основательность, с какой венгерский лингвист подходил к выполнению задач в «стране безлюдной и пустой».

«Нет ни одной деревушки, ни одной vogульской жилой лачуги, которая не была бы показана на карте,— не без гордости констатирует Регули.— Хижины охотников, обитаемые только зимою, во время ловли, но чрезвычайно важные для путешествующего географа, желающего получить достоверные известия об отдельных частях этой страны, также большею частию показаны... Я обозначил также... шатры оленных кочевых народов и показал имена их владельцев, каждого в том округе, в котором он кочует в продолжение лета».

Русское географическое общество в Петербурге, когда там Регули занимался самообразованием, еще не было создано. Но о том, что оно будет, говорили определенно, как и о том, что первым предприятием организуемого общества будет полярная экспедиция на Урал. Регули понимал, что ему отводится роль разведчика, и, составляя карту для Кеппена, имел это в виду.

«Таким образом, члены экспедиции,— считал он нужным сделать необходимое пояснение,— будут иметь возможность находить в этих малонаселенных странах живые существа, которые могли бы служить для них знающими проводниками».

Основным материалом для карты Регули, естественно, служили его собственные наблюдения. Неоценима и помощь полярно-уральских аборигенов. А хорошее знакомство с русскими архивами позволило Регули собрать основной материал по интересующему его району. Кеппен мог быть доволен — его поручение выполнено самым серь-

еизнейшим образом, с основательностью, которую трудно подозревать в столь молодом человеке. Надо полагать, что и члены экспедиции Географического общества не однажды поблагодарили своего мужественного предшественника за такую обстоятельность: ведь другими картами этого края общество не располагало.

Руководитель экспедиции, педантичный воспитанник Дерптского университета Эрнест Гофман, не особо склонный к похвалам, не обошелся без восторженной оценки:

«Особенным счастием для нашей экспедиции было то, что в это время г. Антон (так его переинчили на русский манер.— *A. O.*) Регули, на возвратном пути из северного своего путешествия, увиделся с нами в Петербурге. Его этнографические и филологические изыскания завели его к самому Северному Уралу и на берега Ледовитого моря. Дневник его, кроме виденного им самим, заключает в себе драгоценное собрание сведений обо всем Северном Урале. Чтоб еще увеличить столь очевидно важную пользу этой карты, г. генерал-квартирмейстер Берг приказал тотчас ее налитографировать, так что каждый член экспедиции получил по экземпляру для собственного употребления».

Этнограф Кеппен мог быть доволен тщательностью Регули, с которой тот обозначил границы расселения коренных жителей северных отрогов Урала, прежде всего — манси, или, как их тогда официально называли, vogulov. Из рассказов своих спутников, из народных легенд и сказаний путешественник мог представить картину заселения полярного горного кряжа, тем более, что история эта была еще и не столь длинна.

«Хотя Урал и является нам, даже далее истоков Кары, населенным одними vogulами и осяками, однако эти два народа сделались весьма недавно его обитателями,— отмечает Регули.— Это в особенности можно сказать о vogулах, которые стали заводить оленей около начала прошедшего столетия. За несколько столетий тот

же Урал принадлежал исключительно самоедам — это доказывается именами гор,— на пространстве от Кары до истоков Южной Сосвы».

Самых южных ненцев из рода Минелова Регули встречал на реке Щугор, не преминув заметить, что семейство всего с пятью оленями «влечит жалкое бытие». Северное продвижение манси и хантов следует объяснять тем, что ненцы — преимущественно оленеводы — отходили со своими стадами к ягельникам на побережье Карского моря.

29 сентября 1844 года небольшой олений обоз — аргиш, который везет ученого и его скучный научный скарб, поднимается на Полуйский мыс. Но в заштатном сельце, каким был тогда Обдорск, ученый не задерживается надолго, он торопится дальше на север, ему страстно хочется достичь берегов Карского моря. Как же! Проделать столь длительное путешествие и не увидеть Ледовитый океан! Какого путешественника остановят препятствия, если есть шанс взглянуть на его суровые берега. В конце октября аргиш выходит к Югорскому шару — где с низменных болотистых берегов открывается картина бескрайнего моря со свинцовой холодной водой. У Регули нет времени, он задерживается здесь всего на несколько часов, чтобы повернуть назад. Пересекает увалистые холмы Пайхойского горного массива, попадает на Северную Сосьву. Отсюда уже проще добраться до Березова, где ему и приходится остановиться на зимовку. Оттуда один из его патронов, Карл Бэр, получает vogульско-венгерский словарь — плод березовских бедний.

Трудно представить себе, в каких условиях пришлось путешествовать энтузиасту-одиночке. С помощью влиятельных петербургских знакомых Антал заручился внушительными документами, но в пустынной местности их просто некому было предъявить, чтобы рассчитывать на помощь. Ночевки в палатках, в vogульских и осяцких

избушках и чумах, а порой и просто под небом, в слякоть, сырость, снег и метель. Конечно же, все это не могло не сказаться пагубно на ненадежном здоровье исследователя. Его чахотка прогрессировала, и несколько раз, когда положение казалось совсем безвыходным, он мысленно хоронил себя, и лишь одна мысль утешала: он умрет на земле родственного народа. Огромным напряжением воли Антал заставлял себя подниматься и продолжать работу. Когда он писал Бэрю о том главном, что не заметили страдающие предрассудками ученые-шовинисты, Регули имел в виду высокую ступень и духовной, и материальной культуры тех народностей, которые внешне жили в ужасающе диких условиях. Регули научился есть сырую рыбу и мясо, пить свежую кровь, как это делали его спутники, собирая лекарственные травы, ведь манси и ханты так же, как и он, в те времена повально страдали от туберкулеза. Он сменил свой европейский костюм на глухую малицу из оленевого меха, ходил в меховых чижах, которые позволяли переносить любую стужу — в родном Будапеште его собеседников зябко передергивало, когда он называл те температуры, которые ему приходилось переносить на Севере. Он прошел через пурги и морозы, неистовые паводки весенних горных рек, через болезнь, скуку и то, что, пожалуй, больше всего угнетало его — постоянную нехватку средств. Он не мог расплатиться со своими каюрами, не мог купить добротную старинную вещь, которая представляла настоящую этнографическую драгоценность. И только бескорыстная добротаaborигенов позволила собрать уникальные вещи, редчайшие для этнографических собраний Европы. Среди них были не только традиционные меховые одежды, обувь, но и нижнее белье, плетенное из веревок или даже крапивы. Богатый узор и сочетания цветов говорили о безукоризненном вкусе мастерниц. В его собрании оказались и резные фигурки, замысловатые деревянные коньки, детали парт, луки со стрелами, всевозможные рыболовные

ловушки и, как украшение всей коллекции,— настоящий мансийский музыкальный инструмент, который позднее в каталоге числился как «вогульская шарманка».

Коллеги Регули, увидев эти вещи (в ноябре 1847 года состоялось специальное заседание Венгерской Академии, посвященное экспедиции на Северный Урал), пришли в восторг.

Ференц Тольди высказал общее мнение:

— Хотя это собрание материалов и не особо большое, но единственное в своем роде.

В решении академического совещания было записано: классифицировать собранный материал и красочно напечатать в книге...

В этом решении следует обратить внимание на союз «или»: «...в книге путешествий Регули или в изданиях Академии». Здоровье Регули постоянно внушало опасения, и осторожные коллеги боялись, что Антал не сможет обобщить свои материалы, издать книгу, над которой он работал.

Если сбор этнографических коллекций постоянно ограничивался скучностью средств, то трудности изучения религиозных воззрений манси и хантов имели иной характер: как и все другие народы, коренные уральцы не любили, когда чужеземцы проникали в эту деликатную область духовной культуры. Требовалось не просто большое искусство исследователя, но и подкупавшая доброта. А Регули умел находить общий язык с «дикими инородцами».

В письме к своему петербургскому корреспонденту Регули сообщал:

«По возвращении в верховья Пелым мы смогли посмотреть религиозный ритуал. Пелым-Торум — бог реки Пелым — милостиво слушал страдальцев и молящихся. Мой проводник благодарил бога, так как Торум спас ему жизнь, когда он тяжко болел. Вылечившись, каюр обещал пожертвовать лошадь, но постоянная бедность до

сих пор мешает выполнить ему обет богу. Тогда я купил у одного vogula жеребенка (жеребенок, хотя он и стоит дешевле, но в конце концов тоже лошадь), и мы отправились в Пегумпауль к старому шаману. В березовой роще этот старик взгромоздился на необычайно толстый сук березы, который был толще самого ствола. Шаман играл на музыкальном инструменте, а его спутники пели гимн, чтобы призвать Торума, после чего жеребенок был церемониально зарезан, мясо сварено и съедено, так закончилось жертвоприношение, а мой проводник облегчил свою душу тем, что выполнил обещанное богу».

Сближало Регули с теми, с кем ему приходилось встречаться в горах и стойбищах, свободное владение языками. Он разговаривал на всех диалектах манси и хантов, а во время короткого знакомства с полярно-уральскими пенцами сумел выучить основные слова их языка. Это позволило ему сделать позднее широкие обобщения. Его последователь Миклош Шираи с полным правом мог утверждать: «Благодаря оставленным им рукописям, в нашей стране развивается школа сравнительного языкоznания и решается проблема происхождения венгерского языка».

Сообщения Регули можно считать научной сенсацией.

3 марта 1845 года Антал повернулся назад. Ему было всего двадцать шесть лет, возраст, когда не веришь в печальный исход даже неизлечимой болезни. Надо полагать, что он надеялся еще вернуться сюда, хотя ближайшие замыслы предполагали изучение тюркских народов. Но он прощался с суровыми горами навсегда.

Распутица и невообразимые российские дороги задержали возвращение Регули в Петербург на пять месяцев. Русские ученые признали его работу удачной. Научный и гражданский подвиг венгра верно оценил его русский коллега Павел Савваитов: «Он приехал в Россию пламенным юношем, с утопией, общею мадьярским ученым,

найти здесь непременно «первоначальное отечество и язык» своих предков, а возвратился на родину зрелым филологом, с убеждением, что колыбели языка, спустя тысячу лет, не отыщешь, и что не на это надо употреблять время, а на то, чтобы по данным языков определить существующую в настоящее время степень их взаимного сродства». В Венгрию Регули попал только в 1847 году, его снова скрутила болезнь, и он вынужден был скитаться по лечебницам и туберкулезным пансионатам Европы. Возвращение его прошло триумфально, академики с большим вниманием слушали сообщения молодого человека с вьющейся бородкой, живыми глазами и горячечным румянцем на щеках. Министр революционного правительства создал для него специальную должность — научного куратора академической библиотеки. Но Регули так и не вступил в эту должность: сначала помешала болезнь, затем неудача революции 1848 года. Последующее десятилетие прошло в борьбе с бедностью, болезнями, он так и не смог завершить свою книгу. Ему помогали большие энтузиасты Пал Хунфальви и Ференц Тольди. Но книга вышла в свет уже после смерти Антала Регули, которая последовала в августе 1858 года. Одного года он, как и его друг Кастрен, не дожил до сорока. «Вогульская страна и ее обитатели» вышла в 1864 году.

Она стала настольной книгой венгерских финно-угроведов. Регули не создал своей школы, но сделал большее — он стоял у истоков нового направления в науке своей страны, заразительный его пример сыграл огромнейшую роль в судьбе многих венгерских ученых. Регули стоял у истоков еще одной важной традиции: большой гуманист, он увидел в бесправных и угнетенных «инородцах» не дикарей, а собратьев, настоящих людей, сумевших в условиях суровейшей природы приспособиться к ней.

Регули проложил путь тем, кто позднее так же бес-

страшно, как и он, пошел в сибирскую тайгу, к уральским вершинам: Бернату Мункачи и Йожефу Папаи, Кароли Папаи и Иштвану Янко, современным ученым братской Венгрии. Деятельность увлеченных энтузиастов, не признающих на своем пути никаких препятствий, сближает народы.

Мужество здесь обычно

В поздний октябрьский вечер 1848 года в самом представительном доме Березова, «городка, отделенного от Европы и равнодушного к интересам, которые движут ею», сидели трое. Двое — земский исправник Николай Прокофьевич Булыгин и штатный смотритель училищ Николай Алексеевич Абрамов — были местными. Третий оказался в Березове волею судьбы — полковник корпуса горных инженеров Эрнест Карлович Гофман. Геогност Гофман возглавлял первое полярное предприятие только что созданного Русского географического общества — экспедицию на Северный Урал. За плечами первый экспедиционный сезон, когда позади остались холмы Пармы, берега Печоры и Щугора, переход на виду самых высоких вершин Северного Урала. Полковник уже прочувствовал, что в этих краях поспешать нужно только медленно. На собеседников ему крупно повезло. Мало чем мог похвастать тогдашний Березов, разве что могилами именитых Меншиковых да Долгоруких, но гофманские собеседники войдут в сибирскую историю. Абрамов оставил интересное и доселе описание Березовского края. Булыгин, уроженец этих мест, отличался добродушным характером и помогал всем, кто попадал в негостеприимные края. Каждый их совет был на вес золота — путь на следующий экспедиционный сезон предстоял в края нехоро-

женые, безлюдные: следовало дойти до самого Вайгачского пролива.

Абрамов обоснованно посоветовал разбить экспедицию на два отряда, которые могли бы за те три месяца, которые отводило здешнее лето на исследования, выполнить всю программу, начертанную в инструкции членов-учредителей РГО. Гофман прикинул и распределил экспедиционные силы: его коллега по корпусу горных инженеров опытный майор Н. И. Стражевский возглавил южный отряд; сам Гофман берет с собой магистра астрономии и геодезии М. А. Ковальского, составителя ботанических и зоологических коллекций Ф. К. Брандта. Этому отряду предстоит четко следовать на юг. Северный отряд опытен, сам Гофман повидал енисейские берега, всматривался в даль тихоокеанских вод, совершил кругосветное путешествие, датчанин Брандт сопутствовал знаменитому А. Ф. Миддендорфу в его путешествии на Таймыр. За Ковальским громких путешествий пока не числилось.

Местом старта избрали устье левобережного обского притока Войкара. По реке на лодках следует забраться как можно глубже в горы. Деловитый Булыгин советовал, у кого набрать оленей для транспортного обоза, где оставить хлебозапасные магазины и кого можно взять в проводники.

Вице-адмирал Литке, когда к нему с отчетом за первый сезон и с планом на второй явился Гофман, согласился с вариантом, который был разработан в глухие березовские вечера. Близкий к императорской семье вице-президент РГО Ф. К. Литке пользовался большим влиянием, отправленные им депеши производили большое впечатление на губернаторов Тобольска и Архангельска. Правда, в тундре власть депеш оказывалась не столь сильной. Забывчивый ижемец или самоед мог не доставить в указанное место бочку муки или мешок сухарей, и путешественникам приходилось растягивать припасы

или надеяться на меткие выстрелы экспедиционного зоолога Брандта.

В мае следующего года участники экспедиции снова были в Березове. Трудно представить, как сложилось бы это большое полярное предприятие, если бы не ежечасная помощь местных жителей. Один из них — обдорский обыватель Трофимов — выделил в распоряжение экспедиции 120 ездовых оленей, но, увидев, что экспедиционная поклажа размещается с трудом, приналжал еще полсотни быков. Путь по Елецкому проходу к морскому побережью был очень трудным. Олени падали от истощения, разбегались от мучавшего их гнуса, погибали на переправах через горные реки.

Даже большой оптимист Гофман, не терявший чувства юмора и в опаснейших ситуациях, однажды должен был признаться: «Я взобрался на гору, чтобы обозреть оттуда окрестность. Тундра представляла вид пустыни, хребет лежал в безжизненном безмолвии. Надежда продолжать путь исчезала более и более, и страшная истина, что нам не удастся достигнуть желанной цели, истина эта, в которой давно уже были убеждены мои сопутники, сильно потрясла мое мужество».

Когда в конце июля караван вышел в междуречье Усы и Кары, в упряжках оставалось всего полсотни изнуренных, измученных оленей.

Трофимов потерял на этой экспедиции, по подсчетам Гофмана, две тысячи рублей серебром, хотя купеческое его состояние было «весьма посредственное». Полковник предложил в качестве слабой компенсации триста рублей, которые имелись в экспедиционной кассе. Но обдорский торговец, «хотя наружность его не соответствует требованиям моды», благородно отвечал горному полковнику:

«Урон мой для меня чувствителен, но делать нечего: чтобы быть полезным моей украинской родине, я не пожалел бы для этого собственной крови».

Расторганный Гофман поместил этот действительно замечательный ответ в своей книге «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой», присовокупив:

«Да простит мне почтенный гражданин обнародование его беспритязательного выражения чувств: это осталось единственным для меня средством выразить ему мою благодарность за его великую услугу».

Позднее географическое общество исходатайствовало для купца третьей гильдии золотую медаль «За усердие» для ношения на Аннинской ленте. «За подвиги неслужебные», — как гласил царский указ.

Записки Гофмана замечательны тем, что, пожалуй, впервые так полно рисуют типы обитателей северных гор. Наблюдательный, владеющий слогом полковник отмечает характерные черты ненцев, хантов, манси. «Я нашел самодедов довольно честным народом... нельзя отнять у них большой степени добродушия, всегда неразлучного с нерадивостью, а также и смыслености, которая естественно развита только для их нужд». «Живущий в одиночку вогул, в своих уединенных отлучках для промысла сделался скрытым, упрямым и недоверчивым к чужим; но кто захочит его служить себе и обращается с ним справедливо и человеколюбиво, тому он служит с полной преданностью. Он не боится трудов, но и не ищет, если может обойтись без них». У хантов полковник обнаруживает веселый нрав, выражавшийся в «веселой доверчивой говорливости, смехе, а порой и в песнях, которые, разумеется, распеваются довольно монотонно». «Орлиный нос, атлетическое строение членов, смелый взгляд, верная, самосознательная походка суть первые, бросающиеся в глаза, признаки коми, «бойкий ум вместе с расчетливостью, равнодушие к опасностям».

И настоящим гимном являются слова, посвященные русскому уральцу-северянину: «С веселым сердцем и небольшим запасом пускается он в дорогу; его сеть и ружья должны прокормить его; камень служит ему из-

головьем, когда он уснет, накинув на голову и на плечи армяк; развесистая сосна — защитою от дождя и непогоды. Ему не нужно лучшего ночлега и никогда помещение не бывает для него так неудобно, чтоб он не мог лежать припеваючи перед сном. Живительное его а восьмоводит его иногда до отчаянного положения, но не бойся всегда является к нему на помощь. Путешественник не может желать лучшего проводника и спутника: он идет через лес и болото, сквозь огонь и воду, заботясь о себе самом всего менее; всякою добычею делится бескорыстно и охотно».

Красноречива здесь молитва тундрового друга Гофмана Андрея Терентьевича, свидетельство обыденного мужества этих простых людей. Как-то Андрей принужден был, потеряв оленей, пешком верст двести пробираться по скалам и льдам. Когда совсем стало невмоготу, Андрей взмолился:

— Господи, помилуй и сохрани только кости мои, а о мясе я не забочусь.

Экспедиции Гофмана выпали тяжелые испытания — здешние жители переезжали Урал чаще всего зимой, если приходилось делать это летом, то двигались налегке. В громоздком же обозе ученых тяжело груженные нарты ломались, их полозья быстро истирались на каменистой ворге. Запас полозьев был вынужденно ограничен, а подходящего материала в почти безлесной местности не найти. В тундре начинались топкие болота, которые быстро изнурили потерявших силы оленей. Не было спасения от комаров. Вообще у северных путешественников самые красноречивые страницы их суховатых отчетов посвящены этим кровососам. Гофман также посвятил им несколько проникновенных абзацев.

Долину, которая отделяла главный хребет от его ответвления Енгане-Пэ, путешественники назвали «Воротами рая»: после комариного ада эта продутая северными ветрами долина показалась действительно раем.

Полтора десятка человек — по нынешним понятиям экспедиция мелкомасштабная, но в середине прошлого века предприятие грандиозное. И, судя по результатам, это так и есть. За три полевых сезона 1847—1850 годов (1849 ушел на лабораторную работу) была исследована огромная территория практически всего севера Урала, включая хребет Пай-Хой. Исследователи прошли тысячи километров.

Нелишне будет привести мнение великого сибиряка Д. И. Менделеева об этой экспедиции. В 1857 году, когда он опубликовал рецензию на труд Гофмана, Дмитрий Иванович делал только первые шаги на научном поприще. Тем более интересны его мысли о влиянии науки на развитие Сибири, которой ученый предрекал великую будущность. Книга Гофмана послужила для него поводом к обстоятельному разговору о том, как рассеять экономический сон зауральских земель. «В научном же отношении,— полагал двадцатитрехлетней рецензент,— весьма важно было разрешение вопросов о протяжении Урала на север, о его направлении... важно было связать в одно целое все сведения о северных странах Европы». Свою читательскую реакцию будущий великий химик выразил с естественной простотой: «Делать замечания на несовершенства книги, сопутствующие всякому труду человеческому, мы считаем излишним: в этой книге так много хорошего».

Экспедиции РГО мы обязаны и тем, что впервые были напечатаны достоверные виды гор Полярного Урала: в последнем сезоне принял участие молодой воспитанник Академии художеств Иван Бермелев, которого Гофман характеризует как «весьма искусного живописца». С этим мнением, пожалуй, можно согласиться. «У истоков Сыни», «Долина реки Вангырея», «Гора Манарага», «На реке Щугор» — графические листы живописно передают колорит и своеобразие Уральских гор. Портреты

коренных обитателей удались академическому живописцу хуже. Искусным рисовальщиком (охотник — твердая рука) оказался и Брандт.

У экспедиции Гофмана создалась прекрасная репутация, и Русское географическое общество по праву могло гордиться своим полярным предприятием: начало высоколатитным исследованиям было положено квалифицированное.

Во время сезона 1848 года была поименована самая северная вершина Полярного Урала — событие немаловажное в его истории. Предоставлю слово полковнику Гофману:

«Восхождение на эту гору было для всех нас приятным событием; оно дало нам возможность решить задачу нашего путешествия — определение протяжения Уральского хребта. В восторженном состоянии духа решились мы дать название безименной горе. Служа стояржевым пунктом, с которого взор далеко углубляется в Ледовитое море, эта пограничная твердыня двух частей света, большей частью которых обладает Россия, показалась нам достойною носить имя царственного президента нашего географического общества. Громко раздалось, при взбрасывании кверху наших шапок, имя Константинов Камень в тишине этой высоты».

Назван последний «Камень» Урала в честь великого князя Константина, который взял под опеку создаваемое географическое общество, став его первым официальным президентом. Только благотворительный этот жест, возможно, и сохранит его имя в истории.

Топограф Брагин зарисовал гору с ее примечательной седловидной вершиной, покатыми склонами, озером у крутой подошвы. В тундре видны три экспедиционные палатки, чум проводников и оленя упряжка. На переднем плане, для приятности, чувствительный топограф изобразил идиллическую сценку, где самоед в малице любезничает с дамой в каком-то немыслимом кринолине.

Экспедиционный астроном определил координаты Константина Камня. Последняя вершина Урала отстояла от Полярного круга почти на два градуса.

О магистре астрономии нужно сказать особо: Ковальскому приходилось работать в одиночку. Польское ли это было «легкомыслie», как выразился один из его современников, или настоящее мужество, но Ковальский переносил лишения одиночного исследования с каким-то даже равнодушием, если судить по его описанию странствий. Скорее всего — в этом проглядывался энтузиазм настоящего подвижника науки. Ковальский как-то обронил:

«Трудность путешествия существует только в воображении, или кажется такою для постороннего человека, равнодушного ко всему, что вызывает в человеке стремление идти наперекор природе; на деле же остается только внутреннее удовольствие, происходящее от того, что цель, к которой он стремится, достигнута им».

Астроному приходилось вести исследования преимущественно зимой, летняя тундра не позволяла добиваться должной надежности в точном определении долгот, но из всех зимних приключений Ковальский в своем дневнике упомянул лишь неудобство ночевки в домах зырян, в тех настоящих коптилках, где не имелось труб и дым скапливался под потолком. Ночевать приходилось на дымных полатях, а утром, умываясь, видеть в тусклом зеркальце лицо этакого прокопченного северного негра.

Ковальский достиг самой северной точки маршрута экспедиции — мыса Толстого. Отсюда к Обдорску ему также пришлось выбираться в одиночку, но послушать этого астронома, так путь по тундрам, на котором другие экспедиции испытывали огромные трудности, оказался для него просто не лишенной приятности прогулкой. Путешественник даже не упомянул, что установил памятный крест на берегу Карского моря. Спустя полвека его еще застали невредимым участники экспедиции Баклунда.

Результатом экспедиции Гофмана была карта Северного Урала — все положенные на нее реки, вершины, озера, приметные знаки в сетку параллелей и меридианов попали по результатам вычислений и исследований Ковальского. В числе других пунктов он определил, используя хронометры и учитывая лунные кульминации, широту села Обдорского, исправив некоторые погрешности, которые допустил штурман И. Н. Иванов. Как известно, Обдорск — единственный в мире город на Полярном круге. Но до Иванова и Ковальского ни сами обдоряне, ни другие россияне об этом не ведали.

В 1876 году, отправляясь для изыскания дороги через Урал, в гостеприимном доме Ковальского в Казани остановился вице-адмирал П. И. Крузенштерн: «Он вывел ход моих хронометров». Надо полагать, что помочь со стороны знатока Полярного Урала еще одному путешественнику этим не ограничилась.

«С твердостью и надеждою»

Все экспедиции русских путешественников, которые ставили задачу изучения Полярного Урала, легкими не назовешь. Но пожалуй, та, которую возглавлял майор штаба корпуса горных инженеров Н. И. Стражевский, в ряду этих путешествий выделяется особой драматичностью. Отряд, входящий в состав гофмановской экспедиции, работал самостоятельно. Первое лето, когда велось исследование уральского склона, примыкающего к бассейну Печоры, прошло относительно благополучно, а вот следующий сезон, когда исследователи вышли на восточный склон, чтобы вести съемку в верховьях Сыни и Войкара, оказался трагическим. Поначалу ничто не предвещало опасностей, опытнейший исследователь Стражевский рассчитывал справиться с задачей недели за три.

Отрядный топограф, прапорщик Д. Юрьев, вооруженный отражательной буссолью Шмалькальдера и мензулой малого устройства, начал съемку, как только отряд вошел в предгорья.

Партия из двух специалистов и нескольких рабочих располагала хорошим транспортным обозом — березовский обыватель Усков предоставил в распоряжение ученых свое оленье стадо почти в четыреста быков. Но с оленями сразу же начались трудности — постоянные дожди расквасили зыбкую тундру, и даже проводники удивлялись незапамятному множеству комаров.

Стражевский вынужденно сократил переходы, постоянно закрытое небо не позволяло проводить астрономические наблюдения, это замедлило намеченный график. А спустя полмесяца после начала исследований прапорщик Юрьев заносил в свой дневник, который вел даже в самые трудные моменты: «В стаде у нас пал олень». Потом пало три, семь, десять, тридцать семь. Умирали важенки и телята, но самое опасное — «езжальные» быки. Уже через пять дней пастухи перестали считать жертвы. Так началась язва. Юрьев описывает жуткую картину оленевого мора — он называет его не падеж, а «валёж»: «Около валяющихся всюду пропавших оленей лежали или бегали телята, отыскивая маток, и вскоре, зараженные сами, падали тут же». Через неделю в распоряжении исследователей оставалось всего два десятка относительно здоровых оленей. На следующий день их осталась уже дюжина. Но Стражевский еще не терял надежды, да и надо было двигаться вперед, у самых гор находился провиантский склад, куда местные оленеводы завезли припасы еще зимой. Аргиш укоротили наполовину. Майор и прапорщик обвешались инструментами, рабочие несли вязанки дров из расколоченных нарт и ящиков. Стражевский с Усковым отправились на поиски зимнего магазина. Назад они вернулись с кулем сухарей, небольшими запасами крупы и другого провианта. Уезжали они

на оленях, а возвратились пешком — только поклажа лежала на нартах, которые волочили три изнуренных оления.

Язва властвовала всюду. У горы Тонабе-нёл Стражевский заметил четыре чума и лежащее на снегу огромное оленье стадо. Майор приободрился, увидев богатое стойбище и надеясь нанять здесь здоровых оленей. Однако то, что они приняли за стадо, оказалось полем трупов павших оленей. «Воздух был так тяжел и невыносимо дурен,— записывал с его слов Юрьев,— что нестерпимо было идти против ветра».

Стражевский принял решение: «убедившись лично в невозможности дальнейшего путешествия по Уралу», он закрыл экспедицию, поставив единственной целью спасение людей и собранного научного материала. Посоветовавшись с проводниками, майор пришел к выводу, что единственный путь к спасению — выход к селу Мужи. Той же ночью они добрались до становища, все обитатели которого были больны и только что похоронили двух мужчин. Половина двухтысячного стада валялась около чумов. Однако для путешественников отыскали два десятка быков. На каждой остановке исследователи оставляли приборы, инструменты, другую кладь. Стражевский подавал пример, расколачивая ящики с образцами собранных минералов — дисциплинированному горному инженеру тяжелее всего было бросать то, ради чего проводилась экспедиция. На немногочисленный отряд навалилась новая напасть — «сделался трудно болен» один из двух горных мастеровых Вакинов. Его уложили на нарту. «С каким сожалением должны мы были смотреть на страдальца больного,— заносил 30 июля в свой дневник Юрьев,— совершенно опухшего в этом беспокойном и тряском пути от беспрестанных толчков о каменные обломки саней, которые люди, поддерживаая с обеих сторон, избавляли от беспрерывных опрокидываний. Мы часто останавливались, чтобы облегчить несколько мучения

больного, который жалел только об одном, что не может уже от слабости и слепоты идти пешком». На следующее утро Вакинов уже не мог говорить, только успел попросить майора позаботиться о пятерых сиротках. В каменистой почве кое-как вырыли неглубокую могилу, поставили традиционный крест. У подножья горы Лопта-Кеу остался лежать один из бесчисленных рядовых исследовательского поиска, чьими нелегкими трудами раскрывались секреты обширной российской земли. Кто из товарищей, стоявших у кромки этой могилы, не подумал о том, что и его может ожидать подобная же участь? Основания для этого были: язвой заболел проводник Юхкор, «колотье в боку» приключилось со вторым горным мастеровым, занемог каюр Павел. А 4 августа прaporщик Юрьев записал кратко: «Утром мы увидели себя совершенно без оленей». Но рядом с этой записью мы читаем другую, которая показывает, что дух исследователей не был сломлен постигшими их несчастьями: «До сих пор я все еще делал непрерывную маршрутную съемку, сколько позволяли время и обстоятельства».

Юхкор и Павел отказались идти дальше, они намеревались отлежаться, боясь, как Вакинов, умереть в дороге. Пятеро путешественников тронулись в дальнейший путь пешком, без проводников. Павел рассказал топографу, как двигаться к Мужинскому материку, описав все приметы местности и утешив сообщением, что на весь путь уйдет не более девяти дней. Отправляющиеся в дорогу взяли только необходимое — две ложки на всех, оставили даже котелок, решив, что обойдутся чайником. Но полевые журналы, приборы не бросили, на каждого пришлось почти по пуду груза. Все остальное аккуратно уложили в двух нартах, надеясь забрать зимой. Большую часть сухарей оставили больным проводникам. Главной пищей на обратном пути стали грибы, которые варили без соли в чайнике. Соли осталась горстка, и майор берег ее как лекарство. Иногда по пути попадали «тундрицы»

с обильной морошкой: в этом случае «разбредались обедать», собирая ягоду. Но чем дальше, тем труднее давались такие обеды: люди настолько уставали, что сгибаться за ягодой становилось трудно, и «подножный обед» изматывал больше, чем поход. Сухие участки дороги попадались редко, пришлось идти по болотам, топям, густым зарослям, переходить вброд речки с каменистым дном. Ясные просветы с солнцем случались редко, как антракты в затянувшемся нудном дождливом спектакле. Скоро все пятеро истоптали и порвали обувь, обогреваясь у костра, высушивая намокшую одежду, во многих местах прожгли ее. Даже майор Стражевский, который тщательно следил за собой, уже через несколько дней выглядел как последний оборванец. Но он заражал всех своей удивительной верой в конечный благоприятный исход. «Майор Стражевский вел нас по собственному усмотрению; никто не мог рассуждать о верности и неверности дорог. Майор вывел нас... по удивительной опытности и привычке его ходить по лесам».

На шестой день пути, после того как группа рассталась с проводниками, закончились и сухари — приходилось надеяться только на грибы и ягоды. «Образ путешествия нашего делался ежедневно затруднительнее и утомительнее,— констатировал Юрьев.— Мы были особенно изнурены этим переходом по бугристым тундрам и заглохшим озерам, можно сказать, что мы почти пресмыкаясь проползали значительные протяжения пути».

Малая радость посветила измученным путешественникам: увидали диких гусей — предвестие, как они предположили, близкой Оби, к берегам которой так стремились. В тот же день они наткнулись на «ничтожного» гусенка и, почти обезумев от вида живой дичи, начали охоту. Стражевский умудрился разделить добычу на три обеда и на три ужина. Такую крошку варили в чайнике с грибами. Гастрономическое воображение голодных людей разыгрывалось, им эта пища казалась «несравненно

вкуснее и питательнее, притом же не так сильно ощущали недостаток соли».

Ночами уже начало подмораживать. Девять обещанных проводниками дней прошли, но конца путешествию еще и не виделось. Болота не давали идти по прямой, приходилось делать изнурительные обходы, и, хотя вешевые мешки стали легче, на плечи с каждой пройденной верстой наваливалась свинцовая тяжесть. «Трудность похода нашего увеличивалась чрезвычайно тем,— решил занести свои сомнения в дневник прапорщик Юрьев,— что шли безнадежно».

Однако затесы на деревьях, курынг-сезы — ненастороженные ловушки для зверей — показывали, что в этих местах бывают люди. На берегу Войкара впервые за эти бесконечно тянувшиеся дни увидели кедр и услышали карканье вороны — признаки Оби и человеческого жилья, вдали синел лес, который можно было принять за берег большой реки. В качестве последнего приободрения майор решил высыпать в грибницу последнюю соль, грибница в этот день показалась всем вкусной «необыкновенно».

Цель приближалась, но идти становилось все труднее. Горный мастеровой вновь почувствовал недомогание — ему отказывала поясница, толмач «заболел животом». Однако майор уже отыскал зырянскую дорогу к Мужам и призвал всех собрать силы и идти «до самого нельзя». Но «несмотря на приятную надежду кончить скоро странствие, ноги не слушались». И только увиденная вдали стальная полоска обской воды придала всем силы. На следующее утро их разыскали посланцы мужевского жителя Филимиона Рочева — это скрасило последний день тяжелейшей экспедиции. Двадцать два долгих дня выбирались отважные исследователи из лап таежной смерти. Рочевские посланцы принесли с собой хлеб, молоко, сахар, рыбу, чай и даже вино, но майор строго разделил продукты на небольшие порции, голодные люди могли переесть и заболеть. Однако, как сам майор ни остере-

гался, постепенно переходя от грибов к хлебу, все же не избежал желудочной лихорадки и провалялся десять дней.

29 августа прапорщик Юрьев отметил в своем дневнике: «Село Мужи на реке Оби». И записал: «Мы провели довольно беспокойную первую ночь в теплой и гостеприимной избе зырянина Филиона... Все мы были, как тени, слабые, изнуренные, немытые, обросшие бородами, со страшно изорванной и обожженной одеждой и почти без обуви. Белизна между пальцами показывала еще настоящий цвет рук, обожженных, опухших и грязных. На ногах ногти начали спадать от постоянной сырости и холода».

Конечно, своим спасением отряд был обязан опытному и хладнокровному майору. Заканчивая свои дневниковые записи уже на борту парохода, который увозил их в Березов, прапорщик Юрьев писал: «Он ободрял нас, заставлял с твердостью и надеждою следовать его прекрасному и редкому, сообразно обстоятельствам, примеру».

Стражевский понял, что в ситуации, в которую они попали, от каждого нужно требовать максимума, он никому не позволял раскисать и угрозою смерти мобилизовывал каждого. Заболеть в этих условиях — голодные, изнуренные, постоянно промокшие — могли все, но заболели только после завершения перехода: майор знал резервы человеческого духа.

Никогда не была скучна на мужественных людей российская земля. Неистребима в русском человеке тяга к открытию нового, ради этого он идет на все испытания, стойко переносит их, чтобы добавить и свою трудно добытую крупицу в громадную книгу знаний о родной земле.

Блеск уральского золота

Первое полярное предприятие Российского географического общества имело этапное значение. Но вот парадокс: закончилась экспедиция, были изданы экспедиционные отчеты, и интерес русских ученых к Полярному Уралу резко упал. Видимо, заполнился какой-то вакуум в знаниях, удовлетворено первоначальное любопытство. Осторожный в своих прогнозах геолог Гофман не сообщил чего-то сенсационного, что бы посулило надежный барыш и всполошило русских предпринимателей, заставив их обратить внимание на дальние горы. Пройдет более полувека, прежде чем здесь снова появятся организованные исследователи. Однако образованные люди время от времени по разным нуждам здесь странствовали, и имя Полярного Урала всплывало на страницах различных журналов.

В середине прошлого века назрел кризис в корабельной промышленности. Для деревянных корпусов крейсеров и фрегатов требовалась корабельная сосна и лиственница. На европейском Севере рощи были изрядно поистреблены, чиновники зашевелились, и начался интенсивный поиск лесных запасов в других районах. Этот поиск завел в сибирское Зауралье помощника корабельного мастера Б. Яновского. Он оставил путевые заметки, которые рисуют типичное в то время путешествие через Полярный Урал.

Полярно-уральские каюры накопили богатый опыт, они уже не одно поколение торили здешнюю нелегкую дорогу, поэтому переход никаких приключений корабельному мастеру не принес. Но пожалуй, всякий, кто в ту пору позволял себе смелость побороть горную дорогу, считал это большим достижением, достойным печатного увековечивания в анналах путешествий.

Единственное, что привлекало в те годы в заполярные отроги промышленный люд, это металл, благородный, беспрогрышный,— золото. Нельзя сказать, что существовал какой-то североуральский золотой бум, однако интерес проявлялся постоянно, особенно после того, как в 1834 году горный инженер М. Протасов обнаружил золотые россыпи на берегах Северной Сосьвы. Позднее, почти дюжину лет спустя, горный департамент послал в этот район специалистов. Параллельно с ними поиск вел тобольский купец Ф. Шишкин. Этот малообразованный, но смышленый человек даже создал карту золотых россыпей, но дело наладить не смог — не хватило деньжат на дорогие водоотливные сооружения. Картой Шишкина в начале восьмидесятых годов заинтересовался его земляк — купец Сыромятников, имевший золотые прииски в Восточной Сибири. По Тобольску гуляли слухи, что якобы обдорские оленеводы, каслающие¹ через Полярный круг, нашли увесистый самородок. Сыромятников воспользовался услугами квалифицированного штейгера Кольштедта.

В Мужах Кольштедт принялся искать дом Петра Сидоровича Филиппова. Северянин поразил губернских гостей начитанностью, которую они никак не ожидали встретить у простого сельского обывателя, рассуждениями о минералогии и цитатами из историка Н. И. Костомарова. Природную свою «замечательную даровитость» Петр Сидорович усилил знакомствами с политическими ссыльными, которые снабжали его литературой, дозволенной и недозволенной, а также дружбой с путешествующими по Нижней Оби.

Петр Сидорович «золотую сенсацию» опроверг — в камнях, которые привозили ему на экспертизу оленеводы, он обнаружил только медный колчедан. С таким проводником можно было спокойно отправляться в горы,

¹ Каслать — передвигаться по тундре на оленьей упряжке.

но он согласился сопровождать Кольштедта только до полярно-уральских предгорий — повседневные дела требовали присутствия в другом месте.

Экспедиция достигла водораздела. Опасность голодной смерти прошла рядом с исследователями. Скромные экспедиционные запасы были на исходе. Горный штейгер решил, соорудив плот, добраться до Саранпауля, закупить провизию и вернуться. Остяк-проводник твердо обещал, что быстрая Манья донесет плот до поселка за сутки. Но плот мотался на крутых излуках горной реки уже пятые сутки, а и намека на жилье не виделось. Три человека на плоту обессилели, борясь со своенравной рекой, пищи оставалось всего на день. Спасло их только то, что на берег случайно вышел кочующий оленевод. Гребцы даже не смогли прикальпить к берегу, обессиленных, их подтянули баграми парни из стойбища. Как оказалось, до Саранпауля оставалось еще не меньше суток пути. Чтобы вернуться в полевой лагерь, потребовалось бы две недели, если добираться обычным ходом. Сноровистые пастухи предложили свои услуги — они довезли Кольштедта до Саранпауля, где он закупил провиант, а потом по знакомым им горным тропам проводники быстро разыскали экспедиционную стоянку. Провиант подоспел как раз вовремя — рабочие делили последние крохи провизии. Трудно представить, что бы произошло, если бы не помочь оленеводов.

Разрешив продовольственные вопросы, горный штейгер продолжил разведочные работы. Подводя итоги исследований, он заключал: «По моему убеждению, условия для разработки золотых россыпей в окрестностях рек Манья и Полья весьма благоприятны». Содержание золота в речных наносах действительно оказалось довольно высоким — два грамма на кубометр породы. Но Кольштедт честно предупредил своего нанимателя: наносы, прикрывающие россыпи, были слишком мощными. К тому же в столь трудных условиях невозможно было полно про-

вести обследование: «Разведку эту я считаю неудовлетворительной».

Заключительный абзац отчета заставил организатора экспедиции Сыромятникова через несколько лет повторить маршрут Кольштедта. Однако и на сей раз северные золотые россыпи Урала не блеснули прельстительно для промышленника. Другие энтузиасты, которые в поисках уральского золота добирались до Полярного круга, были еще менее удачливы.

На притягательный блеск золота Уральского Севера разгорелись глаза английских бизнесменов. В 1907 году геологи Престон и Робинсон в складчину купили заявку у русского правительства и застолбили участок в ста верстах от Саранпауля. Они промывали песок, но главное внимание уделяли камням, целую баржу которых отправили на лабораторный анализ в Англию. Пробы оказались перспективными. Британцы приехали и на второй сезон. «Они также собрали массу камней и выложили их на берега речек,— сообщал журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера»,— но прибылой водой все камни затопило и достать их не удалось, а так как никаких орудий для отлива воды у них не было, то англичане все из Березовского уезда выехали, чтобы привезти инструменты, а главное — моторную лодку для передвижений». Корреспондент добавлял, что результаты исследований заморские геологи держали в большой тайне. Но, наверное, в конце концов им показалось, что уральская золотоносная овчинка не стоит английской выделки — северная удаленность съедала все предполагаемые дивиденды, больше Престона и К° здесь не видели.

Поиском золота занимался и уральский писатель Константин Дмитриевич Носилов — замечательный путешественник, много сделавший для изучения северных отрогов «Каменного Пояса», в одиночку избродивший сотни горных верст, с проводником-манси прошедший забытым путем князя Семена Курбского. На реке Полья он обна-

ружил полдесятка россыпей золотоносного песка и считал, что возможна их промышленная разработка. Не сами по себе интересовали его прииски, в золоте он видел тот благородный камень, который приблизит дремлющий край к цивилизованной жизни. Это он, Носилов, нашел проникновенные слова о родимом и любимом крае:

«Урал — вот край, редкий, почти единственный в России по красоте природы и богатству ее и разнообразию... Он может решительно удовлетворить всякого — будь то ученый путешественник, исследователь с геологическим молотком, ботаническою папкою, энтомологическим сачком, будь то художник с кистью и альбомом, будь то писатель с записною книжкою и карандашом, будь то коммерсант, делец, изучающий экономическое положение России, будь то просто любитель природы, свободный человек, которого интересует его богатая разнообразная обширная родина, который любит Россию. Урал... Да найдется ли что еще подобное, очаровательное, разнообразное, богатое, увлекательное и поучительное в России?»

Сегодня нередко можно слышать лестное как будто для Полярного Урала сравнение — «вторая Швейцария». Первым сравнил Урал со Швейцарией тоже Носилов, но он не употреблял этот принижающий титул «вторая», а писал с куда большим патриотизмом и гордостью:

«Для русского человека Урал давно уже считается лучше этой чужой Швейцарии».

Рабо, загадочный Соммье и русский студент

В одном из номеров парижской газеты «Ле Там» за 1891 год жители французской столицы могли прочесть такие строки о далеком и малоизвестном тогда в Европе

Северном Урале: «На второй день путешествия в прозрачном свете прекрасного вечера за фиолетовой массой лесов появляется другая масса, замыкающая горизонт. Это — Урал. С этого момента мы не будем более терять его из виду».

Кто автор этих не лишенных поэтической прелести строк? Его звали Шарль Рабо, он много занимался историей высокоширотных исследований и позднее вместе с русским профессором П. В. Виттенбургом написал книгу «Полярные страны». Поездку же на Урал ему устроил промышленник Александр Михайлович Сибиряков, человек с международным авторитетом покровителя полярных экспедиций. В эти годы Сибиряков начинал строительство тракта через горы, воплощая в жизнь давнишнюю свою идею: соединить бассейны двух великих рек — европейской Печоры и сибирской Оби, чтобы дать выход сибирским капиталам на европейские рынки и на равных конкурировать с отечественными купцами из центра. Промышленник так обставил зимнюю поездку своего парижского гостя, что это повлияло на благоприятные впечатления французского путешественника. Сибирский энтузиаст постарался, чтобы ничто не испортило настроения ламартиньера земляка. Рабо оправдал надежды Сибирякова, обеспечив ему престижную поддержку «Ле Там». Из газеты парижане узнали, что Сибиряков пытался установить морское сообщение между портами Европы и устьем Енисея, но успех ему не сопутствовал. Поэтому его стараниями была проложена водно-сухопутная дорога от долины Сыгвы до деревни в устье Щугора. «В близком будущем эта дорога сделается важным торговым путем,— оптимистично оповещал своих читателей Рабо.— Теперь же она пока служит для поставки хлеба в Печорский край».

Однако реклама «Ле Там» не смогла пересилить экономических интересов: ни иностранные дельцы, ни отечественные промышленники не сочли сибиряковский

тракт удобным и не торопились расставаться со своими франками и червонцами.

Любознательные иностранцы часто стремились в такие экзотические края, как Полярный Урал. Если русские путешественники скромно обходились небольшими путевыми заметочками, то заморские гости разражались пухлыми томами. Найти эти книги не трудно — в лучших советских книгохранилищах и библиотеках, пожалуй, есть все, что посвящено нашей стране, — русские ученые всегда внимательно следили за тем, что пишут их зарубежные коллеги. Иначе обстоит дело с книгой итальянца Соммье. Из всех известных мне библиотек приходил отказ: книги не было. Редкие же замечания, оброненные русскими современниками Соммье, только возбуждали любопытство:

«В 1880 году итальянец Соммье пытался пробраться по Войкару до Урала, но отказался от своего намерения, встретив трудности, которые показались ему непреодолимыми».

«Для развлечения Баянус стал показывать осякам рисунки из путешествий Соммье, побывавшего в этих самых местах. Невозможно описать их восторга, когда они узнавали на картинках лица своих соплеменников или предметы своего быта».

Эта цитата приведена из описания уже упоминавшейся сыроятниковской экспедиции. Алексей Карлович Баянус, упоминающийся в отрывке, — один из спутников Кольштедта, но в данном случае он интересует нас как обладатель книги Соммье. Это единственное упоминание о том, что итальянец издал свои путевые записки с иллюстрациями. Но где и когда? Да и в том, что он итальянец, еще предстояло убедиться, единственное робкое подтверждение тому — он называет осячек «доннами», как это принято у жителей Апеннинского полуострова. Кольштедт столкнулся с двумя людьми: самаровский крестьянин Василий Трофимович Земцов

помогал итальянцу, а мужевский обыватель Петр Филиппов сопровождал его в путешествии к Уралу. Книга, судя по репликам Баянуса, носит этнографический характер, но и дореволюционные, и советские этнографы, которые дотошно не пропускают ни одного письменного свидетельства обaborигенах Сибири, почему-то не ссылаются на Соммье.

В таких случаях всегда начинает казаться, что именно в этом таинственном фолианте написано то, что не найдешь ни у кого другого. Привлекало еще и то, что автор был первым итальянцем на Полярном Урале. Но...

Случай помогает тем, кто ищет. Следы книги Соммье обнаружились совершенно неожиданно. Елена Александровна Селиванова-Городкова, вдова известного геоботаника Б. Н. Городкова, как-то в разговоре упомянула, что ее муж, Борис Николаевич, в голодные послереволюционные годы выменял на продукты у старого петроградского профессора увесистый том, и это был именно Соммье. Интерес Городкова к книге понятен: он как раз собирался в экспедицию на Северный Урал и искал «ценные флористические и ботанико-географические» описания. Но позднее щедрой души человек Городков передал уникальную книгу в библиотеку Ботанического института, считая, что таким редким изданием должен пользоваться не только один он. А потом книга оказалась в Ленинградской библиотеке Академии наук. И вот я держу действительно увесистый том, волнуясь при мысли, что он единственный в нашей стране. Книга Стефена Соммье «Путешествие в Сибирь к осякам, самоедам, зириянам, татарам, киргизам и башкирам» издана Эрманном Лохером в Турине в 1885 году и действительно хорошо иллюстрирована репродукциями с картин тюменского художника М. Знаменского и фотографиями Е. Маззанти. Итальянский читатель из этой книги узнал много нового для себя и о Сибирском Севере, и о Северном Урале. Однако во всем, что касается горной страны, итальянец

обошелся цитатами: он ссылается на Регули, Кастрена, Гофмана, Шренка, Ковальского и практически не добавляет ничего нового от себя. Но, понимая, что открывает для своих земляков новую страну, он дает экономические справки, этнографические описания, исторические выкладки и даже метеорологические сводки.

Итак, ничего сенсационного «загадочный» Соммье не сообщает, однако значение его труда понятно — это еще одно свидетельство любознательного путешественника, расширявшего границы знаемого мира для европейцев.

Второй полярно-уральский француз, первый итальянец...

Рассказывая о дореволюционных «мелкокалиберных» экспедициях, мы должны рассказать об одном из самых молодых исследователей Полярного Урала. Константин Михайлович Дерюгин остался в истории науки как замечательный организатор гидрологических исследований, преимущественно в северных и тихоокеанских морях нашей Родины. А девятнадцатилетним студентом в 1897 году он отправился в свою первую экспедицию. Со своим спутником, однокурсником В. Држевецким, они добирались до Обдорска на пароходах. Исследования в окрестностях Обдорска не удовлетворили «экспурсантов», и они решили, пока позволяло время, сделать выезд к Полярному Уралу. Со средствами, чтобы нанять нужное количество нарт, у студентов, естественно, было туговато. Однако в Обдорске уже знали об исследователях, и на помочь им пришел мелкий рыбопромышленник И. А. Рочев, который, как писал Дерюгин, «интересуясь наукой вообще и нашей поездкой в частности», решил сопровождать «экспурсантов» на Урал. В чуме знакомого рочевского оленевода они оставили хлеб, и, как потом выяснилось, сделали это предусмотрительно.

Войдя в горы, исследователи совершили восхождение на вершину Сухар-Кеу. Удивительное сочетание ди-

кости и красоты поразило их: «Дик и мрачен здесь Уральский хребет,— по свежим следам описывал свои впечатления молодой зоолог.— Даже среди лета нередко свирепствует снежный буран. Побелеет весь Урал, и тогда особенно хороши его вершины».

Однако к гостеприимным тундровикам «экскурсанты» вернулись лишь через сутки. Густейший туман, который падает здесь неожиданно, заставил их отсиживаться, потому что, пробираясь в этой молочной белизне, можно было запутать наверняка. Хозяева проявили гостеприимство и в том, что, учитывая скучные студенческие ресурсы, снарядили оленный караван, который потребовался на обратный путь. Выражая слова благодарности, Дерюгин все же не без юмора замечает, что в чуме их встретила «целая армия всевозможных паразитов, не признававших в нас гостей».

В результате студенческой экскурсии была собрана довольно обильная коллекция, которая включала в себя полторы сотни образцов таежной, тундровой и горной фауны, значительный гербарий. В столице начинающим ученым в собранном материале помогли разобраться такие авторитеты, как академик Михаил Александрович Мензбир и орнитолог, будущий автор прославленной «Лесной газеты» Виталий Львович Бианки.

Хотя позднее Константин Михайлович в основном отдал себя изучению Ледовитого океана, полярная его страсть, надо полагать, зарождалась в этой «экскурсии». Полярно-уральская экспедиционная школа служит отличным трамплином в дальнейших плодотворных исследованиях трудных районов планеты.

Благородство сомнительных проектов

Необходимость заставляет нас вернуться назад, чтобы вспомнить, как начиналось транспортное освоение Полярного Урала.

В 1809 году инженер-подполковник департамента водяных коммуникаций Иван Попов получил повышение в чине, стал полковником. Так были оценены его трехлетние экспедиционные работы, которые проводились в местах малодоступных и редкохоженых — на склонах Полярного Урала и по побережью Карского моря. Экспедицию эту по праву называют выдающейся, но о ней не вспоминали почти полтора столетия. Правда, современники инженер-подполковника еще изредка упоминали о нем. Кастрен писал: «Мы ехали по горной цепи, которую думают прорезать каналом... Если этот план когда-нибудь приведется в исполнение, то он неминуемо окажет величайшее влияние на культуру страны и на цивилизацию диких ее обитателей». Глухо, коротким примечанием упоминает об экспедиции Гофман. А дальше, если Попова и вспоминают, то примерно в таком виде: «какой-то полковник проводил какие-то изыскания для соединения Оби и Печоры». Объяснить это можно только тем, что все многочисленные документы с результатами исследований показались ненужными и пылились в архивном фонде канцелярии главного директора водяных коммуникаций, а затем попали в Центральный государственный исторический архив. Здесь их «раскопал» известный советский историк Василий Пасецкий и восстановил историческую справедливость. О чем же свидетельствует дело № 63 первой описи 155-го фонда? Прежде всего о том, что наконец-то не отдельные энтузиасты, не рисковые промышленные люди, не фартовый народ — купцы заинтересовались дорогой через Полярный Урал,

а само русское государство, поняв, что край может служить связующим звеном между Сибирью и Европой. Идея полярно-уральского «окна» из Сибири на Запад принадлежит замечательному государственному деятелю, дипломату, большому библиофилю, любителю изящных искусств и древностей, именем которого и по сей день называют музей в Ленинграде, графу Николаю Петровичу Румянцеву. Его «иждивением», как выражались в те времена, было организовано первое русское кругосветное предприятие, еще одно кругосветное плавание он оплачивал из собственного кармана. Большого ума и широкого кругозора человек стоял у истока первой полярно-уральской государственной экспедиции. И конечно же, такой человек и помощников себе выбирал соответственно, понимая, что трудное дело испортить легче всего.

Лето в 1806 году ушло у Попова на исследование полуострова Ямал и побережья Карской губы. Зимой следующего года подполковник и его спутники приступили к исследованию бассейна Соби, поднявшись до ее верховьев, вышли на водораздел и увидели исток Усы. Идея соединения притоков двух великих рек: обского — Соби и печорского — Усы — завладела мыслями подполковника. Он вернулся в Обдорск, чтобы взять необходимое снаряжение для летней экспедиции, и уже в начале апреля был на Усе. По этой реке на рыбачьей лодке он поднимался столько, сколько позволяли течение и фарватер, затем проводники тянули лодки волоком через Елецкий проход, а спустились по Соби. В реляции Попова, направленной в департамент водяных коммуникаций коммерции министру Румянцеву, тон оптимистический: результаты изысканий «подают несомненную надежду к произведению оного пути, но не иначе как через постройку шлюзов, резервуаров, водоспусков». Еще один сезон подполковник потратил на изучение западного склона Полярного Урала, рек печорского бассейна.

Попов не выдумывал ничего нового, он воспользовался опытом безымянных предшественников, которые перебирались из Усы по Ельцу и десятиверстному «наволоку» в Собь и Обь.

Однако проекты Попова не получили хода. Почему он остался в истории «каким-то» подполковником? Государственный канцлер (а Румянцев к тому времени, покинув департамент, стал председателем Государственного совета) ему покровительствовал. Но покровительство даже такого могущественного человека в чиновничьей России не много стоило, когда дело касалось столь дерзновенных проектов. К тому же бонапартовы маршалы уже истирали локтями карту Российского государства, а после Отечественной войны Румянцев вынужденно отошел от дел. Позже ни один российский государственный деятель словно не замечал на карте империи Полярного Урала. Но дело даже не в этом. Помещикам дальний край не сулил выгод, а маломощный российский промышленник был еще не в силах решать столь перспективные задачи. Так проект первого государственного предприятия на Полярном Урале ушел в архивное небытие.

Правда, трудами Попова заинтересовался геолог академик А. А. Кайзерлинг, который в 1843 году предпринял большую экспедицию в Печорский край. В архиве путей сообщения он нашел два поповских атласа с описями Усы и Соби. Масштаб атласов 50 сажен в дюйме потребовал некоторой корректировки, но они помогли в составлении карты Печорского края. Идея дорожного перехода через полярные горы не умерла.

«Мысль, что я не найду удобного места для дороги, ложилась свинцом на мою душу. Так как это было уже не первое препятствие, встречаемое мною во время странствований по северу Сибири, то, хладнокровно сев на нарту, запряженную пятеркой лихих оленей, пустился в путь. Олени, как бы сочувствуя моему желанию достиг-

нуть как можно скорее цели, помчали меня во весь дух, и через полчаса я был у подошвы Урала. Следуя долиной, заросшей небольшим лиственничным лесом, я выехал на площадку, по которой вилась речка, названная мною Лирай... Следуя прямо на запад, дошел я до двух небольших озер, из которых бежали в противоположные стороны маленькие ручьи, одни на запад, другие на восток».

Отрывок этот взят из книги, изданной в Санкт-Петербурге в 1868 году. Называется она «Северный полюс и земля Ялмал» и принадлежит перу Юрия Иваннокентьевича Кушелевского. Книга известна, широко цитируется, однако ее, пожалуй, следует комментировать так же, как это сделал Семенкович с ламартиньеровым «Путешествием»: в ней слишком много лихих мыслей и выводов. Та же речка Лира, которую якобы поименовал Кушелевский, фигурирует уже у Гофмана под более точным названием Лире-Юган. Завороженный темпераментным рассказом автора «Земли Ялмал», современный исследователь Евгений Белодубровский («Уральский следопыт», 1979, № 11) приписывает ему подвиги, которые тот явно не совершал: «Он прошел Полярный Урал на оленях там, где никогда ранее не ступала нога исследователя. Путь этот — самый кратчайший, удобный, безопасный — был нанесен затем на все карты того времени». Однако достаточно заглянуть в царский указ 1620 года (который инструктировал «поморских городов торговым людям ходити Печорой, Усой и волоком через Урал в Собь — приток Оби»), чтобы понять, что Кушелевский следовал путем, который русские люди торили уже два с половиной столетия.

Но Кушелевский, кажется, серьезно страдал манией первооткрывательства. С легкостью необыкновенной он выдвигал гипотезы, которые выказывали в нем научное невежество. «Теплые западные ветры, дойдя до Урала, подымаются по означенной высоте его к верши-

нам, где находятся вечные снега,— создавал он свою «безукоризненную» версию формирования хребта,— там охлаждаются, делаются более упругими, сдавливаются текуче-жидкими слоями воздуха, потом, выбившись на восточную сторону Урала, как заряд из пушки, с необыкновенным стремлением, со свистом, шумом, грохотом падают с вершины Урала на долину». По мнению Кушелевского, именно эти ветры образовали Малый Урал, разрушив «плутонические породы» Большого. Из всех геологических утверждений Кушелевского привлекательно, пожалуй, одно — в нем просвечивает поэтическая и об разная сила:

«Голые скалы Большого Урала представляют назидательному геогносту старца — свидетеля всех катастроф мировоздания».

По сравнению с трудами экспедиции Гофмана книжка Кушелевского с ее легковесными насоками в тех областях знаний, где автор был совершенно несведущ,— явный шаг назад. К тому же Юрий Иннокентьевич охотно пересказывал совершенные небылицы о заклании старцев у ненцев и прелестных жертвах, приносимых гостю. Нелепицы эти оказались чрезвычайно живучи, и некоторые «знатоки» Севера пересказывают их и по сию пору.

В иллюстрированной книге есть портрет самого автора, слушающего хозяина в ненецком чуме. Благообразное лицо, высокий лоб с залысинами, аккуратная борода и усы, маленькие очки а la Грибоедов — внешность импозантного интеллигента, снисходительно внимавшего северному «дикарю». Уж никак не подумаешь, что он может пылко врать и верить в эти враки, да простятся мне несолидные слова.

Что же привело этого человека, явно отвергающего «сухую существенность» реальности и предпочитающего ей пылкость своих фантазий, в столь далекий край? Кушелевский был доверенным лицом, а если проще — подрядчиком известного приверженца освоения Россий-

ского Севера М. К. Сидорова. Именно Кушелевскому поручил тот проложить трассу с Енисея на Печору, по которой можно было бы вывозить курейский графит с сидоровских приисков к морю и дальше в Европу. Сидоров, который сам много писал, ратуя и агитируя за освоение Севера, нигде не упоминает имени своего доверенного лица, который в течение трех сезонов занимался прокладкой этого пути. В чем тут дело? Разругались ли два северных патриота, или произошло что-то еще? Думается, можно предположить, что Сидоров — человек «сухой существенности», человек дела, предприниматель — не был удовлетворен тем, как Кушелевский выполнял его поручения. Хотя от Кушелевского потребовалось немало личного мужества, предприимчивости, но своей бесшабашной неквалифицированностью он загубил дело. Это видно даже по тому, как работал Юрий Иннокентьевич на Полярном Урале. По его словам, он «изведал» пространство от реки Ляпы до острова Вайгач, от шестьдесят второй параллели до семьдесят первой, то есть гораздо больше, чем сделали полтора десятка сотрудников Гофмана за три сезона. Видно, очень уж лихая пятерка оленей досталась сидоровскому приказчику. Кушелевский действительно нарисовал путь через Полярный Урал, но о его карте верно выразился чуть позже другой исследователь Севера С. А. Бутурлин: «Спеша по торговым делам, сколь-нибудь точной съемки Кушелевский не делал». Дорога через Полярный Урал существовала только в его необузданном воображении, Юрий Иннокентьевич явно торопил события этак на полсотни лет. Пожалуй, только одно не позволяет чрезмерно строго судить автора сомнительной книжки и сомнительных проектов — северные края России в те времена были столь необихожены, что он хотел хоть каким-нибудь способом пробудить интерес к путям сообщения между Сибирью и Европой. Это подтверждает книга и более авторитетного путешественника.

В Ленинграде, напротив бывшего Кадетского корпуса стоит превосходный памятник — фигура человека на постаменте устремлена вперед, в невскую даль. Это — дань памяти первому русскому кругосветному мореплавателю адмиралу И. Ф. Крузенштерну. Пожалуй, в русской морской истории не найдется такой династии, которая столь много сделала для изучения планеты и России. Сын и внук кругосветного первопроходца свое внимание уделяли Северу.

Павел Иванович Крузенштерн-сын был одержим идеей соединения двух северов — европейского и сибирского, и свою энергию направил на изыскание пути через Полярный Урал.

Идея появилась у капитана первого ранга еще в 1853 году, когда он получил не очень грамотное письмо из далекой Ижмы. Тамошний обитатель Иосиф Артеев извещал Павла Ивановича, с которым познакомился на Печоре годом раньше, что благополучно перевез по полярно-уральским рекам в Обдорск полтораста пудов муки. Артеев прислал и карту своего маршрута: река Уса, ее приток Сартью, перевальные озера, река Пырьяга и Обь. Обстоятельный крестьянин присовокуплял к донесению, что реки в ту пору были полноводны. Вот тогда Крузенштерну и запала мысль исследовать местность, которая имеет все требуемые для «устройства водяного сообщения удобства». Однако началась Крымская кампания, потом другие хлопоты задерживали моряка, и лишь в 1874 году (Павел Иванович к этому времени стал вице-адмиралом) он собрался в любимый Печорский край. Но кроме сторонников северного маршрута у него оказалось немало противников — в частности, такой могущественный, как министр финансов. В средствах Крузенштерну было отказано, хотя комиссия Министерства путей сообщения о проекте составила «выгодное» впечатление. В дело вмешались могущественные знакомые вице-адмирала. Так неожиданно для себя Крузенштерн

спустя два года получил разрешение на вторую экспедицию. Не без труда вице-адмирал смог набрать несколько рабочих в немногочисленных тогда на Печоре деревеньках. Самым трудным оказался Большой порог на Сарт-Ю. «В этом месте река суживается до шести с четвертью саженей и течет между отвесными скалами,— описывал эпизод Крузенштерн в книге «Путешествия к Северному Уралу».— К несчастию, рабочие пренебрегали моими советами и, действуя по-своему «на авось», причинили нам немало вреда. В тот момент, когда лодка наша находилась в воротах, т. е. в самом узком, быстром месте, кормчий приказал травить правую бечеву. Нос лодки стал поперек течения — и лодку отбросило назад. Лодка наполнилась водою, и она не опрокинулась только потому, что привязанные к обоим бокам ее длинные шесты от чума — удержали ее».

Однако главные неприятности еще предстояли — Крузенштерн не смог найти проводника с оленями, который бы перевез экспедиционный груз через водораздел. «Пришлось покориться и отказаться от мысли пробираться далее к озерам и к устью притока Оби», — вынужден был констатировать руководитель. Он ограничился нивелировкой местности, которую провел исполнительный инженер Крус.

Собранная наспех экспедиция закончилась неудачно — путь, хотя бы до обских притоков, вице-адмиралу одолеть не привелось.

Современным историкам трудно установить точно, до каких озер дошла экспедиция — Хадатинских или Щучьинских. Сарт-Юганом ненцы называют реку Щучью, которая, как известно, и вытекает из озера Щучьего. Но на карте «Раздела вод между реками Сарт-Ю и Сарт-Юган», составленной с описи инженера Круса, из этого озера вытекает река Лонгот-Юган. Если же экспедиция добралась до озера Хадата-Юган-Лор, то из нее вытекает реда Хадата. Еще одна загадка. Хотя к книге Кру-

зенштерна приложены астрономические выводы долгот, однако даже по ним трудно определить место последней — самой восточной — стоянки экспедиции. Конечно, это нужно отнести не на счет недобросовестности инженера Круса, а на счет несовершенства приборов, которыми он пользовался, да еще в суматохе он потерял тетрадку, куда заносил данные первоначальных нивелировок.

И вот здесь начинается самое странное: сам руководитель экспедицию неудачной не считал, наоборот, предваряя книгу, писал: «Мысль, занимавшая меня 35 лет, соединить Сибирь с Европою посредством реки Печоры, наконец осуществилась». На каком же основании сделан этот вывод? Вот что пишет вице-адмирал:

«Дать точный, вполне определенный ответ на вопрос о судоходности Лонгот-Югана — я не могу, так как спуститься по ней до Оби мне не пришлось». Казалось бы, здесь маститому исследователю и поставить точку. Но он продолжает: «Следует прийти к заключению, что река Лонгот-Юган судоходна и может быть включена в систему водяного сообщения».

Даже не особо сведущий в вопросах водных коммуникаций человек поймет, что резюме Крузенштерна строится на весьма ненадежных и зыбких посылках.

Но на какие передержки не пойдешь, когда хочешь хоть как-то порадеть забытой северной стране!

Железнодорожный «волок»

В 1851 году задымил отечественный паровоз на первой железной дороге из Санкт-Петербурга в Москву. Может показаться странным — через каких-то четырнадцать лет появился проект прокладки железной колеи через Полярный Урал. Еще не были соединены надеж-

ным путем крупные центры империи, а уже в сферу транспортной новинки предлагалось вовлечь богом забытый край «ледяной пустыни». Пожалуй, на такие парадоксы, на такие проекты способны были только в России.

Может быть, самое интересное в проекте рельсового пути было то, что предполагалось устроить не ту железную дорогу, которую мы привыкли видеть, с паровозами, а... конку. Да, да, именно позабытую ныне конку, гибрид обычновенной лошадной телеги и железной колеи!

В 1865 году архангельский губернатор господин Гарting получил докладную записку, автор которой предлагал:

«Нельзя отказаться от желания воспользоваться этим путем для Сибири... При возможности отпуска товаров через устье Печоры, самые отдаленные пункты Сибири приближаются к заграничным рынкам на три месяца, но для сего необходимо устроить путь на расстоянии 150 верст чрез Уральские горы, на пространстве от впадения реки Лемвы в реку Усу в Архангельской губернии, до впадения реки Войкар в реку Обь — в Тобольской».

Автора этой докладной записи трудно заподозрить в прожектерстве, ведь он заработал миллионы на золоте Восточной Сибири. Это был прогрессивный промышленник, организатор многих арктических экспедиций, уже знакомый нам Михаил Константинович Сидоров. Путь к богатствам Западной Сибири он намеревался осуществить в два этапа. На собственные средства хотел проложить обычновенную дорогу, а потом, на паях,— и рельсовый путь. От казны предприимчивый миллионщик просил разрешения «при проведении дороги, встречающиеся леса вырубить, а при устройстве оной пользоваться бесплатно лесом и всеми необходимыми материалами, как для сооружения оной, так и для других строений и зданий». Архангельский губернатор оказался человеком мыслящим перспективно и поддержал сидоровский про-

ект, ходатайствовав перед министром государственных имуществ. Министр посчитал сидоровское начинание полезным, министерским рескриптом Сидорову бесплатно выделялись территории под трассу дороги, казенные леса из государственных «дач».

Через некоторое время и министр путей сообщения высказал свое одобрение. Ободренный этими правительственные заявлениями, Сидоров в течение трех лет «сделал новые исследования и подробный обзор означенного волока чрез Уральские горы по всему их направлению».

Сидоров деятельно занялся осуществлением проекта железоконной дороги. Дважды — в 1864 и в 1869 году — он лично обозревал будущую трассу. В 1869 году, когда уже были проделаны изыскания с помощью землемеров и ученых-межевщиков, он снова, «обозрев лично означенную проектируемую линию», остался ею вполне удовлетворенным и принял за организацию «компании для устройства на означенном пространстве рельсового пути». Однако не все чиновники казенных ведомств были столь похвально покладисты, как архангельский губернатор и два министра. Позднее сидоровский проект утонул — рассказывать об этом долго и печально — в канцелярской волоките, а сам Сидоров завершил жизнь разоренным.

Сидоровский проект превращался в прожект потому, что не в интересах царизма было развитие северных окраин в те времена, когда царские чиновники хладнокровно отвечали на жалобы вымирающих «инородцев»: «Если и умрете с голода, то у государя и без вас довольно народа».

В декабре 1880 года в Петербурге вышла брошюра «Проект соединения реки Оби железною дорогою с Хайпудырскою губою Северного океана». Автором брошюры был предприниматель А. Голохвастов. Его железнодорожный «волок», который бы соединил низовья Оби и Баренцево море, позволял обойтись без транзита вокруг

полуострова Ямал. Автор проекта так формулировал выгоды своего предложения: «Путь из Западной Сибири сократится на 2000 верст, причем избегается самая опасная часть теперешнего пути — именно обход полуострова Ямал. Продолжительность навигации увеличивается с двух на пять и даже на шесть месяцев».

Неизбежно возникает закономерный вопрос: на основании каких исследовательских данных предлагал отважный предприниматель свой заманчивый проект? Оказывается, сам он в тех местах не бывал, а специальных изысканий под проект никто не проводил.

Как здесь не согласиться с критиком проекта, известным полярным гидрографом А. И. Варнеком: «Надо удивляться: у нас так скучается на деньги, а на безнадежную Хайбудырскую (Хайпудырскую.—*A. O.*) губу г. Голохвастов израсходовал несколько десятков тысяч рублей. Скучается, скучается — по незнанию своего отечества,— тряхнут и неудачно».

Но залихватская идея, несмотря на свою отчаянную неосновательность, положила начало дискуссии, которая разгорелась в русской печати и в конечном счете привела на Полярный Урал железнодорожных специалистов.

Летом и осенью 1900 года в полярно-уральских горах от Обдорска до Медынского заворота на баренцеворском берегу работала изыскательская экспедиция инженера П. Э. фон Гетте. Ее результатом стало выбранное направление пути. Восточная станция планировалась у впадения Соби в Большую Обь (на месте нынешнего рыболовецкого поселка Катравож), дальше колея предстояло следовать по Елецкому водоразделу до Медынского заворота, где намечалась станция — порт. Руководитель экспедиции считал, что сооружение этой дороги «не будет связано с какими-либо особыми затруднениями». В отчете он перечислял достоинства маршрута: горные проходы технически вполне преодолимы, не нужно много искусственных сооружений, строительные материалы есть на

месте и обойдутся они сравнительно недорого. Учел Гетте и экономические факторы: так как пассажиров в этом малолюдном краю не предвиделось, можно было обойтись без сооружения вокзалов, а технологические объекты строить, обходясь минимумом. В техническом обосновании, как мы бы выразились сегодня, были определены и цифры чистого дохода. На каждую стальную версту он составлял 4410 рублей, а так как длина маршрута предполагалась в 380 верст, весь доход превышал полтора миллиона. Каждый акционер мог рассчитывать почти на пятипроцентную прибыль.

Главные трудности, по мнению Гетте, состояли в другом. На конечных пунктах маршрута, по его предложению, следовало провести гидротехнические работы, чтобы в устье Соби создать надежный речной причал, а у Медынского заворота — морской порт, в который могли бы заходить суда из европейских городов. Для железнодорожных рабочих и обслуживающего персонала необходимо было строить крупные поселки с таможней. Для складирования сибирского зерна требовались элеваторы с электростанциями. Гетте считал необходимым «устройство воздушного телеграфа, который бы соединил станцию Собь с Белогорьем и Тобольском», вывел ее на сеть русских и заграничных телеграфных линий. В накладные расходы заносилось приобретение землесосов, барж, теплоходов и даже ледоколов. Тщательно подсчитанные расходы в тогдашних ценах составили серьезную сумму: 32 миллиона рублей. Но акционеры все равно оставались в солидном выигрыше.

Все эти радужные перспективы вызывали, конечно, некоторую долю сомнения. Но каждый даже не проект, а проект, самого авантюрного пошиба, находил сторонников: действительно, сибирская экономика глохла без выходов к рынкам. Вдохновенно потрудился инженер фон Гетте: он представил правлению акционерного общества технические изыскания, экономическое обоснование,

были представлены финансовые результаты и даже ведомость пошлин, от которых «высочайше» должно было быть освобождено общество. Однако ни один рельс, ни одна шпала на этой трассе так и не были уложены. Почему же? Документов не сохранилось. И это понятно: большие проекты с большой помпой выходят в свет, но бывают похоронены очень тихо.

Следующий проект железнодорожного штурма Полярного Урала принадлежит замечательному русскому художнику, смелому и отважному арктическому мореплавателю Александру Борисову. Поплавав по студеным морям, Борисов пришел к выводу, что Северный морской путь, на который возлагали надежды многие сибирские патриоты,— трасса ненадежная. Думается, что в эпоху, когда не было таких атомных ледовых исполинов, как «Сибирь» и «Арктика», в этом мнении имелась доля истины. Все свои надежды на развитие Севера Александр Алексеевич связал с проектом Великого Северного пути. Путь этот им мыслился железнодорожным, он должен был пересекать пространства государства почти по линии Полярного круга. Поначалу борисовские прикидки были скромными, о трассе с титулом «Великая» он еще не говорил. Неизвестно, по какой причине, но о своем проекте Борисов решил заявить анонимно, точнее — с помощью корреспондента немецкой газеты «Берлинер тагеблат». Ее собкор в Петербурге передал сенсационную новость: «Русские проектируют железную дорогу Обь — Архангельск!» Трасса должна была соединить Архангельский торговый порт с причалами на Нижней Оби. Это уже был не просто железнодорожный «волок» от речного причала к морскому, как в изысканиях Гетте, а самостоятельная магистраль.

Получив международное паблисити, Борисов раскрыл свои карты и бросился в атаку на безынициативное путейское министерство. Страстность его выступлений, устных и газетных, надо отдать должное, если не

сразу обернулась какими-то реальными делами, то заставила русское общественное мнение обратить внимание на дремлющий Север. Специалисты МПС начали деловые обсуждения борисовских проектов.

Но Борисов получал тумаки не только от ретроградов и рутинеров железнодорожного ведомства. Он почему-то считал, что его идея будет особо привлекательной, если дискредитировать Северный морской путь, и с энергией, достойной лучшего применения, занимался этим.

В феврале 1919 года Совнарком на заседании, где председательствовал В. И. Ленин, обсуждал общие положения концессии на постройку железной дороги Обь — Котлас — Сорока, которую настойчивый Борисов предлагал совместно с норвежским банкиром из Лондона Эдвардом Генневиком. Первый пункт постановления СНК по этому вопросу гласил: «Признать направление линии железной дороги и общий план постройки приемлемым»¹.

Однако гражданская война и послевоенная разруха помешали осуществлению этого намерения. Борисов вернулся к своему проекту Великого Северного пути (ВСП) в 1928 году, посчитав, что время настало. Он нашел верного союзника в лице профессора В. М. Воблого, и, заручившись поддержкой таких видных деятелей, как И. И. Скворцов-Степанов, И. М. Гронский, они совместно выступили в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» с серией дискуссионных статей о Великом Северном пути, который, по их мысли, должен был соединить два океана: Атлантический — через Ленинград, Северный Ледовитый — через Архангельск, — и выйти к Тихому. Борисов писал об этом пути:

«Правильный и верный путь для развития и благосостояния Сибири и вообще нашего Союза, путь не гадательный, надежный, это — путь только железных дорог».

Ему вторил энтузиаст-профессор:

¹ Ленинский сборник, XXIV, стр. 53.

«Противодействие рутинеров — не преграда Великому Северному пути, пионерскому делу в исторически неизбежной программе».

В Москве на Ильинке была создана Комиссия содействия сооружению Великого Северного пути, которую возглавлял «высокий худой человек с острыми чертами лица, необыкновенно напоминавший Дон-Кихота», профессор Воблый. Однако у Комиссии был серьезный оппонент — Главсевморпуть. Накал дискуссии можно проследить по газетным заголовкам. «Магистраль трех океанов», «Магистраль семи морей», «Ясная и грандиозная перспектива» — это, конечно же, сторонники ВСП. «Заговор прожекторов», «Художества художника Борисова», «Какой путь?», «Великий Северный путь и вредительские взгляды» — это не стеснялись в выражениях оппоненты, приверженцы морского пути.

С высоты сегодняшнего дня нам трудно понять этот накал страстей. Северный морской путь сейчас — национальная транспортная магистраль. Воплощается в жизнь, начатый с востока БАМом, и проект железнодорожного пути, очень близкий идее Великого Северного.

Наверное, то время действительно было слишком категоричным.

А железная дорога через Полярный Урал прошла сразу после второй мировой войны. Как ни парадоксально, инициаторами выступили бывшие противники. Главсевморпуть еще в 1943 году начал обосновывать идею прокладки дороги от Воркуты с выходом на Обь. Сначала решено было проложить пятисоткилометровую магистраль к Мысу Каменному в Обской губе. Были начаты изыскательские и проектные работы. Одновременно к Мысу Каменному стали подходить суда со строителями и оборудованием. Однако первые же изыскания доказали, что сооружение трассы до этого пункта экономически малоэффективно. В 1947 году было решено, что трасса от станции Чум пойдет в направлении поселка Лабытнанги.

Трофеи научной охоты

«Эта экспедиция дала мне очень много. Это было мое первое экспедиционное крещение, оно послужило выработке серьезного характера». Так тридцать лет спустя вспоминал о своем уральском путешествии выдающийся советский естествоиспытатель Владимир Николаевич Сукачев. За свою большую (шесть с половиной десятилетий) жизнь в науке ему пришлось путешествовать в Приангарье, по Северному Казахстану и Южному Уралу, в Семиречье и Донбассе, по берегам Байкала, он изучал природу Китая и Индии, но именно полярно-уральской экспедиции отдавал предпочтение.

Перечисление заслуг и титулов этого ученого заняло бы не одну страницу. Он избирался президентом Ботанического общества и старейшего в стране Московского общества испытателей природы, почетным председателем ВГО, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, неутомимый путешественник награжден золотыми медалями Географического общества. Как отмечают биографы, работы Сукачева «начинают новые разделы науки, как, например: болотоведение, палеоботаника четвертичного периода, фитоценология и типология леса, селекция древесных растений». О книге Сукачева «Болота, их образование, развитие и свойства» похвально отозвался В. И. Ленин.

В начале 1909 года к Сукачеву обратился академик Н. П. Бородин. Он сообщил, что Академия наук принимает участие в снаряжении экспедиции на Полярный Урал и ей нужен ботаник. Владимиру Николаевичу шел двадцать девятый год, но и тогда это был уже сложившийся ученый. На двенадцатом съезде русских естествоиспытателей и врачей он обосновал основные положения фитоценологии — особого направления в геоботанике.

Экспедиция оказалась комплексной: плечом к плечу трудились биолог, геолог, этнограф, топограф, зоолог и агроном. Владимира Николаевича называют отцом отечественной биоценологии — предшественницы популярной ныне экологии. Биоценология родилась на стыке нескольких отраслей знаний, и, надо полагать, сотрудничество с представителями смежных наук стало для Сукачева тем первым плодотворным импульсом, который заставил его взглянуть на природу более обще, комплексно.

Такая комплексность нравилась не всем ученым. Об этом свидетельствует речь руководителя экспедиции геолога Баклунда. В своем отчете на заседании физико-математического отделения Академии наук он говорил:

— Кому приходилось принимать участие в экспедиции, состоящей из целого ряда натуралистов по различным специальностям, тот, может быть, имеет представление, на какие компромиссы должны соглашаться отдельные специалисты, чтобы не страдало общее дело экспедиции.

А начиналось это научное предприятие с затеи двух русских капиталистов, молодых людей, которые долго прожигали жизнь в Париже, это им прискучило, и они захотели чего-нибудь новенького, поострее, поэкстравагантнее, скажем, какой-то необычной охоты. Братьев-чаеторговцев Николая и Григория Кузнецовых найденные угодья не устраивали. Хотелось особо экзотического, поближе к полярным волкам и белым медведям. Свой выбор они остановили на Полярном Урале. Об их затее узнал доктор Михаил Григорьевич Мамуровский, активный деятель Географического общества. Он предложил богатым следопытам прихватить с собой нескольких исследователей.

Чаеторговцы, не лишенные некоторой склонности к благотворительности, откликнулись на просьбу. Энергичный доктор развел бурную деятельность. Военное ведомство выделило в распоряжение «охотничьей» экспедиции

коллежского советника топографа Н. А. Григорьева, горный институт — студента В. Г. Мухина, Московский университет в качестве коллектора по этнографии отрядил студента Д. Т. Яновича. Зоологию представлял Ф. А. Зайцев, а в Тюмени к экспедиции присоединился «ученый агроном», специалист по беспозвоночным животным Джемс Вардроппер.

Но тут неожиданно разразился гром: тяжело заболел и слег инициатор экспедиции доктор Мамуровский. Предприятие повисло в воздухе — благоворительность благоворительностью, но ждать братья-чаеторговцы не хотели, их егерский отряд уже был готов. По совету директора Российского Геолкома академика Ф. Н. Чернышева на замену пригласили магистранта Петербургского университета Хельге Гётрика Баклунда. Хельге Гётрик (в России он, впрочем, известен как Олег Оскарович) был сыном директора Пулковской обсерватории академика О. А. Баклунда. Баклунд-сын, несмотря на свою молодость, уже побывал на Таймыре, Шпицбергене и в других арктических краях. Олег Оскарович, не колеблясь, согласился — он специализировался в тектонике и петрографии, а Полярный Урал в этом отношении все еще представлял белое пятно. Вырабатывая маршрут экспедиции, он убедил всех, что нужно исследовать восточный, малоизученный склон. Сыграло роль и то, что Баклунд не хотел идти по следам Гофмана.

Так, задуманная как «охотничья», экспедиция превращалась в крупное предприятие со сложным комплексом задач. Кажется, нетерпеливым братьям Кузнецовым льстило то почтение, которым их окружали маститые ученые, люди, влиятельные в высших сферах. Они не скупились на расходы — все снаряжение закупалось на их деньги. Более того, позднее в отчете Баклунд писал:

«Они позаботились и о дальнейшей судьбе коллекций и материала наблюдений, обеспечив издание научных результатов экспедиции».

Среди московских купцов встречались широкие на- туры, но в этом случае, наверное, следует предположить если не корысть, то расчет — научное предприятие обеспечивало хорошую рекламу.

Подготовкой на месте занимался тюменский агроном Вардроппер. Он нанял два оленных каравана и договорился с двумя обдорскими торговцами об организации складов провизии — в верховьях рек Щучья и Кара.

В конце мая 1909 года пароход «Ангара» доставил охотников и ученых из Обдорска к устью Соби, куда через день подошли и каюры-ханты с восемью десятками законтрактованных оленей. Обоз получился внушительный — подводчики шли, как древние патриархи, с многочисленными домочадцами, а следом за научным аргишем следовало их стадо в полторы тысячи оленей. О длинных переходах с таким обозом не могло идти и речи. На первой же стоянке начались распри с каюрами — оленевых погонщиков возмущало то, что везут они несерьезный груз — «камни», «землю» и «сено». Баклунд сразу составил о своих провожатых невыгодное мнение. Вообще с проводниками экспедиции явно не повезло. Толмач Василий Конев столь обильно угостился на прощание, что никак не мог прийти в себя, истребляя экспедиционные и личные запасы спиртного, так что уже с третьей стоянки Баклунд отправил его назад. Главным подводчиком был Матвей Григорьевич Кондигин, по прозвищу «Наука», голубоглазый хант, который даже в морозную погоду ходил с непокрытой головой. Первым помощником Науки служил Толя, как называли высокого старика с голым и тоже непокрытым черепом. Баклунд рисует его оригинальный портрет: жидкая, клочьями борода, слезящиеся водяно-прозрачные глаза, стремительные движения, зычный голос. Дорогу проводники знали в общем неплохо, но, кажется, совсем не понимали задач путешественников. На стоянках они подолгу собирались, препирались, паниковали, требовали

возвращения в Обдорск: не хотели везти «сор», оставляли на стоянках анысы — нарты с экспедиционным грузом. Олений караван — это жизнь экспедиции, ее успех. Отчет же пестрит такими заметками: «Наука категорически отказывается в какой-либо форме исполнять принятые на себя обязательства», «День почти целиком ушел на переговоры с Толей», «Толя стал выражать сомнения по поводу правильного толкования контракта и требовать возвращения в Обдорск».

Да, далековато этим упрямцам до Дерсу Узала. Когда исчерпывались логические аргументы, в ход пускался последний: классный топограф Григорьев носил форменную фуражку своего несколько фантастически звучавшего ведомства — управления триангуляции западного пространства — и тужурку на пуговицах с орлами — для тундровиков показатель высшей власти.

При переправе через реку Хадату олень-вожак бросился вплавь в самом неподходящем месте: отвесные берега обледенели, а течение было стремительным. Стадо, как всегда, бросилось за вожаком, слабые воженки и телята не могли выкарабкаться на противоположный берег, их несло по течению и было о камни. Многие погибли, многие поломали ноги, и их пришлось забить. Толя разразился «невиданным доселе ревом», грозно махал пастушеским хореем, но, пожалуй, неумолчным криком он хотел прикрыть свою ошибку: стадные привычки оленей мог знать и менее опытный проводник.

На реке Щучьей, где предположительно находился первый магазин продовольствия, путешественники склада не обнаружили. Это насторожило их и заставило пересмотреть намеченный план. Первоначально они намеревались разбиться на два отряда, чтобы один двинулся на запад к Каре, а другой на север к Минисею. Но если не обнаружен первый магазин, то где гарантия, что второй доставлен на место? Хотя после хадатинской трагедии рацион путешественников пополнился свежей олениной,

припасов было в обрез, поэтому и приняли решение не искушать судьбу.

Пройдя долинами Соби и Лонгот-Югана, притоками Усы и Щучьей, путешественники вышли на саму Щучью и увидели озеро Большое Щучье. По складу скандинавского характера Баклунд был суховатым, сдержанным на выражение чувств. В описании же Щучьего он просто не мог сдержаться:

«Вид, открывающийся из лагеря на запад, поражал своей красотой альпийского характера».

Конечная цель уже была видна невооруженным глазом. У истока Байдараты Баклунд поднялся на полукилометровую вершину и оттуда «при исключительно прозрачном воздухе видел ее устье и море (юго-западный угол Байдарацкой губы) с противоположным берегом Ямала, поднятым миражом».

Здесь, на Саурейском плато, путешественники наконец-то увидели чумы кочующих хантов и коми. Надо ли говорить, как обрадовались этой встрече исследователи, которых безлюдье и одиночество, конечно же, угнетали.

Баклунд решил опробовать ту новинку, которую при переправах оберегали, как самый драгоценный груз. В распоряжении экспедиции имелся кинематографический аппарат. Он впервые застrelкотал, когда экспедиционный обоз штурмовал реку Хууту, «была снята живописная и оригинальная переправа через быстротекущую реку, длинные аны с грузом экспедиции потянулись уже вверх по снежному пятну, а затем по болотистой луговой седловине противоположного берега». Аппарат доставали еще два раза, последний — когда охотники у горы Минисей повернули назад, а исследователи продолжили путь дальше. Аппарат принадлежал честолюбивым братьям, которые запечатлели себя для истории в столь экзотическом крае.

Вот бы разыскать эту уникальную пленку, где Полярный Урал впервые выступил в роли кинообъекта!

Выход к Каре был отмечен тревожным обстоятельством: проводники от кочующих пастухов узнали, что в этих местах начался падеж оленей. Случайно или закономерно, но все большие экспедиции на Полярный Урал страдали от мора оленей. Спутникам Баклунда тоже пришлось увидеть, как олени становятся беспокойными, много пьют и со вздутым животом падают и бются в предсмертных конвульсиях. Но благодаря осторожности Науки большого падежа удалось избежать.

Вскоре среди горных вершин показалась снежная седловина священной горы остыков — Минисей. Экспедиционный этнограф Янович приободрился, до сих пор маршрут не предоставлял ему занятий по специальности, у ритуальной горы он надеялся найти интересные экспонаты. Но проводники, недовольно воспринимавшие его любопытство, успели предупредить сородичей, и те спрятали наиболее ценные предметы религиозного культа. Янович обнаружил в горных расселинах несколько потрескавшихся деревянных божков-сядаев, ветхих шайтанчиков. Разочаровал студента-этнографа и обряд жертвоприношения. Один из каюров принес жертву горным духам, заколов молодого оленя. В чем состоял смысл жертвоприношения, начинающий этнограф уловить не смог: оленью тушу тотчас же с замечательной быстротой освежевали.

— Если следовать их логике, — пошутил Баклунд, — то я приношу жертву богу всякий раз, выходя из мясной лавки.

Вообще-то доброжелательно характеризуя всех участников экспедиции, Баклунд о Яновиче отзываетя не вполне одобрительно: обширное кладбище на Халас-пугоре «носило некрасивые и слишком откровенные следы недавнего посещения коллектора этнографических редкостей». Видимо, молодому этнографу в его щепетильном деле не хватало такта, и он заработал славу кладбищенского мародера.

У Минисея сделали большой привал — пять дней дали на отдых измученным оленям. Разочарованные Кузнецова с охотниками и егерями, а также почти безработный Янович двинулись назад, на прощанье «кинематографируя» тех, кто уходил на север. Ученые не очень жаловали охотников. Бесталанным прожигателям жизни, дельцам от чайного бизнеса явно не хватало культуры, и прощались с меценатами, по свидетельству Сукачева, «с удовольствием».

Падеж оленей, все чаще попадавшие трупы животных нагнали на Науку и Толю страху, они с испугу не признали Кары, на берег которой вышли. До морского побережья оставалось около двух десятков верст, когда каюры наотрез отказались двигаться дальше.

То, что могло стать для экспедиции трагедией, послужило благом. У путешественников неожиданно оказалось много добровольных помощников среди коми и ненцев. Особо старался бывший солдат-преображенец, представительный мужчина действительно гвардейского сложения Полиевкт Иванович Чупров. Полуш — как все его величали — пользовался большим авторитетом среди тундрянков, хорошо знал местные обычаи. Он собрал большой совет окрестных оленеводов, на котором лились потоки чая и было выработано решение, что назад экспедиция будет возвращаться подставами, меняя оленей на каждой новой остановке. Ненцы слово держали. Когда же случались какие-то затруднения с транспортом, на экспедиционной стоянке незамедлительно появлялся расторопный Полуш.

На конечном этапе пути произошло два события. Кара едва не стала последним прибежищем для руководителя экспедиции. На парусиновой лодке Баклунд спускался по этой быстрой реке. Живописные берега ее представляли настоящее ущелье, в обнажениях хорошо различались горные породы. Засмотревшись на эту геологическую картину, Баклунд не заметил, как река все

более ускоряла течение, на середине ее стали попадаться валуны, за которыми следовали стремительные быстрины. Только взволнованный крик случайно оказавшихся здесь жен пастухов заставил его причалить к берегу. Женщины не знали русского языка и усердно махали руками, показывая вниз по течению. Пройдя берегом, Баклунд ужаснулся — недалеко от места его швартовки с четырехметровой высоты падал водопад. Парусиновую лодку здесь не спасло бы даже чудо...

Второй случай был более приятным.

На одной из стоянок на побережье в лагере появился старик-ненец. Он назывался Нондей, сыном Васяды, и добровольно предложил свои услуги. Как оказалось, его отец служил проводником в экспедиции Гофмана. В подтверждение своих слов старик из недр первобытного кожаного бумажника, обернутого платками, вытащил благодарственную за оказанные услуги грамоту Географического общества, на которой можно было разобрать подписи маститых деятелей: Бэра, Гельмерсена, Литке. Нондя, его братья Арап и Етана Лаптандеры оказались толковыми проводниками. Етана, как выяснилось, кочевал по Малоземельской тундре, знал Канинскую, бывал на Соловецких островах, хорошо разбирался в топографии полуострова Ямал. Когда геодезист Григорьев показал ему карту, Етана живо объяснил, как вытянут по меридиану полуостров Ямал, как он примыкает к Байдарадской губе и где искать остров Белый. Расставание с этими каюрами, по словам Баклунда, было «трогательным» и затянулось на всю ночь. Вторая часть путешествия позволила исследователям поверить в то, что в тундре можно найти надежных проводников.

Часто проскальзывают в баклундовском отчете фамилии рабочих, которых он нанял в Обдорске,— коми Бабикова и Рочева, грамотного русского парня Плеханова. Обдоряне делили со столичными учеными все экспедиционные тяготы, выказали себя расторопными, не теря-

лись в трудных ситуациях. Заниматься им приходилось делами не из легких. В тундре олени часто проваливались по брюхо в жидкую грязь, рабочие лезли в холодную жижу, вытаскивая измученных животных. После трудного маршрута им полагалось найти топливо, успеть приготовить пищу, сделать массу дел.

По морскому побережью экспедиция от устья Кары вышла в бассейн Байдараты и отсюда начала путь назад. Начиналось осеннеев половодье, и небольшие речушки, которые летом выглядели скромно, превращались в стремительные водные потоки. В научной амуниции ученых имелся плот на резиновых подушках. Путешественники применили его при форсировании Байдараты. На резиновые надувные мешки укладывались связанные шесты от чума, держал такой корабль четырех человек. Хотя уже стоял сентябрь, путешественники в последний раз выкупались в Щучьей. На Оби ученых ожидались паровой катер «Аркадий» и петербургский коллега — в будущем выдающийся этнограф и антрополог Сергей Александрович Руденко. Столицу нижнего Приобья экспедиция покидала в последний день сентября.

Пока «Тобольск» неспешно поднимался против течения, можно подвести первоначальные итоги. В Академию наук Баклунд сообщал:

«В зоологическом отношении Полярный Урал до сих пор не был исследован, особенно что касается беспозвоночной фауны, по которой экспедиция собрала богатый материал. Ботанико-географические исследования значительно дополнили существующие списки, и весьма ценные указания дают исследования по истории развития флоры. На колебания уровня вечной мерзлоты в связи с характером растительного покрова и с распределением различных почв было обращено особое внимание. По части динамической геологии удалось найти доказательства мощного прежнего оледенения Полярного Урала».

Вот что дала экстравагантная «охотничья экспеди-

ция», на которую разорились кутилы Кузнецовых. В конечном счете для науки «охота» оказалась весьма удачной.

Баклунд же почти сразу после Полярного Урала, обобщив свои исследования, уехал в латиноамериканские Анды и больше в Россию, хотя сохранял лояльность к новой власти, не возвращался — работал у себя на родине, в Швеции. Судьба свела его с Сукачевым в 1950 году в родной для Хельге Гётрика Упсале на VIII Международном ботаническом конгрессе. Надо полагать, им было о чем поговорить и повспоминать.

...Секретарь управления триангуляции западного пространства, коллежский советник и классный топограф Григорьев работал прилежно. Карта, составленная им, «десять верст в дюйме», и приложенная к баклундову отчету, очень верна и не особо разнится с современными. Но целые квадраты на ней пусты, просто чистое пространство, на котором нет ни одного штриха, черточки, никакой привязки. Это и есть те самые пресловутые белые пятна. Существует выражение «стирать белые пятна». Выражение это неверно по сути — как можно стирать там, где ничего нет? Исследователи не стирали, а как раз заполняли эти белые пятна, заполнили той информацией, которая добывалась ими с такими трудами.

А карта Григорьева — последней крупной предреволюционной экспедиции — показывала, что за два с половиной века русские исследователи сделали много, но преуспели далеко не во всем, оставив советским исследователям в здешних краях много белых пятен.

Часть II

Первая советская

Наверное, надо считать закономерным, что среди организаторов первой советской экспедиции к северным отрогам поясного «Камня» было такое учреждение, как Уралплан. Изучение далекого края Советская власть сразу ставила на плановую основу, и комплексная экспедиция, сформированная Российской Академией наук, имела и чисто практические задачи.

Выбор руководителя экспедиции вряд ли случаен — Борис Николаевич Городков к тому времени исходил уже не одну сотню таежных и тундровых верст. Большой частью его маршруты пролегли по малодоступным местам северной Сибири. Но уже тогда Борис Николаевич много внимания уделял Уралу. Еще в 1915 году он предпринял путешествие по Северной Сосьве и Ляпину. Уралплановскую экспедицию Городков возглавил, «занинтересовавшись своеобразием природных условий и огромными неосвоенными ресурсами» края.

Рассказывая о полезных ископаемых Восточного Зауралья в «Химико-техническом сборнике», он как бы предсказывал эту свою экспедицию:

«Неблагоприятные сведения о рудоносности Северного Урала, вероятно, окажутся преувеличенными после новых исследований, которых до сих пор в этом крае было немного».

В отличие от кратковременных дореволюционных экспедиций, эта была рассчитана на целые пять лет. Удивительно, как молодая, явно не опытная еще власть основательно, капитальнейшим образом бралась за дело! В таких фактах проявлялась революционная сущность произошедших в России преобразований. Трудно представить, чтобы столь масштабную экспедицию могли организовать чиновные ведомства прежнего режима.

Состав участников на протяжение пяти сезонов менялся: единственным оставался лишь один — геолог Александр Николаевич Алешков. Он начинал в 1924 году простым коллектором, будучи еще студентом горного института, а в сезоны 1927 и 1928, став к тому времени аспирантом Ленинградского государственного университета, возглавил экспедицию.

Тот, кому приходилось бывать во Всесоюзном геологическом институте в Ленинграде, наверняка обратил внимание на великолепную друзу горного хрусталя: на вид эта глыба весит не меньше тонны. Доставил ее в невскую столицу Алешков. Невольно удивишься, как мог он — кроме лошадок, другого транспорта в экспедиции не было — вывезти этот хрустальный монумент из мест, где и с простым вьюком лошадь пробирается с трудом. Друза чуть меньшего масштаба стоит в вестибюле ИГЕМа — Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии, где в Старомонетном московском переулке в последние годы своей жизни работал Алешков.

С его именем связано немало открытий на Северном Урале, сезон 1927 года ознаменовался, пожалуй, крупнейшим географическим уральским открытием двадцатого столетия — на карту под названиями «Кряж Исследователей Северного Урала XIX века» и «Народо-Итыинский хребет» были нанесены два неизвестных науке массива.

Геологические воззрения этого ученого вызывали противоречивые оценки. Позднее профессор Н. А. Сирин

находил в его работах «исключительно своеобразную трактовку некоторых вопросов геологии и петрологии», предъявлял и более серьезные претензии: «Обилие общих рассуждений, недостаточно обоснованных фактическим материалом, что придает его работам крайне субъективный характер».

В то же время учитель Алешкова, известный геолог, академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал об оригинальности взглядов молодого исследователя, но уже со знаком «плюс»: «Эта работа должна появиться в печати, а его новаторские взгляды, таким образом, делаются предметом широкого обсуждения».

Надо отдать должное дипломатичности, с которой вел защиту ученика маститый ученый, явно не во всем соглашавшийся с новатором, но веривший, что оригинальность взглядов всегда приносит пользу.

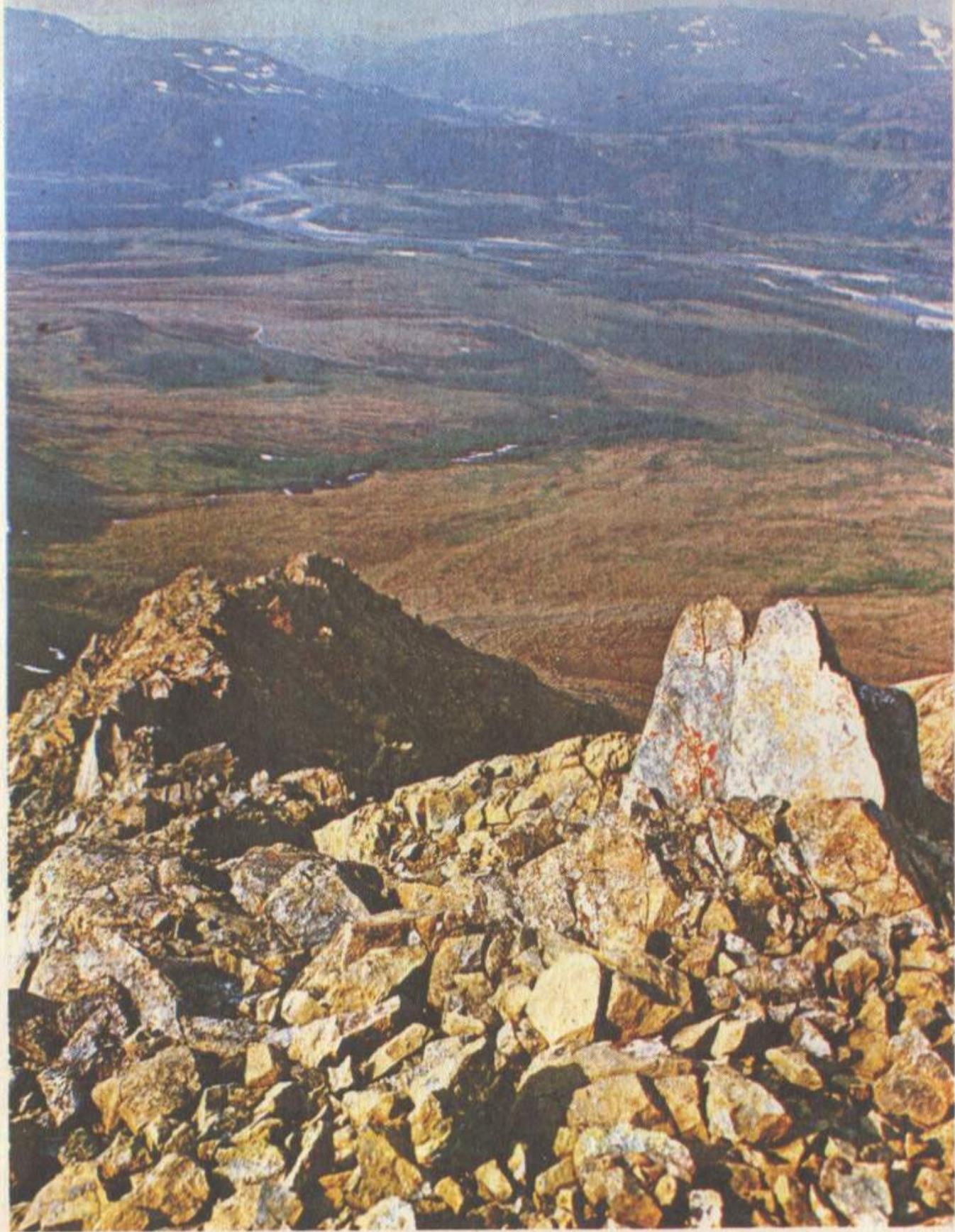
Однако не всегда столь деликатный подход вызывали работы Алешкова. Но он смело бросался в дискуссии даже с авторитетами, в ответ получая такие выговоры: «Алешков строит здания на песке».

Наверное, Александр Николаевич в этом был грешен. В его сугубо специальных работах нередки поэтические пассажи:

«Величественное зрелище представляет Войкар-Сынинский массив в ясный, солнечный, летний день... Впечатление грандиозности и могущественности единого, целого и монолитного тела совершенно исключительно и несравнимо ни с одним из других углов Уральского хребта».

Алешков в научных статьях не забывал упоминать о тех переменах, которые пришли в приуральские села. «Законсервированный со времен Меншикова Березов украсился аэродромом на берегу Богулки и гостиницей для воздушных пассажиров, к пароходной пристани привился пирс рыбтреста».

В среде специалистов-профессионалов уже тогда счи-

Горный массив Рай-Из

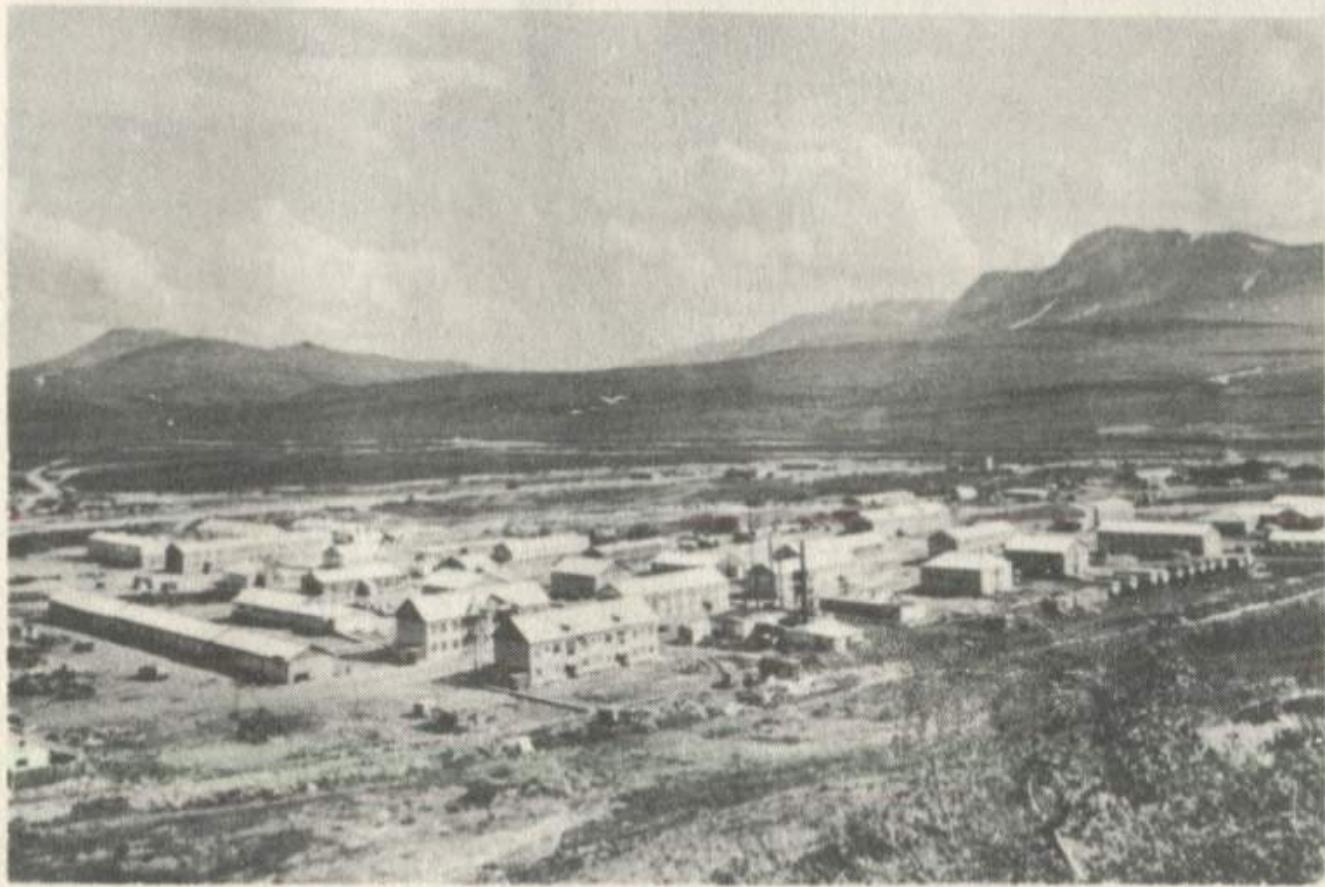
Весна в верховьях горной реки

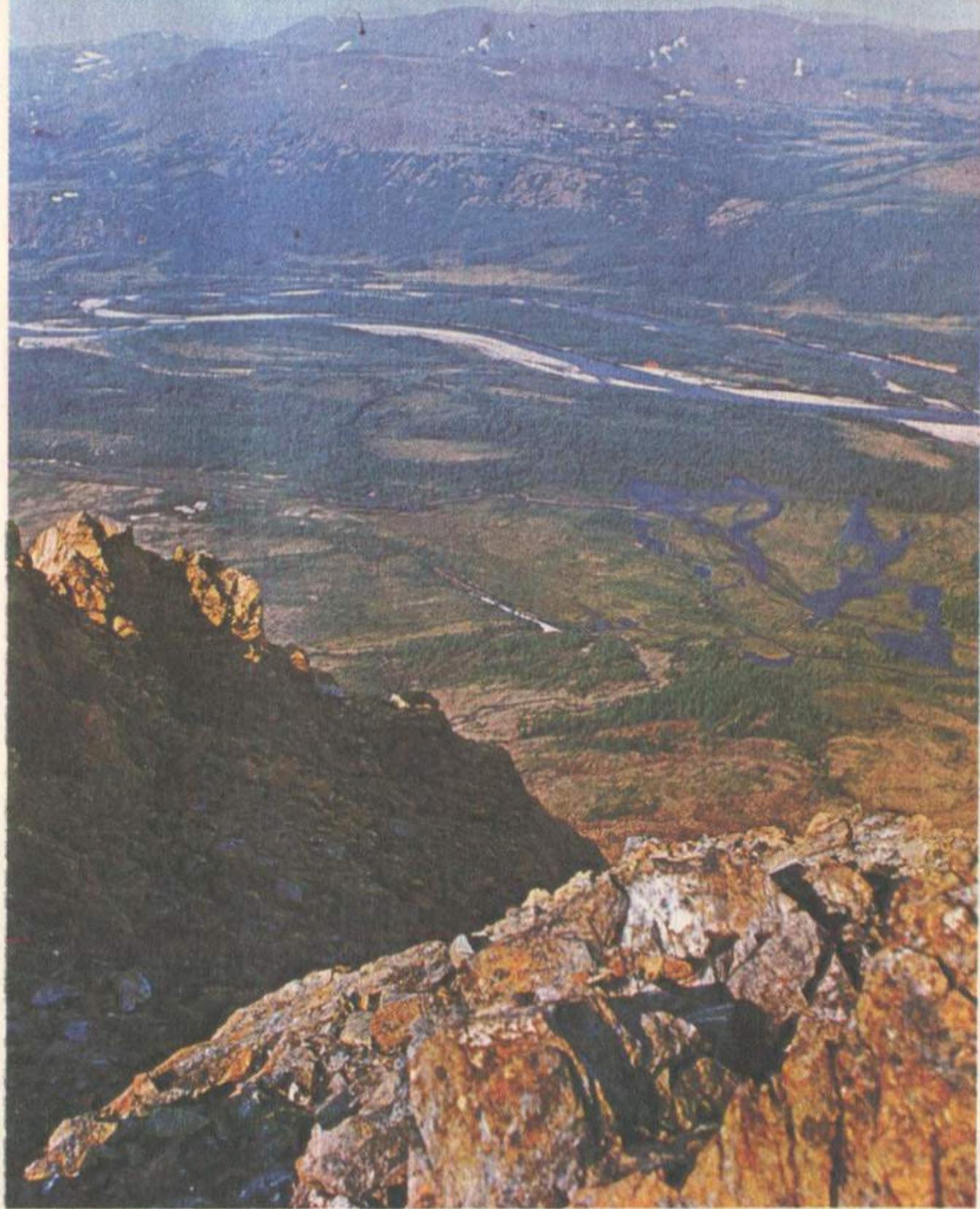
На Полярном Урале

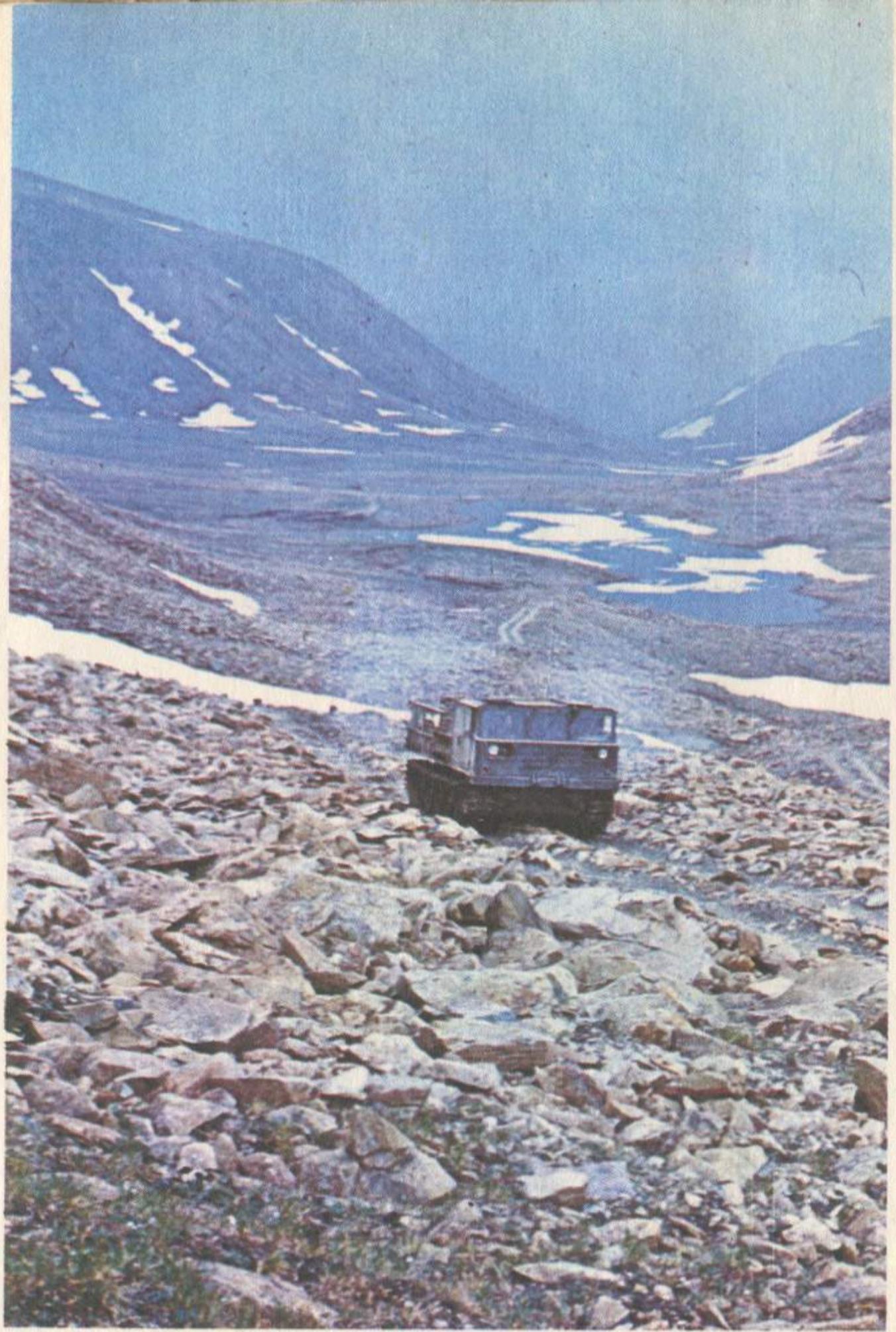
Снежник на Рай-Изе

Поселок геологов Полярный

Долина реки Собь

Конгорский перевал

Водопад на Рай-Изе

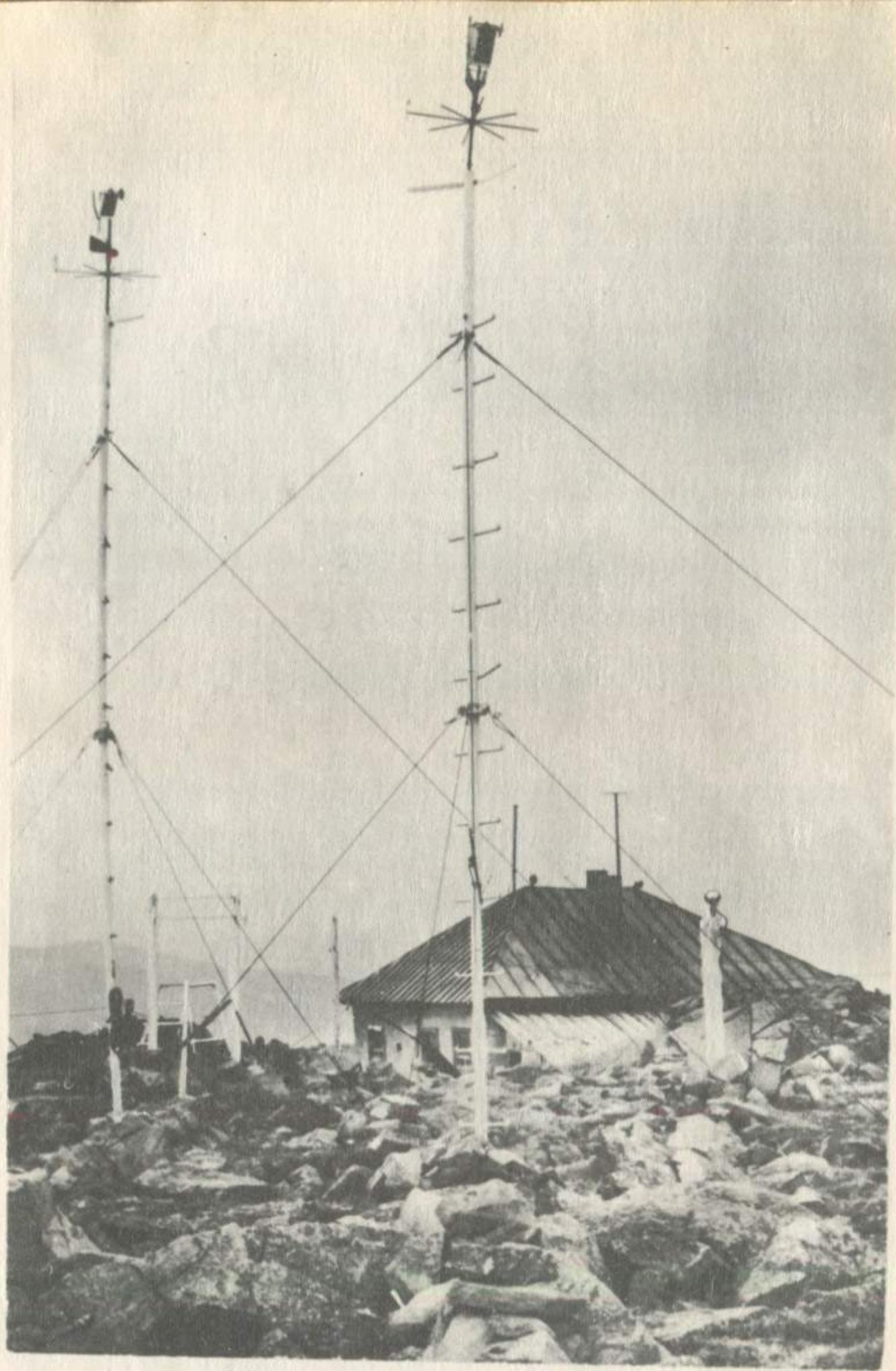
Начальник метеостанции А. А. Сычева

Водители вездеходов

На Конгорском перевале

Метеостанция на Рай-Изе

талось неприличным писать о таких вещах и таким языком. Алешков получил выволочку от академика А. Н. Заварицкого, который его работы называл «произведениями, которые касаются естественноисторических предметов, но подходят к ним с методом, чуждым наукам естественноисторическим».

Конечно, в науке особенно ценные положительные результаты, но, может быть, это единственная область человеческой деятельности, где ошибки столь же плодотворны. Наверное, Алешков заблуждался, но своими заблуждениями он у других вызывал приливы такой научной энергии, которая и приводит к истине.

Позднее он неоднократно возвращался на Полярный, так полюбившийся ему Урал — возглавлял кварцевую экспедицию Академии наук, полевые работы Уральской ледниковой экспедиции, созданной комитетом по проведению II Международного полярного года.

Есть на Полярном Урале ледник Алешкова. На географические карты случайные имена попадают редко.

Первый геолог экспедиции, работавший в сезон 1924 года, Нестор Алексеевич Кулик (братья известного исследователя «Тунгусского чуда») на Полярном Урале не был новичком. В 1913 году он первым нанес на геологическую карту Войкар-Сынгинский массив. На основе северных наблюдений Кулик написал статью «О северном постплиоцене». Она вызвала бурную полемику. Экспедиции Уралплана явно везло на геологов полемического темперамента. Или, может, Полярный Урал заставлял взглянуть на какие-то устоявшиеся геологические представления по-новому?

С первой советской экспедицией связано начало деятельности выдающегося советского географа Виктора Борисовича Сочавы. Позднее, работая в академическом Ботаническом институте, заведя сектором в Институте Арктики, ведя работу в хорошо известном всем северянам педагогическом институте имени А. И. Герцена и

в Ленинградском университете, профессор Сочава создал свою школу геоботаников, выдвинув ряд новых важных направлений. На протяжении последних двух десятков лет своей жизни академик Сочава возглавлял в Иркутске Институт географии Сибири и Дальнего Востока Сибирского отделения АН СССР, координируя работу всех географов в Сибири. Но это — после.

Почему Виктор Борисович попал на Северный Урал, понять не трудно — ведь он ходил в учениках Сукачева, а Владимир Николаевич посоветовал тогдашнему практиканту академического Ботанического музея съездить на заполярный Урал. Сочава работал в верховьях правобережного войкарского притока, горной речки Нельки, добрался до истоков Хулги.

Конечно, работать под руководством такого знатока, как Городков, для начинающего специалиста было большой удачей. Борис Николаевич умел ко всему подходить комплексно, и их совместная работа носила по существу экологический — по тем временам редкий — характер. В научных статьях, посвященных растительности изученного района, Сочава считал необходимым сделать примечание: «Заканчивая описание лесов, следует указать, что они носят совершенно первобытный характер. Срубленное дерево представляет в этих местах большую редкость».

В этих исследованиях чувствовалось незримое присутствие Уралплана, ученые старались переводить наблюдения в практическую плоскость, хотя их рекомендации вряд ли могли повысить настроение плановиков-лесников: Сочава и Городков предупреждали о сложности хозяйственного освоения этого района, которое явилось бы катастрофой для уникального северного леса.

Человек неуемного характера, Сочава с Алешковым и геодезистом С. А. Янченко одним из первых поднялся на высочайшие вершины Урала — гору Народная и пик Карпинского.

Два сезона стали хорошей почвой для дальнейшего «заболевания» Сочавы Сибирью и Севером. Надо полагать, что и решение покинуть Ленинград, переехать в Иркутск, чтобы создать новую отечественную школу географов, зарождалось в тот момент, когда он оглядывал с высочайших уральских вершин этот необыкновенно привлекательный для каждого человека, а для географа — особенно, край.

Руководитель экспедиции, конечно, много времени вынужден был терять на всяческие организационные работы, которые в таком безлюдном месте всегда представляли особую сложность, но все же три сезона дали очень много для его концепций о поясах растительности в нашей стране. Городков описал характер межгорных тундр, сделал полную классификацию полярно-уральской растительности, установил верхний предел леса на горных вершинах. Им впервые поставлен такой тонкий вопрос, как экология разных видов в зависимости от микрорельефа и микроклимата. На Полярном Урале столь тонкие нюансы различались явственно.

Когда читаешь городковские описания, поражаешься зоркости взгляда естествоиспытателя: как, оказывается, многогранна живая жизнь везде, даже в таких, не особо гостеприимных, местах! Статьи Городкова тщательны, пестрят латинскими названиями растений. Но сквозь эту суховатость не может не пробиться живость тона, умение мастерски подметить все особенности растительности горного края. А точность ученого-ботаника — это одновременно и полет фантазии поэта, и живописность художника.

Городков научную деятельность начал до революции, знал, с какими трудностями приходилось сталкиваться исследователям в те времена, поэтому в своем отчете посчитал себя обязанным заметить:

«Описание растительности Полярного Урала могло быть составлено лишь благодаря геоботаническим иссле-

дованиям, проведенным после Октябрьской революции. Социалистическое строительство на Крайнем Севере дало возможность научным работникам собрать обильный материал о растительном покрове этой части страны. Но останавливаться на достигнутом нельзя».

О том, как проходили городковские экспедиции, написал книгу «Путешествие на Полярный Урал» В. Тоболяков. Под этим прозрачным псевдонимом скрывался младший брат Бориса Николаевича, Владимир — писатель, журналист, поэт, также уроженец Тобольска.

В Ленинграде, в старом доме на набережной реки Карповки, мне приходилось бывать в квартире, где после революции почти три с половиной десятилетия прожил Городков. Есть в этой заставленной книгами комнате большой, с билльярдным (кстати, сходство усиливает и его зеленое сукно), стол. Вот за ним, по рассказу вдовы Бориса Николаевича, Елены Александровны, садились по вечерам похожие друг на друга два брата и вели нескончаемые разговоры, на основе которых потом и родилась книжечка, выпущенная издательством «Работник просвещения».

Как истый журналист, Владимир Николаевич, конечно же, меньше обращал внимание на научные достижения, уделял основное бытовым подробностям. А в таком случае на первый план выходит не обязательно самый маститый из участников, а, скажем, неприметный для науки, но важный для экспедиции человек — завхоз. В академико-уралплановской экспедиции завхозом служил человек бывалый — М. И. Гридин. Он выезжал в горы загодя, чтобы подготовить все необходимое, установить чумы-магазины, законтрактовать оленей. И в Академию из далекого села Мужи летели телеграммы «академического» содержания:

«Сдохла третья лошадь. Крайне необходим фураж. Гридин».

Михаилу Ивановичу полагалось находить таких зна-

токов края, как неудачливый золотопромышленник Филипп Ануфриев, который оказался превосходным проводником.

Экспедиционные тяготы... Они известны всякому, кто хоть раз собирался пусть даже в студенческую экспедицию: где-то что-то не предусмотрено, где-то не прокручивается тяжелое бюрократическое колесо, препятствий всегда много, они вызывают сначала досаду, зато потом окрашивают экспедиционные будни каким-то небудничным цветом.

Злополучный фураж — тюкованное сено — лежит на Тобольской пристани: суровый пароходный агент машет противопожарным предписанием, которое сено на пароходах провозить не позволяет. Только вмешательство самого Городкова, которого все (чуть преждевременно) именуют почтительно «профессором», помогает: агент соглашается на то, что прессованное сено на пароходе «Гусихин» будет плыть под псевдонимом «хмель», относительно которого у пожарников запрета не существует.

В селе Мужи экспедиция разбилась на две партии — водную и конную. Разными путями они будут следовать к одной цели — водораздельному перевалу Кокпала, чтобы перебраться на западный склон. Водников преследуют «дядьки» — так по-родственному здесь именуют подводные валуны, которые норовят пропороть экспедиционные каюки. Уже на обратном пути один такой «дядька» на Сыни почти свел на нет всю экспедиционную работу. Лодка села на валун, ее начала заливать вода. Пострадали провиант, приборы, но больше всего расстраивался Сочава: его гербарии, собранные любовно и тщательно, оказались подмоченными до непригодности. Случались и другие неприятности, но в экспедициях всегда попадается сметливый народ: если утоплен планшет топографа, то его в крайнем случае можно заменить теодолитом астронома. Топографа расстраивает постоянная облачность, которая мешает производить измерения,

астроном измучился со своими точными, но слишком нежными и чуткими хронометрами. И всех сразу расстраивают постоянные дожди, мокрые тропы и отсутствие топлива.

Бывалый путешественник привычен к неизбежным потерям. «Несмотря на гибель некоторых коллекций,— писал от лица руководителя экспедиции В. Тоболяков,— мы все-таки вывезли ботанические, зоологические и геологические сборы. Мы изучали эту неведомую и неизвестную дотоле страну. Теперь мы знаем высоту ее гор и виды ее горных пород. Нам ведом ее растительный и животный мир, а также и быт туземцев, скромно населяющих Полярный Урал».

С зоологической сенсацией возвращался в Ленинград молодой ученый Константин Флеров — аспирант Зоологического института Академии наук. Он умудрился отловить в горах неприметную пичужку — пищуху. Она считалась обитательницей лишь Восточной Сибири, в Западной ее не встречали. И вот, когда начался «дядькин» потоп, молодой зоолог на руках через рвущийся поток вынес чучело редкой полярно-уральской птички: лишить зоомузей такой редкости совесть начинающего ученого не позволяла.

Позднее Константин Константинович Флеров станет известным профессором, долгое время будет возглавлять Палеонтологический музей. В 1926 же году он — еще неутомимый путешественник, в душе которого органично сочеталась страсть исследователя и охотника.

«Здесь настоящее царство медведей», — так писал он в своем «Очерке жизни бурого медведя на Северном Урале», который опубликовал солидный «Ежегодник Зоологического музея». Издание специальное, статья научная, но читается она как увлекательный рассказ. Флеров несколько не преувеличивает, называя восточные склоны Полярного Урала медвежьим царством. Бурых исследователи встречали по берегам рек Войкар, Сыня, но

по-настоящему «медвежьей» рекой была Манья. Был даже свой косолапый хозяин у тех мест, где приходилось работать ученым.

«Обитатель нашего района был громадный старый самец с черной с серебром шкурой, высокий на ногах и короткий,— живописно и зоологически точно описывал его Флеров.— Характера он был, по-видимому, миролюбивого. Я видел его в 35 шагах. Зверь держал себя спокойно, не рычал, неторопливо проходил, разрывая кочки передней лапой и засунув морду в мох, хватал мышей. Но к другим медведям он был настроен враждебно».

«Медвежье царство», по свидетельству наблюдательного зоолога, было поделено на самостоятельные воеводства, где полновластно царствовал один из Михайл Ивановичей. Каждый из косолапых «воевод» обносил свои владения «пограничными столбами». Флеров на березах частенько встречал метки от медвежьих когтей. Так косолапые отмечали границы своих кормежек. Иерархия в этом царстве блюлась строго. Забредая в чужие владения, сосед мог сразу оценить свои шансы: по метке он определял, если хозяин выше его, то наверняка и сильнее. Таковы были писаные медвежими когтями законы медвежьего угла. Но к человеку полярно-уральские мишки относились на редкость миролюбиво. На притоке Сыни — речке Большая Харута — зоолог в пятнадцати шагах увидел матерую медведицу. Обычного ружья, как на грех, не оказалось, лишь простенький оленеводческий нож в костяных ножнах. Медведица занималась ловлей мышей в кочках. Услышав шаги, «она приподняла морду и, исподлобья глядя на меня, тихо заворчала». Человек и медведица, которой не стоило большого труда одной лапой зашибить исследователя, пару минут глядели в глаза друг другу. Наверное, отдавая дань мужеству безоружного собеседника, медведица неторопливо поднялась и величественно удалилась в ближайший еловый лесок.

Городкову однажды на маршруте повезло особенно: за один день он встретился с четырьмя медведями — экспедиционный рекорд.

Только шесть десятилетий прошло с той поры. Конечно, и сейчас не вывелся добрый зверь русских сказок в приуральской тайге — но испытываешь чувство экологической ностальгии, когда читаешь эту незамысловатую, любовно написанную статью: редкому путешественнику пофартит удача встретиться с косолапым экс-хозяином этих мест. Как все же бережно нужно относиться ко всему живущему на свете!

Пятилетние итоги первой советской экспедиции на Полярный и Приполярный Урал оказались впечатляющими: большие белые пятна на карте закрыты геологами, зоологами, ботаниками, географами.

Время мужественных одиночек прошло, наступала пора планомерного исследования горной страны с целевой задачей — поставить на службу стране ее богатства.

Горы — праздник геолога

Наверное, не найдется салехардца или гостя города, который равнодушно, без душевного удивления может смотреть на открывающийся прекрасный вид Полярного Урала, на горы, которые так хороши, особенно в ясную погоду. Всякого поражает их суровое величие, строгая красота, гордая неприступность. Из города видны острые хребты массива Пай-Ер, внушительный лоб огромного плато Рай-Из, увалы Обдорских гор.

Но это взгляд простого любителя природы. А как посмотрит на величавые вершины специалист-геолог?

«В ясный день уже издали, из Обдорска видны некоторые черты геологии и орографии Рай-Иза,— читаем мы

в одной старой книжке.— Невольно обращает на себя внимание наблюдателя своеобразная желтоватая или буроватая окраска главной части массива, заметно отличающая его от примыкающих гор более темного цвета. Голые, даже не покрытые лишайниками скалы и осыпи глыб перidotита и придают массиву его окраску».

Эти слова принадлежат замечательному советскому ученому, академику Александру Николаевичу Заварицкому. Платообразные вершины Райзского массива он увидел еще в те времена, когда Салехард именовался Обдорском. Экспедиция Геологического комитета состоялась в 1925 году, а монография «Перидотитовый массив Рай-Из в Полярном Урале», которая знаменовала начало крупных региональных геологических исследований, вышла в 1932-м. В истории геологической науки Заварицкий известен как основатель нового направления — петрохимии и крупнейший специалист-петрограф. Его заслуги в изучении Урала отмечены хотя бы тем, что один из институтов Уральского научного центра носит его имя. Ко времени своего путешествия на Полярный Урал Александр Николаевич был заметной фигурой во Всесоюзном Геолкоме, который позднее возглавлял.

Экспедиционный, в шесть человек, отряд начал испытывать трудности в самом начале. Чтобы добраться до маленького зырянского поселочка Лабытнанги на другом берегу Оби, потребовалось несколько дней. Заварицкому и его спутникам не повезло — они пережидали штурм на Оби несколько дней, лишь издали наблюдая «предмет своих исследований»:

«В панораме гор, развертывающихся на запад от Оби, массив Рай-Иза выделяется среди всей цепи Уральских гор своим величественным видом».

Своебразный караван — лошади тянули оленьи наряды с поклажей геологов — добирался до гор два дня. Затруднения представляли переправы через реки: наряды с грузом приходилось ставить на пустую повозку, чтобы

не замочить поклажу. Большой Ханмей форсировали на лодке, которую раздобыл экспедиционный завхоз. Таким же образом пришлось переправляться и через порожистую Собь.

Только обломки нарт, которые попадались время от времени, свидетельствовали, что здесь проходит наезженная зимняя дорога — ворга, которой пользуются оленеводы. Исследователи старались держаться этих следов.

Заварицкий в своих трудах придерживался строгой манеры, не терпел лирики, оперировал геологическими терминами примерно так же, как математик, которому слова лишь затемняют ясный смысл формул. Однако картины, которые расстилались перед ним, не могли не растрогать даже этого сухаря, как выражался бы о своем оппоненте Алешков.

Экспедиция Заварицкого прошла долиной Соби до вершины Герд-Из, свернула на Конгорский перевал и ущельем вышла к Макар-Рузу (Белой горе), добралась до севера Райизского хребта — вершины Нырдомен-Из. Массив оказался столь впечатляюще красивым, что Заварицкий говорил о скульптуре Рай-Иза. Исследования захватили профессора целиком, он не обращал внимания на обычные тяготы поля.

«Монография Заварицкого в геологической литературе является первой работой, обстоятельно освещющей вопросы геологии перidotитовых массивов в этой мало исследованной части Полярного Урала». Эта оценка монографии принадлежит перу академика А. Г. Бетехтина.

В своей книге Заварицкий мимоходом упоминает, что в экспедиции принимал участие горный инженер А. Г. Бетехтин, который отделился от основного отряда и вел самостоятельные исследования на правом берегу Конгора. Не сразу в сознании происходит совмещение этих двух лиц — горного инженера и выдающегося советского ученого, академика, лауреата Ленинской и Госу-

дарственной премии. В 1925 году будущий академик Анатолий Георгиевич Бетехтин только что закончил Ленинградский горный институт и состоял рудничным геологом Нижнетагильского треста Уралплатина. Когда речь зашла о начальнике специальной партии по разведке платины, выбор Заварицкого и пал на молодого инженера, которого он знал по совместной работе.

Бетехтин высказывал недовольство этим полем: он писал, что его наблюдения носили «беглый характер», так как лето выдалось необыкновенно дождливым. Но и полученные данные свидетельствовали, что итог поиска платиновых руд в этом районе может быть только отрицательным. Вряд ли такой вывод рудничного геолога обрадовал трестовское начальство, но по крайней мере это позволяло не вкладывать деньги в бесперспективное дело.

Основательностью отличалась и монография ученика Заварицкого — Георгия Платоновича Падалки «Перидотитовый массив Пай-Ер на Полярном Урале», опубликованная в трудах Арктического института. Падалка с небольшой экспедицией (в нее входил лишь один специалист и два студента горного института) исследовал обширный район, примыкающий с юго-запада к Рай-Изу. Пай-Ер протянулся вздыбленной полосой почти на двести километров, на юге сливаясь с горами Войкар-Сынинского массива. Маршрут Падалки местами пересекался с пройденным ранее Алешковым, но Георгий Платонович трактовал собранный материал более классически. В развернувшейся позднее дискуссии на страницах геологических журналов Заварицкий поддержал своего ученика.

Работа Падалки в ученых трудах Арктического института опубликована не случайно. С середины тридцатых годов этот институт, входивший в систему Главсевморпути, стал ведущим в области геологии Арктики в целом и Полярного Урала в частности. В 1936 году этот институт снарядил Урало-Пайхайскую экспедицию. Се-

верным отрядом этой экспедиции и командовал мой знакомый Александр Васильевич Хабаков. К месту работы геологи добирались морем, навигация открывалась поздно, поэтому полевой сезон получался вынужденно короток, до первого снега.

Однако и за это недлинное время ленинградцы успевали сделать немало. За 43 дня полевого сезона отряд Хабакова исследовал территорию в 2400 кв. км.

— Трудными ли были наши полярно-уральские маршруты? — переспрашивает меня Александр Васильевич. Наверное, такие вопросы кажутся ему бестолковыми, но он вежливо отвечает: — Да как сказать? Вот на Памире мы попали в окружение басмачей и вынуждены были держать круговую оборону. А на Полярном Урале мы, хотя и носили канадские винчестеры, но в общем-то без нужды. Шли они в дело лишь тогда, когда на наших оленей нападали волки.

Впрочем, годы наверняка сглаживают острые воспоминания. В давнем экспедиционном отчете Хабаков подробнее описывал трудности той поры.

«Достоверных карт этого района не существовало,— жаловался он.— Соответствующий лист общей десятиверстной топографической карты представлял собой в данном месте почти пустое белое пятно. Необходимость одновременно составлять топографическую основу для того, чтобы иметь возможность произвести геологические наблюдения, являлась трудностью организации исследования северо-восточного Пай-Хоя».

В следующие годы Хабаков возглавил все экспедиционные работы. Они стыковались с исследованиями Заварицкого.

За три сезона (в общей сложности не получилось и пяти месяцев) на карту была положена огромная территория. Для сравнения Хабаков приводил пример изучения похожих на Полярный Урал Карнийских Альп, исследование которых велось полвека.

Но у советских геологов такого времени в запасе не было.

В день своего визита к старому геологу я прихватил с собой «Репортер», и у меня сохранилась магнитная пленка записи нашего разговора. Прослушивая ее сейчас, думаю, что Александр Васильевич в тот день был не в настроении, ответы его лаконичны и, пожалуй, сердиты.

— Александр Васильевич, что потянуло вас тогда в далекий и суровый край?

— Видите ли, молодой человек, я ведь был геолог на службе, поэтому сказать, что меня тянуло, не могу. Меня туда отправили.

— Но вы не жалели, что попали на горный край света?

— Чего уж! С чего мне жалеть? Надо было работать, и, кроме того, я всегда интересовался тем, чем занимался даже не по своей воле.

— Цель экспедиции формулировалась интересно?

— Интерес простой: такой-то лист, такой-то планшет. Потом разберутся — что к чему, что важно, что второстепенно.

— Условия, приборы, вероятно, очень отличались от нынешних?

— Вероятно. Вы сами-то как думаете?

— Научные итоги экспедиции были серьезными?

— Опять неловко. Я про себя так не привык говорить.

— Но вклад-то в науку солидный?

Здесь на пленке слышится откровенный смешок моего собеседника:

— Я думаю — это не та тема, которую мы сейчас могли бы плодотворно обсуждать.

Что ни говори — едкий старик!

С экспедицией Хабакова связано одно примечательное обстоятельство — впервые на Полярный Урал пришли женщины-геологи. В составе экспедиции Всесоюз-

ного Арктического института работали Нина Петровна Вербицкая и Елена Афанасьевна Худобина. Они жили в Ленинграде и оказались более словоохотливы, чем их бывший начальник.

Первое, что они вспомнили — геологам, оказывается, выдавали армейскую одежду, женских размеров, естественно, не было, ее приходилось перешивать. Гораздо хуже получалось с обувью — резиновые сапоги выделяли греческого калибра, приходилось укутывать ноги в несколько портянок, но сапоги постоянно норовили остьаться в болотной трясине. Для маршрутов женщинам выделяли либо вьючную лошадь, либо оленю упряжку. И то, и другое доставляло дополнительные трудности: каюры из женщин получались неумелые, олени путались, обрывали постромки и убегали в тундру. Из лошадок своим норовом отличалась молодая кобылица — при переходе речки она выбирала самое глубокое место и вместе с вьюком отдыхала в омуте. Никакими моральными стимулами выманить ее было невозможно, и кто-то неизбежно лез в ледяную воду.

Самым колоритным проводником оказался старик Тимофей по прозвищу Тимка-халмер. Почему к нему присипло это мрачное прозвище («халмер» по-ненецки означает «кладбище»), геологи выяснить не смогли, старик любил попридумывать и почудить, особенно же нравилось ему гостевать в чумах знакомых ненцев, рассказывая разные небылицы, перемежая их свежими тундро-выми новостями.

Однажды Вербицкая вместе с ним проводила маршрут по горе Минисей. Вершина этой жертвенной горы местных ненцев была буквально укрыта лоскутами цветной материи, жестянками, старинными монетами, склянками, костями жертвенных оленей. Среди этого разнообразия сидели три старых ненца. Завидев приближающуюся женщину и проводника на коне, они вдруг моментально вскочили на свои упряжки и умчались в тундру.

— С чего это они? — недоуменно поинтересовалась Нина Петровна, хорошо знакомая с доброжелательным гостеприимством здешних обитателей.

Тимка-халмер тоже пожал плечами. Но Вербицкая внимательно поглядела на старика и, кажется, поняла, в чем дело. Величественный старик с седой бородой верхом на статной экспедиционной лошади, вероятно, показался тундровикам самим богом Саваофом, спустившимся на греческую землю прямо к священной горе ненцев. Позднее догадка эта подтвердилась — среди местных оленеводов гуляла легенда о том, что недавно священный Минисей посетил сам господь. Больше всего способствовал распространению новой легенды сам новоявленный Саваоф — лукавый Тимка-«кладбище».

Позднее я получил письмо от Нины Петровны, она вспоминала свои экспедиции на остров Колгуев, исследования на архипелаге Новая Земля. Приведу выдержку из ее письма, касающегося сезона 1938 года, последнего в хабаковской экспедиции.

«На моторном катере по реке Щучьей мы добрались до поселка Щучье,— пишет Вербицкая.— Дальше до хребта шли пешком. Однажды я была одна в маршруте и шла по небольшой речке, которая текла параллельно другой, где стоял наш лагерь. До конца дня я не успевала дойти до слияния этих рек и подняться до лагеря, поэтому решила сократить путь и пересечь разделяющий эти речки хребет. Хребет снизу мне показался невысоким, но при подъеме выяснилось, что он имеет несколько террасовых уступов. Когда я поднялась на вершину, наступила уже ночь. Вершина и склоны хребта покрыты россыпями крупных каменных глыб. К счастью, лошадь оказалась умной и очень чуткой, она терпеливо следовала за мной, осторожно ступая на каменистые глыбы. Как мы смогли ночью в темноте пересечь этот хребет, трудно представить, но, к счастью, мы в середине ночи пришли в лагерь. Мы в те годы определили

высоты некоторых вершин. Делали это примитивным способом при помощи гипсотермометра: брали с собой спиртовую горелку и кипятили воду, в зависимости от температуры кипения воды определяли высоту горы. На ледничках устраивали и примитивные завтраки — из банки сгущенного молока делали мороженое...

...Работать было трудно, но этих трудностей мы особенно не испытывали, так как были молоды, здоровы и энергичны», — заключала свое письмо Нина Петровна.

Первая полярно-уральская геология стала одним из ведущих специалистов изучения алмазоносных территорий страны. На ее шестидесятилетии прозвучали такие слова:

— Несмотря на знакомство со многими интересными районами нашей Родины, вы не смогли устоять против чар седого Урала и на протяжении всей своей творческой жизни остались верны желанию познать его не только с поверхности, но и раскрыть тайну первоисточников алмазов.

Она защитила кандидатскую диссертацию, издала монографию «Геоморфология Южного Урала и Мугоджар», которая, по свидетельству ее коллег, стала «настольной книгой многих геологов». Она писала научно-популярные брошюры и, выйдя на пенсию, продолжала заниматься работой. Мы договорились встретиться еще, но в 1981 году из Ленинграда пришла печальная весть о кончине Нины Петровны.

Результаты работы экспедиции Хабакова привлекли внимание геологической общественности. Конечно, не все выводы были единодушны. Хабаков, например, выдвинул теорию так называемого «карского надвига». Он считал, что Пай-Хой — увалистые холмы на побережье Баренцева моря — по возрасту, складчатости, структуре и другим геологическим признакам резко отличается от строения примыкающей к нему части Полярного

Урала. Получалось, что это две самостоятельных, геологически не согласованных системы. И, таким образом, Пай-Хой — самостоятельная горная страна.

Точку зрения Хабакова поддержал и авторитет в области сравнительной тектоники, академик Николай Сергеевич Шатский. Участие ученого с мировым именем в споре о взаимоотношениях Полярного Урала и Пай-Хоя следует считать плодотворным. Дискуссия заставила организаторов геологоразведочного поиска страны наметить более детальные исследования, чтобы решить важный научный вопрос. В район Константина Камня в 1948 году была отправлена снаряженная в Институте геологии Арктики (НИИГА) экспедиция, чтобы решить этот, как писал Шатский, «один из интереснейших и трудных вопросов региональной геологии Урала». Результаты работ экспедиции НИИГА существенным образом изменили прежние представления. Экспедиция работала в течение трех сезонов, исследуя бассейн рек Нырмы, Лядгея и Большой Хууты. В распоряжении геологов имелось девять лошадей и восемнадцать оленевых упряжек. Чтобы перебросить эту небольшую партию, знаменитому «кукурузнику» — самолету-малютке По-2 — пришлось совершать рейсы из Воркуты к озеру Большой Осовей-То в течение пяти суток — стоял полярный день. Начальник экспедиции Борис Яковлевич Осадчев особо отмечал, что к тому времени была создана надежная топографическая основа для геологического картирования. «Мы располагали, — писал он в отчете, — картами, полученными стереофотограмметрическим методом, фотопланом района».

В 1952 году вышла монография «Геологическое строение бассейна рек Нырмы, Лядгея и Большой Хууты», которую Осадчев написал вместе с геологом А. М. Ивановой. Главный вывод формулировался так:

«Рассмотрение истории геологического развития Урало-Пайхайской области приводит к выводу о том,

что Пай-Хой является исторически обусловленным продолжением западной и центральной зоны Уральской геосинклинали».

Строго научный вывод о единстве двух горных систем позволяет сегодняшним разведчикам недр более верно строить свою тактику и стратегию исследования подземных богатств.

Меня в геологических отчетах более всего привлекают те места, где сквозь научную терминологию промелькнет скучое лирическое отступление. Скромная эта лирика ярко и явственно показывает отношение геологов к изучаемой земле.

Они могли ошибаться, выдвигать неверные теории, но просто не могли не любить эти края. Да и горы — ведь это праздник геолога.

Мужество одиночки

Она прошла пешком весь Урал, от Мугоджар до Карского побережья. Хотя она занималась исследованиями и в других районах, главной любовью оставался Полярный Урал. Ей уже шел семьдесят седьмой год, когда она предприняла сюда свою последнюю экспедицию.

Я обмолвился, что с приходом Советской власти время одиночек-исследователей прошло. Это верно, но как всякое правило, этот постулат имеет исключения. Капитолина Николаевна Игошина как раз и была таким исключением.

«Вот потухли и помрачнели горные вершины. Но еще долго длились печальные сумерки. Похолодало. Поначалу начал подниматься легкий туман. Я прибавила шагу. Оказалось ночью в тумане на вершине гор, далеко от чума мне не улыбалось. Туман все сгущался, и, что-

бы не сбиться с пути, пришлось прибегать к буссоли через каждые 100—200 шагов. Это замедляло движение... Я начала зябнуть, движение уже не согревало. Спуск в горах медлительнее и труднее, чем подъем, и он не греет. Путь стал труднее. Склон был сложен из крупных глыб, и приходилось лезть с камня на камень, как по ступеням. Камни иногда качались, лишайники, покрывающие их, отсырели и стали скользкими, одно неосторожное движение — сломанная нога и мучительная смерть. Кто тут тебя догадается найти, тем более, что ушла я на несколько дней, хватятся искать, когда уже будет поздно... Безмолвие ночи удручало меня. Ноги ныли, клонило ко сну. Было ясно, что чум скасал. Куда — неизвестно. И предпринимать поиски было совершенно бессмысленно. Придется посидеть тут до рассвета, потом спуститься к речкам и там в кустарниках отдохнуть. Бессонная ночь, усталость (это значит потерянный завтра рабочий день), не успею вернуться домой, и опять ночевать где-то под кустом или под камнем».

Это лишь один эпизод из жизни исследовательницы, которая сама решила рассказать о нем. А сколько было других, о которых, кроме нее, никто не знал! Когда вокруг тебя горы, готовые в любую минуту преподнести неприятный сюрприз, горы, которые заставляют считаться с собой, а вокруг на многие километры нет людского жилья, какое сердце не дрогнет. Здесь по неволе задашься риторическим вопросом: что же такое мужество? Наверняка нет абсолютно бесстрашных людей, каждый здравомыслящий человек опасается за жизнь. Вероятно, мужество — это преодоление страха. Сколько ей, одиночке, пришлось преодолеть, чтобы заниматься своим любимым и, казалось бы, совсем не опасным занятием — изучением полярной флоры.

Волчьего населения тогда на Полярном Урале было, пожалуй, больше, чем людей.

Вот поразительный эпизод из игошинского очер-

ка, названного — в лучших традициях всех путешествующих — совершенно непримечательно «От Сядулуй-Югана до Щучьей».

«Волк сидел на задних лапах метрах в полутора-стах от меня и наблюдал в упор, очевидно, соображая, «съедобно это или нет». Мне надо было просидеть на вершине часа два, и такое оригинальное соседство меня совсем не устраивало. По школьным хрестоматиям я не верила в волчье добродушие. Методы, которые я применила для избавления от непрошенного гостя, были довольно-таки дамские. Вскочив, я принялась кричать, махать руками, бросать камни. Волк ничего, сидит. Я продолжала свои военные действия. Волк встал, отбежал немного. Опять сел. Я подошла примерно на ту же дистанцию и снова запушила, задвигалась. Волку, верно, надоел мой визг, он встал и неторопливо заковылял вдоль хребта».

Ироничность, тонкий юмор, которые отчетливо чувствуются в этом отрывке, показывают, что и в безлюдной пустыне она всегда старалась вести себя достойно, как бы смотря на себя со стороны, так, чтобы не краснеть за себя. Но каковы «дамские методы» — с камнем, безоружная, на волка! Волки не читали школьных хрестоматий и могли повести себя отнюдь не хрестоматийно.

А вот поразительная фраза, заключающая этот отрывок:

«Я сразу успокоилась и прочно засела на камень, пока не окончила работы».

Может, это следует назвать фанатизмом? В этом слове есть какой-то негативный оттенок, но Игошина действительно была фанатиком своей науки.

Основательность ей передалась от отца — вятского крестьянина. Сам он не смог познать большую грамоту, но постарался, чтобы любознательная дочь выучилась: Капитолина провела несколько семестров на естественнонаучных курсах в Петербурге, а заканчивав-

ла свое образование на естественном отделении университета в Перми. Ее научная профессия — ботаник, но не следует удивляться, когда ее имя встречается, например, в работах геологов, которые ссылаются на нее: туда, где ей приходилось бывать, не всегда заглядывали геологи, а она, не ограничиваясь чисто флористическими наблюдениями, профессионально описывала встреченные породы. Отличное владение геологическим материалом позволило ей подметить одну характерную особенность растительности Полярного Урала: флора на разных горных массивах резко отличалась по своему видовому составу. Игошина провела анализы и вывела интересную закономерность: на одной высоте, в одних почвенно-климатических условиях, в одном географическом поясе на различных по химическому составу породах росли резко отличные растения.

Она всегда увязывала научные интересы с практическими задачами дня. Когда потребовался квалифицированный специалист, распрошлась с Ленинградом и уехала в Салехард налаживать работу Обдорской оленеводческой станции. Чтобы изучить режим кормления оленей на зимних пастбищах, Капитолина Николаевна всю зиму провела в горах, перебираясь от чума к чуму, а часто оставаясь одна в своей палатке. Ей приходилось ездить на оленьей упряжке, переходить вброд бурные реки, пробираться в пургу на эталонную делянку. Когда она закончила тот зимний свой сезон, то, посмотрев в зеркало после долгого перерыва, не узнала себя. «Мое лицо было опалено горным солнцем и обветрено морозным ветром гор. Щеки огрубели, горели, губы вспухли, трескались. Глаза болели от непереносимого бриллиантового блеска».

В тундре русскую Капу знали все — если не видели сами, то слышали от знакомых. Но ночлег, горячий чай и упряжка, по здешним законам, полагались всяко-му, кто заглянул в твой чум, знаком ты с ним или нет.

Как-то Игошина путешествовала по Кавказу с его прославленным гостеприимством. «В Тифлисе мне пришлось ночевать на улице, потому что ни в гостиницах, ни в Доме туриста «мест не было». Дремля на скамейке городского бульвара в ожидании свистка милиционера, я с грустью вспоминала гостеприимный чум, и холодный угрюмый север мне казался милее, теплее горячего солнечного юга».

В 1935 году в сборнике «Советское оленеводство» была опубликована большая работа «Олени пастища и растительный покров Полярного Приуралья», среди авторов которой была и Капитолина Николаевна. На ее долю пришлось описание приморских тундр — от горы Хоромаги до Карского побережья, между устьями Кары и Байдараты.

С высоты нашего времени в этой монографии мы ничего особенного не увидим. Но, наверное, необходимо вспомнить, что до революции оленеводство велось стихийно, и тундровый оленевод даже не предполагал, что существует на свете ветеринар, что оленя можно лечить, что специалист подскажет лучший маршрут касланий. Поэтому-то здесь случались частые эпидемии, «моры», которые не только уничтожали многотысячные стада, но и обрекали на нищенское существование, на голодную смерть владельцев оленей.

Впервые в истории Российского Севера поиск оленьих пастищ вели ученые. Монография Игошиной и ее соавторов — В. Н. Андреева и А. И. Лескова — была первым капитальным трудом в советской науке об оленеводстве. Без защиты диссертации Капитолине Николаевне в 1936 году присвоили ученую степень кандидата биологических наук. Впрочем, она за титулами не гналась и умудрилась докторскую диссертацию не написать. В конце тридцатых годов академик В. Л. Комаров пригласил Капитолину Николаевну на работу в Ботанический институт Академии наук СССР, где она плодо-

творно трудилась четверть века. Но на Аптекарском острове, в «особняке директора», как по стариинке сотрудники института называли помещение, в котором располагался отдел геоботаники, старший научный сотрудник Игошина появлялась не часто — большую часть времени она проводила на Урале.

Сейчас отдел геоботаники расположен в другом здании, в нем трудятся те ученые, которые называют себя учениками Игошиной, хотя в прямом смысле учеников у нее не было. Заведует отделом кандидат биологических наук Н. В. Алексеева-Попова.

— Работы Капитолины Николаевны,— говорит она,— по своей капитальности, высокому научному уровню, по охвату и широте подходов имеют непреходящее значение и будут еще долгое время служить науке. Наша лаборатория развивает начатые ею исследования.

В 1963 году в жизни Капитолины Николаевны произошла большая трагедия: в то время ей перевалило за семьдесят, и она, что называется, «попала под сокращение штатов». Она не имела своей семьи, жила только наукой, не добиваясь престижных должностей и титулов. И вдруг — отставка... От дела всей жизни. Она пережила инфаркт. Но вот характер этой женщины: после болезни регулярно организовывала экспедиции — все туда же, на Северный и Полярный Урал. Институт не всегда мог выделить средства своему «нештатному» сотруднику — ехала на собственные деньги, благо была неприхотлива, умела пользоваться лишь необходимым. Последняя ее экспедиция помечена годом 1972-м, за три года до смерти.

Чтобы родственники ее не отговаривали, она до последнего момента скрывала намерения, ставила их перед фактом, когда уже взяты билеты, уложена полагающаяся кладь. Переубеждать ее было бесполезно. В одну из последних экспедиций она взяла племянницу Татьяну — тогда студентку-биолога.

— Тетушка моя была исследовательницей старой закваски,— вспоминает Татьяна Ивановна.— Отличали ее целеустремленность, подчиненность одной цели, хотя характер ее легким не назовешь. Она отличалась абсолютной неприхотливостью, абсолютной нетребовательностью к удобствам, и наши слабости, стремление к подобию комфорта ее угнетали. Она-то сама была невысокая, хрупкая, но характера совершенно не женского. Я помню, как мы поднимались на Рай-Из. Шли по довольно пологому склону, но мне, молодой, приходилось тяжело, а каково ей? Она стеснялась отдыха и на остановках обязательно высматривала лужки, полянки, собирала растения. Когда мы дошли до домика метеостанции, она пила таблетки украдкой, чтобы не заметили метеорологи, хотя те знали, что она перенесла инфаркт. Ну, и что меня особо поразило — в этом малолюдном крае она постоянно встречала знакомых среди геологов, железнодорожников. С оленеводами она разговаривала на их родных языках — ненецком, хантыйском, коми.

Читающие этот очерк наверняка обратили внимание на большие цитаты. Они взяты из неопубликованных очерков Капитолины Николаевны, которые хранит ее племянница. Читатель смог сам убедиться в писательском даровании нашей героини. Ее очеркам, возможно, мешают излишне ученые подробности, но написаны они непосредственно и живо. Хочу привести еще одну обширную цитату из очерка «От Сядулуй-Югана до Щучьей», где автор рассказывает о том, как она хотела перебраться через водораздельный хребет и пройти к озеру Большое Щучье:

«Солнце скрылось за гору. Потухли вершины восточных гор, освещаемые его невидимыми лучами. Вся местность приобрела оттенок какой-то мертвенностии. Глубоко внизу, над озером стлалась легкая белесоватая дымка. Меня вдруг охватило сознание высоты, бездны, находившейся подо мною, неустойчивости зыбкого субстрата

живых осьпей. Это было головокружение от усталости. Я уже была недалеко от вершины водораздела. Наверное, там можно будет встать на ноги, а не ползти на четвереньках, как по этим осьпям. Взглянув вверх, я испугалась. Впереди повсюду торчали ребром острые грозные скалистые пики, голые камни, гигантские глыбы, нигде мелкозема, нигде ни следов горных уступов, террас, водоизделяльных плато. Совсем не похоже на Урал! Нет, здесь мне не перевалить!..»

А ведь ее никто не заставлял. Она сама намечала себе маршруты. Личность таких людей, как Игошина, конечно же, не может не привлекать — это цельные натуры, посвятившие себя служению одной идее и самоотверженно служившие ей.

Она стала легендой Полярного Урала. От молодого геолога мне приходилось слышать (он пересказывал эту историю со слов старшего коллеги) о какой-то необыкновенно смелой и могучей старушке-ботаничке, которая ходила пешком по горной тундре, поднималась на любой высоты вершины, ночевала там, где застанет ее ночь, отбивалась от волков и медведей, спала на снегу, не просыпалась от холодных здешних дождей и могла появиться в лагере геологов тихо и незаметно, «прямо как снежный человек».

Удивление и восхищение чувствовалось в этом рассказе.

Урал за Полярным кругом не кончается

Табличка на двери гласит: «Лаборатория стратиграфии фанерозоя». Все мы сегодня живем в эпоху фанерозоя — крупнейшего этапа геологической истории, который захватывает и наш человеческий, антропоген.

Если захочеть представить типичного академика, то хозяин кабинета явно подойдет для образца. Владимир Васильевич Меннер благообразно сед, у него старомодная бородка клинышком, во всей крупной фигуре ощущается важность и простота одновременно, в манерах — непрерывная геологическая демократичность, он весь — доброжелательство, хотя не просто загружен, а перегружен до предела, и времени у него нет ни одной минуты. Но ведь разговор идет о Полярно-уральской академической экспедиции, а это его молодость, и кто же не выкроит хотя бы несколько минут, чтобы вспомнить свои былые годы. Почти четыре десятилетия прошло с тех пор, когда он трудился главным геологом (годы эти пришлись на последние военные) экспедиции. Сегодня академик Меннер — один из авторитетнейших советских геологов, палеонтолог и стратиграф с мировым именем. В Институте геологии АН СССР он заведует лабораторией стратиграфии фанерозоя.

Прихотливы свойства человеческой памяти. Академику (ему уже под восемьдесят) припоминались не эпизоды приключений, а будничные сцены экспедиционно-полевой жизни. Кухарили у них две женщины — ненка и зырянка. По их понятиям, главное достоинство любого супа — обилие в нем костей, и миска Владимира Васильевича полнилась ребрышками от оленьей грудинки. Он не был большим их любителем и попросил поварих:

— Пожалуйста, мне не нужно.

На следующий обед в тарелке действительно сиротливо болталась одна косточка, но потом все пошло по-прежнему. Как-то, задержавшись у входа в кухонную палатку, геолог услышал разговор двух стряпух. Одна объясняла другой:

— Он их любит. Кто ребрышки-то не любит? Только он очень деликатный, стесняется.

После этого уже ничто не могло помешать появлению аппетитных ребрышек в его миске.

— Вы имели когда-нибудь дело с лошадьми? — спрашивает меня академик.

— Немножко.

— Ну, тогда вы не знаете, что у этого безропотного животного есть одна странность. Если лошадь провалилась в болото, то она сразу перестает бороться за жизнь и настраивается на смерть. Это видно по ее глазам, печальным и жертвенным, она смотрит на вас и словно прощается. Но в наши-то расчеты не входит потеря одной транспортной единицы, потому что ее выюк — это не меньше центнера груза. Шли-то мы исключительно по болотистым местам. И уж хитрили по-всякому, но ни одной животины не принесли в жертву этим хлябям.

— Экспедицию называют сиринской? — вклиниваюсь я в воспоминания.

— Совершенно закономерно,— с готовностью откликается Владимир Васильевич.— Редкий, прирожденный организатор. Все у него получалось легко и естественно. Боюсь, что никто другой не смог бы так поставить исследования. Помню, однажды в Саранпауле он мгновенно мобилизовал все экспедиционные силы, когда местному рыбоучастку пришлось спасать свой флот от стремительно надвигающейся шуги. Характером Сирин на редкость был жизнерадостный, веселый, не надуманно, а естественно веселый человек.

Меннер два сезона работал в бассейне золотоносного Кожима. Для него Полярно-уральская экспедиция была, по его словам, «счастливым сочетанием собственных научных устремлений и служебной необходимости».

— А как, Владимир Васильевич, вы оцениваете результаты работ экспедиции, которую Николай Андреевич возглавлял семь лет?

Меннер задумался, формулируя.

— Думаю, коротко можно ответить так: экспедиция провела геологическую подготовку, после которой можно смело вести детальный, уже пристрельный поиск для

промышленного освоения района. Устраивает вас такой ответ? — поинтересовался Меннер.

— Пожалуй, больше он устраивает производственников, для которых геологи-ученые создали основу промышленной разведки полезных ископаемых.

Николай Андреевич Сирин... Я рассматриваю старые фотографии, принесенные его дочерью Татьяной,— она работает в ВИМСе (Всесоюзном научно-исследовательском институте минерального сырья), в котором ее отец директорствовал перед войной. Руководитель экспедиции в кругу сотрудников, в полевых маршрутах. Он невысок, круглолиц, узкий разрез глаз выдает примесь азиатской крови — по материнской линии он имел родственников-бурятов. Отмечаю деталь — он любил шляпы какого-то немыслимого покроя, такие, кажется, носят монгольские араты. Везде Николай Андреевич улыбчив, жизнерадостен, насыщен жизнью.

Кто-то из его сотрудников мне сказал:

— Он был жизнелюбив по-азиатски.

С таким искрометным человеком, наверняка, не скучно было работать.

В науке (тем более в геологии) не обязательно самому делать большое открытие (хотя, конечно, желательно), важно организовать системную, перспективную работу. Сирин написал несколько монографий, одна из них посвящена магматизму Полярного Урала, защитил докторскую диссертацию, был первым директором тогда только что организованного Коми филиала Академии наук СССР. Но если подводить итог, главной заслугой его жизни следует считать организацию последовательного изучения недр Полярного Урала. Он шел к этому долго. То, что рано или поздно он придет сюда, было ясно, когда он еще учился в Свердловском горном институте — ведь его пестовал знаменитый Евграф Молдаванцев, ревностный исследователь Северного Урала.

Сирин впервые появился здесь в составе экспедиции

С. Ф. Машковцева в 1929 году — в бассейне Северной Сосьвы ученые выясняли нефтеперспективность территории. Как видим, еще за три года до знаменитого высказывания академика И. М. Губкина о высоких нефтяных шансах этих земель уральские ученые уже вели поиск «черного золота». Положительного результата они, правда, не получили.

В середине тридцатых годов зарождается идея о постоянно действующей комплексной экспедиции, которая могла бы детально изучить геологию этого во многом не познанного района. Хотя надежных данных о богатствах здешних недр к тому времени существовало мало, Сирин не сомневался, что северные отроги Каменного Пояса нисколько не беднее тех, что находятся в более умеренных широтах.

Его переводят в Москву, он возглавляет Всесоюзный институт минерального сырья, но директорствует недолго — администратор он очень умелый, цепкий, но все же не кабинетного, а полевого плана. Однако столичные годы были необходимы ему, чтобы избавиться от некоторого провинциализма мышления, найти в среде московских ученых единомышленников. По своему составу Полярно-уральская экспедиция подобралась на редкость солидной. Кроме Меннера, тогда еще не академика, Николай Андреевич привлек к своей полярной затее выдающихся ученых, таких, как Николай Павлович Херасков — в будущем лауреат Государственной премии, профессор Иван Александрович Преображенский, доктора наук Алексей Петрович Лебедев, Мария Евгеньевна Раaben. У Сирина был, что называется, «нюх» на хороших исследователей. Ученик академика Н. С. Шатского, один из авторов капитнейшей монографии «Тектоника Евразии», Николай Павлович Херасков возглавлял некоторое время геологическую службу экспедиции. На основе этих исследований им созданы капитальные труды. Тектоническая картина Полярного Урала стала приобретать зrimые очертания.

Херасков, этот заядлый курильщик, как вспоминают участники экспедиции, со своей неизменной трубкой не расставался ни при каких обстоятельствах. Коллеги старательно отговаривали его, но это вызывало лишь неизменную саркастическую улыбку на его худощавом лице. Но эта страсть оказалась роковой — умер Николай Павлович от рака, сравнительно молодым, не закончив многих своих работ, не узнав, как высоко — Государственной премией СССР — оценена его карта тектоники Евразии.

Колоритной личностью был и профессор Иван Александрович Преображенский, большой авторитет в области минералогии. Сын священника, он закончил духовную семинарию. Но на выпускном экзамене своим учителям в рясах он заявил, что, параллельно изучая естественные науки, он пришел к выводу, что природа не оставила места для бога. Священный совет, конечно, с этим выводом не согласился. Преображенский выдержал экзамен в Юрьевский университет, а позднее в Ленинграде слушал лекции знаменитого Ф. Ю. Левинсона-Лессинга. Геологический комитет, в который он поступил на работу, не всегда мог выделить нужную сумму, Иван Александрович подрабатывал, читал лекции, не гнушался и черной работы, но собирая деньги, чтобы провести очередную экспедицию где-нибудь на Дальнем Востоке. Когда Иван Александрович уже лежал, прикованный тяжелой болезнью к постели, его учеников разыскали дальневосточные геологи.

— Но Иван Александрович на Востоке не работал, — попытались возразить настырным дальневосточникам спокойные москвичи.

— Работал.

Оказалось, что Преображенский еще в первые послереволюционные годы, работая в Приамурье, сделал прогноз крупного месторождения. Прогноз подтвердился почти через четыре десятка лет. Дальневосточники иска-

ли Преображенского, чтобы разделить с ним премию, которую они получили как первооткрыватели.

Во время Полярно-уральской экспедиции Преображенскому уже было за семьдесят, но он прекрасно ездил верхом, ходил в длинные пешие маршруты, таскал тяжеленные рюкзаки с образцами и, если кто-то из молодежи пытался проявить заботу, предлагая лошадь, профессор категорически не разрешал выделять себя из остальных.

— Работать с ним было и необыкновенно интересно, и необыкновенно трудно,— вспоминает бывший его коллектор, кандидат геолого-минералогических наук Наталья Григорьевна Удовкина.— В свое время он коллектировал у знаменитого Вебера, который отличался особой строгостью в работе с геологическими образцами. Пройдя его школу, Преображенский к самому захудалому образцу относился, как к драгоценному камню, если точнее — как к ценной вещи, которая — лишь она! — может дать уникальную информацию.

В один из туманных дней, которые начинаются в этих краях уже с конца июля, старый профессор и его коллектор вышли в очередной маршрут в район Слюдянской горки. Сырость накрыла горы, ноги на камнях скользили, все в этой мороси казалось одинаковым. Словно почувствовав настроение Наташи, профессор обронил:

— Чем интересна геология, так тем, что в ней ничего одинакового не бывает.

Они вскарабкались по мокрым камням на вершинку. Образцы не отбивались, порода оказалась на редкость плотной. Крепкая ручка геологического молотка разлетелась, пришлось брать кувалду — старый профессор и молодая женщина по очереди колотили по скале. Кусок необычного, черно-зеленого цвета камня откололся, большой и тяжелый. Профессор определил его как рабластид, и лишь позднее, после тщательного изучения породообразующих минералов, выяснилось, что это полноценный эклогит. Так родилась научная сенсация: считалось, что

этих пород, к которым стекаются многие проблемы глубинного строения Земли, на Полярном Урале быть не может.

Преображенский, узнав об открытии эклогитов, сказал ученице:

— Вот это то, что обеспечит вам занятия на долгие годы вперед.

Позднее, когда в своих маршрутах он находил эклогиты, то неизменно отдавал их Наталье Григорьевне:

— Это по вашей части.

Ему и в голову не могла прийти мысль о соавторстве.

Наталья Григорьевна ныне — один из ведущих отечественных специалистов в области изучения эклогитов. А по поводу того, что касается Слюдяной горки на Немур-Яхе, с ее уникальными зелено-черными эклогитами, Удовкина высказывает очень интересную мысль: создать геологический заповедник, чтобы сберечь природный уникум Полярного Урала, загадки которого далеко не разгаданы, да и известны далеко не все.

Многочисленная женская «партия» сибирской экспедиции была не просто шумной, но и авторитетной. Работы Галины Владимировны Шмаковой (жены Сирина), Татьяны Константиновны Кожиной, Марии Евгеньевны Раабен, Веры Федоровны Морковкиной и сейчас не потеряли своего научного значения. Шмакова и Кожина вместе с Сириным, Меннером и Волковым удостоены в 1950 году Кировской премии, которую президиум Академии наук СССР присуждал за выдающиеся работы в области геологии.

Вера Федоровна Морковкина тогда только начинала, это сейчас она доктор геологии и один из ведущих сотрудников ИГЕМа. Она по-прежнему бодра, деятельна и энергична, как и положено исследователю-полевику с большим стажем. На Полярном Уралешло ее становление исследователя-геолога.

— Удивительный край! — по-женски эмоционально

начинает она свой рассказ.— Как не поблагодаришь судьбу, что в самом начале жизненного пути она выделила тебе такой подарок! Полярный Урал — это изумительная природная лаборатория. На здешних породах не проявились процессы выветривания, они как бы слаженно-отполированы. Это суровый климат законсервировал породы. А какие здесь замечательные обнажения! Когда берешь образцы, расколешь — они чудо какие свеженькие.

— На реках Пай-Ера, Лагорта-Ю, на берегах озера Яныс-Лор,— продолжала свой рассказ Вера Федоровна,— я изучала гипербазиты и связанные с ними полезные ископаемые. Позднее мне пришлось вести исследования на Малом Кавказе, в Средней Азии, на Тянь-Шане, но нигде так наглядно нельзя наблюдать, как протовещество проходит эволюционный процесс качественных изменений. Ультраосновные породы, субпланетарное вещество переходит в разные, качественно совершенно другие породы. Самые замечательные обнажения я разыскала на берегах Кокпелы и озера Яныс-Лор, там интересно обнажаются граниты. Молодые, возраста так примерно в двести миллионов лет, скрывают старые, которые вдвое старше их, но остались только в виде сегментов.

— Господи! — вдруг всплескивает руками эта явно не суеверная женщина.— Как будто все было вчера. Излазишь полпланеты, чтобы понять, что нет другого такого места, как Полярный Урал,— тишина, рыбы, ягоды, красивые горы, продуктивная работа, экзотика. Ох, это прелесть, Полярный Урал!

Конечно, прошедшие годы многое стирают в памяти. Забывается, как приходилось бегать от медведя, как нещадно ели комары — лицо опухало так, что геологи с трудом узнавали друг друга (патентованных антикомаринных средств еще не существовало), как приходилось держаться на подножном корму, жарить грибы на самодельном вертеле. Времена были карточные, и только

благодаря разворотливости руководителя экспедиции рациональных полевиков усилили. Через тогдашнего руководителя Главсевморпути легендарного И. Д. Папанина Сирин достал катер «Наука», который позволял сокращать речные маршруты, в Саранпауле и Лабытнангах выросли солидные базы. По отношению к женщинам Николай Андреевич проявлял подлинное рыцарство, хотя и скрывал его за внешней грубостью. Самым ласковым словом в его лексиконе считалось «пошехонка».

— Ну что ты, пошехонка,— говорил он той же Морковкиной,— рвешься туда, где можешь ноги сломать. Я тебе другое обнажение подыскал.

Как-то Вера Федоровна отправлялась в другой отряд и должна была взять с собой пять лошадей. Полевик еще тогда неопытный, она выбрала лошадей красивых и здоровых. Подошел Сирин.

— Ну, пошехонка. Тебе эти красавцы такую жизнь устроят, что ты не рада будешь, замучают, убегут. Ты возьми или одних кобыл, или одних меринов.

И он выбрал таких лошадей, которые вели себя спокойно, не дрались.

Летом 1956 года в Москве умер профессор Преображенский. Сирин первым узнал печальную весть. Одновременно из Москвы пришло письмо на имя Удовкиной, которая находилась в горах. Сирин сам сел на лошадь и проехал сто с лишним километров, чтобы передать письмо и быть вместе с ученицей профессора, как-то отвлечь ее от мрачных мыслей.

Организаторский талант Сирина сказывался и в том, что экспедиция оснащалась современным оборудованием. Исследователи получили в свое распоряжение самолеты и только что появившиеся тогда вертолеты. Именно экспедиция Сирина провела первую аэрофотосъемку Полярного Урала. Первый воздушный исследователь-геофизик Анатолий Гаврилович Комаров и сегодня работает во Всесоюзном геологическом институте.

От летчиков и геофизиков, которые проводили аэромагнитную съемку, потребовались героические усилия — ведь в их распоряжении находился самолет По-2, получивший не очень лестное прозвище «кукурузник». Радиус его действия не превышал пятисот километров (это при тогдашнем-то отсутствии аэродромов), километровой высоты горы уже представляли для него серьезные препятствия. Но самую большую угрозу представляли неожиданные ветры и туманы.

Все эти преграды компенсировались мастерством летчиков — бывших военных пилотов, только что отвоевавших, лихих ребят. Особой популярностью пользовался у геофизиков Георгий Крымский, в быту — Жора. Во время войны он летал к партизанам, садился в невообразимых местах. Полярно-уральские полеты для него особых сложностей не представляли. Как-то он не дотянул десятка два километров до аэропорта в райцентре Мужи: отказал двигатель. Но Жора ухитрился посадить машину на кочкарник, да еще так, что его пассажиры не заметили, что это вынужденная посадка. Только увидев безжизненно голое болото, поняли, что несколько секунд назад избежали смерти. Сирину сообщили, что самолет не вернулся. На следующий день целая эскадрилья — три самолета Ш-2 — вылетела на поиски. Одна из «шаврух» обнаружила потерпевший бедствие самолет и приводнилась на близлежащее озеро. Все радовались удачному стечению обстоятельств. Лишь позднее геофизики догадались, что, выбирая площадку для вынужденной посадки, Жора предусмотрительно искал ее рядом с приличным озером, зная, что выручить в этой местности может только гидросамолет, который может садиться на воду.

За три сезона аэромагнитная съемка охватила большую горную территорию — от широты поселка Няксимволь вплоть до Байдарапской губы и даже захватила акваторию Карского моря. Исследователи заметили плавные

пологие аномалии, которые скрывались под водами Байдарацкого залива. Решили проверить, не мигрирует ли Урал в сторону Таймыра. Аномалии проследили, они явно вызывались магнито-активными породами, но на дальнейший поиск у исследователей просто не хватило пороху.

Сиринская экспедиция имела целевое назначение — поиск железных руд. Когда закончились три полевых сезона, в Академии наук нашлись осторожные люди, утверждавшие, что поиск бесперспективен, Полярный Урал в железорудном отношении «стерильно чист», в качестве основного доказательства приводился «неопровергимый» довод о том, что зря тратятся народные деньги. Только аргументированная защита ведущего советского ученого-металлурга академика Ивана Павловича Бардина позволила продолжить работы и дальше, севернее. «Козыри» для бардинских аргументов выложили геофизики, оснащенные новейшей по тем временам аппаратурой.

Желанное открытие, как это нередко случается, произошло незапланированно. «Виновником» открытия оказался мой ленинградский собеседник А. Г. Комаров.

— Мы проверяли магнитную аномалию, — вспоминает Анатолий Гаврилович. — Наутро я взял свой прибор, чтобы, как мы говорим, взять «ноль-пункт». Стрелке на приборе положено стоять около нуля, однако она покачивалась у отметки 80 градусов. Происходило это рядом с палаточным лагерем, я, естественно, подумал, что прибор шалит, зашкаливает. Отшел, нашел нейтральные породы, известняки, стрелка здесь действительно торчала на нуле. Вернулся к палаткам — та же картина. Значит, под нами явная аномалия, вероятнее всего, ее эпицентр. Конечно, тут же провели детальную магнитную съемку, которая показала аномалию в несколько десятков тысяч гамм. Задали шурф, он «сел» на руду. Прекрасная магнетитовая руда! Сирин прилетел, радо-

вался невообразимо, он вообще умел радоваться, взял образцы, послал их Бардину. Позднее выяснилось, что найденное месторождение сравнительно невелико, но оно сыграло уже свой «козырный» кон, а еще через некоторое время той же аэромагнитной съемкой поблизости мы обнаружили крупное месторождение.

Экспедиция Сирина начинала с того, что пользовалась картами Наркомзема, которые землеустроители составляли для учета ягельных пастбищ. После ее работы были выпущены прекрасные карты, составленные на основе аэрофотосъемки. Карты напрочь отвергали теорию «стерильности» Полярного Урала. Ученые получили достоверные данные, что отечественная кладовая и кузница — Южный и Средний Урал — продолжается на север со всеми своими бесчисленными полезными ископаемыми. Именно после сиринской экспедиции в ход вошло выражение, что в северных отрогах Урала спрятана половина таблицы Менделеева. Оптимисты добавляют: как минимум.

Научные интересы самого Сирина касались гранитоидов и габбро-перidotитовых формаций. Он издал капитальную монографию «Магматизм Приполярного и Полярного Урала». Кроме научной ценности, она имеет и чисто практическое значение.

В начале пятидесятых годов горным рабочим в одной из партий экспедиции Сирина трудился тюменский писатель Евгений Ананьев.

— Вот увидишь, мы еще найдем на Восточном Урале железный пояс! — говорил Николай Андреевич экспедиционному летописцу.— Урал за Полярным кругом не кончается.

Местные власти постоянно оказывали исследователям помощь — ведь с этой экспедицией, тогда единственной на всем Тюменском Севере, связывались перспективы индустриального развития. Тем более, что в первом послевоенном году Сирин составил для окружного комитета

партии записку, в которой говорил не только о высоких шансах рудных месторождений Тюменского Урала, но и добавлял: «Область Западно-Сибирской низменности может оказаться интересной для развития поисковых работ на нефть».

С сиринской экспедицией связано появление первого академического учреждения на Тюменском Севере — база в Лабытнангах превратилась в стационар, потому что масштабы работ постоянно расширялись, в поле выходило свыше десятка отрядов и партий. Николай Андреевич выбрал самое живописное место в Лабытнангах — Зеленую горку, здесь построили контору, жилые дома, шлифовальную и небольшую ремонтную мастерскую. Позднее стационар, когда экспедицию в 1953 году ликвидировали, был передан Институту экологии растений и животных, сотрудники которого и сегодня ведут исследования растительного и животного мира Сибирского Севера и Полярного Урала.

Сирин отлично владел языками северян — знал мансиjsкий, хантыйский, ненецкий, коми. Всегда готовые прийти на помощь, тундровики, узнавая, что помочь надо оказать людям «Андреича», делали все лучшим образом. Как-то отряд профессора Преображенского стоял на реке Гена-Хадыта. Занепогодило, почти не прекращаясь, шел дождь, спокойная речка вышла из берегов и неслась мутным потоком. Раскисла тундра. У геологов кончилось мясо. Местный оленевод Гаврил Серасхов обещал подвезти свежую оленью тушу дней через десять. Но в такую погоду ни один здравомыслящий человек не рискнул бы и носа высунуть из чума. Однако к вечеру десятого дня раздался суматошный лай собак, исследователи, собравшиеся в одной, самой просторной палатке, услышали скрежещущее шуршание намокшего брезента и подумали, что дождь занес к ним промокшего медведя. Но раздался знакомый голос Гаврила:

— Ань торова!

Естественно, реакцией всех было удивление.

— Худа погода,— тем временем объяснял пастух, на котором не было сухого места.— Мы плыли.

— Но зачем же? — кто-то спросил его.

— Чтобы кормить вас.

— Но можно было переждать, погода утихомирилась бы.

— Как так? — недоуменно спросил Гаврил.— Как бы вы обо мне подумали? Сам Серасхов вас обманул? Что Андреич скажет?

Большого труда стоило его заставить обсушиться, переодеться в теплое и дождаться, чтобы дождь хоть немного поутих.

В 1953 году академическая экспедиция завершила программу исследований. Надо полагать, что Сирин так не считал, оставалось еще много непознанного, и Николай Андреевич предполагал развивать стационарные работы. Однако академический бюджет с трудом мог выдержать разрастающуюся северную экспедицию, и начальство сочло за благо удовлетвориться сделанным и свернуть работы. Тем более, что в том же году поиск начал коллектив только что созданной Ямало-ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции. Совпадение этих дат можно считать символичным — ученые передавали эстафету производственникам. Именно экспедиция Сирина стала тем связующим звеном, которое соединило весь предыдущий поиск и работу геологов, которым предстояло готовить промышленное освоение района.

Николай Андреевич и Галина Владимировна частенько брали с собой на Урал своих детей. Это диктовалось необходимостью: не всегда удавалось на время полевого сезона пристроить их к родственникам. Геология стала в семье наследственной профессией — все дети пошли по стопам отца и матери. Владимир — геоморфолог, Артур — вулканолог, Татьяна — специалист по рудным месторождениям олова.

Сирин создал себе имя в геологии. Но, может быть, выше всех престижных титулов и наград то, что дети продолжают дело, которому он отдал свою незаурядную жизнь.

Тюменская школа

Наш вертолет, известная всем северянам стремительная «восьмерка», летел над Байдарапским побережьем, над самой кромкой воды и тверди. Здесь соединялись две безбрежные стихии — моря и тундры. Горы Полярного Урала вдали, на юге, как бы подразумевались,— видимо, мозг прочно зафиксировал географическую карту. Но тундра здесь не полого уходила в море, растекаясь жидкими и тонкими болотами, а обрывалась холмистыми увалами. Вдруг внизу промелькнул какой-то полу круг — его можно заметить только сверху, он походил на кратер утонувшего в тундровых болотах вулкана. Вдали мелькнула еще одна характерная окружность поглощенного огромным зеленым болотом «кратера».

Наверное, у геолога эти загадочные круги и полу кружья вызовут иные ассоциации, но мне сразу припомнилась одна давняя беседа в походной брезентовой палатке. Мой собеседник был немолод, сухощав, с тем загаром на лице, который уже никогда не пройдет, ибо его задубили полярные ветры и морозы. Лицо азиатского типа, неторопливая речь, и мне представилось, что он похож на знаменитого Дерсу Узала. Наверное, что-то все же у них было общее, хотя Виталий Николаевич Охотников был не следопытом, а начальником геолого-поисковой партии, кандидатом геолого-минералогических наук, автором глубоких монографий о рудных образованиях Полярного Урала.

Разговор в палатке шел об... алмазах. Я поставил это

отточие, чтобы как-то подготовить читателя, потому что говорить о полярно-уральских алмазах считалось делом крамольным. Но Виталий Николаевич убежденно доказывал, что какие-то предпосылки для обнаружения кимберлитовой трубки здесь имеются. Наверное, он мне и рассказывал о древних, ныне погребенных, вулканах, иначе почему это, заметив странные «кратеры» добрый десяток лет спустя, я сразу первым делом вспомнил беседу с ним?

Рассказать бы ему сейчас о моих «открытиях». Но Охотников перебрался в Сыктывкар, ушел в чистую науку, работает в Институте геологии Коми филиала Академии наук СССР. Встретиться не чаял, но просторный наш мир тесен, повстречаться довелось в Воркуте, где проходила конференция, посвященная будущему Полярного Урала.

Я сразу рассказал о «кратерах», погребенных в болотах морского побережья.

— Вдоль Байдарацкого побережья действительно этак полмиллиарда лет назад была развита вулканическая толща. Воронки палеовулканических депрессий ныне завуалированы, сверху они виднее, чем с земли,— подтвердил мои наблюдения Охотников. Но тут же спокойным жестом руки отмел мои догадки.— С этой толщей мы связываем не алмазы, а возможность находок полиметаллических и колчедановых руд. Все побережье от устья Байдараты и на северо-запад — по сути дела огромная площадь, перспективная на эти руды.

— Ну, а как же алмазные идеи? — наверное, в моем голосе прозвучало недоумение.

— Нет-нет,— помотал головой Виталий Николаевич.— Я вовсе не отказываюсь от них, эти предпосылки сохраняют силу. Но если начинать работы, то на более серьезном уровне.

— Значит, не только небо в алмазах на Полярном Урале?

— Конечно.— Но геологическая истина не позволяла этому человеку излишне деликатничать.— Только алмазоносные площади видятся мне значительно южнее того места, где вы заметили «кратеры».

Охотников не из тех исследователей, которые обуреваемы своими идеями, он предпочитает строить научные версии только на основе конкретных и достоверных данных. Будущее Полярного Урала видится ему не в алмазах — в настоящих и символических, а в более прозаических (каково слышать такие термины геологу?) минералах — железных рудах. Хотя у месторождений полярно-уральского железа есть минусы — залежи их невелики, поменьше, чем на Южном и Среднем Урале, зато их больше по количеству и расположены они на меньших глубинах. Плюсы перевешивают минусы.

— Встретимся на Полярном Урале? — спросил я Виталия Николаевича, завершая разговор.

Он улыбнулся сожалеюще:

— Не получается у меня нынче поля. Загрузили кучей работы.

— Докторская? — понимающе подхватил я.

Он снова вздохнул:

— Конечно, приходит время подводить итоги. Но, знаете, вся эта канитель с диссертацией — не по мне.

В этот момент в нем опять проскользнуло что-то неуловимое, делавшее его похожим на Дерсу Узала, человека вольных просторов, свободной жизни, каждый день которого труден, ибо проходит в заботах. Что-что, а Охотников явно не кабинетный ученый. Трудно полевику надолго запирать себя в четыре стены. Ведь горы — это праздник, и каково лишаться ежедневного общения с ними?!

Виталий Николаевич — один из тех, кому довелось на Полярном Урале пройтись по последним «белым пятнам». Таким пятном еще в начале пятидесятых годов оставалась горная осевая часть, протянувшаяся от Щучь-

их озер до впадения Пайпудыны в Собь. Партия Охотникова вела в этом районе последние топографические работы и геологическую съемку.

— У нас на шесть человек приходилась одна несчастная лошаденка. Так что особой популярностью пользовался пеший ход. В среднем по сезону выходило на день километров 25 — по тундре, по горам, по осыпям. Если же из-за дождя и тумана пропадал день, его приходилось наверстывать. Мы умудрялись проходить в сутки и побольше, например, от Большого Щучьего до фактории Лаборовой — сорок километров туда и столько же обратно. Впечатляет?

— Невероятно!

— Теперь вы понимаете, почему я скептически выслушиваю жалобы молодых геологов на отсутствие вездеходов и вертолетов? Считается, что пройти километров пятнадцать — уже каторга. А ведь глаза геолога не менее важны в работе, чем и знаменитый его молоток. Как бы ни были совершенны новые методы, отрываться от матушки-земли, от настоящей полевой геологии опасно и преждевременно.

Виталий Николаевич начинал свою полярно-уральскую карьеру под руководством Георгия Петровича Софронова, которого можно считать первым местным геологом. Когда велось строительство трассы железной дороги от станции Чум к Лабытнангам, на посту «106-й километр» создали базу разведочной экспедиции, геологическую службу которой и возглавил Софронов. Это дает основание утверждать, что практическая геология Тюменской области начиналась с Полярного Урала.

У Софронова судьба складывалась так, что ее вряд ли назовешь легкой, но он сумел противопоставить жизненным испытаниям завидную стойкость и добился выдающихся результатов. В Воркуте ему помог известный в те годы здешний геолог К. Е. Войновский-Кригер. Георгий Петрович занялся железнодорожными изысками

ниями. Кстати, маршрут от станции примыкания Сейда в сторону Оби до Лабытнанг, по которому позднее прошла стальная колея, выбирал он. В годы войны Софронову поручили возглавлять геологические партии от комбината Воркутастрой.

В 1951 году его назначили главным геологом Полярно-Уральского геологоразведочного управления, где он проработал несколько лет. Ученики называют Георгия Петровича «основоположником планомерных геологических исследований Полярного Урала». Велся поиск вольфрама, меди, сурьмы, редких и цветных металлов.

В годы войны Полярный Урал помог Фронту. С завода специальных сплавов в Челябинске пришла заявка на три тонны очень дефицитного молибдена. Специальная бригада рабочих, полтора десятка человек, была отправлена на берега Харбяя, где Софронов обнаружил хорошую залежь молибденита. Рабочие закладывали шурфы, зубилами, буквально по крохам, выколупывали руду из кварцевых жил. За сезон было добыто драгоценного по тем временам металла три тонны. Руда сразу же отправлялась в Воркуту, куда за ней прилетали специальные самолеты из Челябинска.

Следует иметь в виду суровую спефику работы геологической службы этого предприятия в годы войны. К тому же надо сказать, что оно не имело тогда выхода на научно-исследовательские и академические институты.

Анатолий Иванович Подсосов, ныне главный геолог Главтюменьгеологии по рудным полезным ископаемым, появился в рудничном поселке на берегах Большого Харбяя совсем молодым выпускником Свердловского горного.

— Надо понять и просто представить себе то время, чтобы отдать должное героизму людей, которые в тех условиях сумели наладить геологическое изучение такого сложного района,— объясняет он.— Все специалисты

группировались вокруг Софронова. В пустынной горной тундре они умели жить интересной, содержательной жизнью, много дискутировали, выписывали специальные, какие только могли, журналы, прямо на месте воспитывали коллекторов из тех людей, которые показывали свои способности. Но они, что называется, варились в собственном соку, не придерживались в методике государственных стандартов. Изучение природы велось на очень серьезном уровне, но им в силу оторванности от геологических центров просто не хватало широты кругозора. Конечно, это их беда, а не вина. Как бы точнее представить их положение? Полярный Урал для них был все равно что кусочек Луны для десанта, высадившегося с Земли, они тщательно изучали этот пятак, но не могли выявить общие закономерности.

Анатолий Иванович — спокойный, выдержаный (геологический характер) человек, но — возможно, воспоминания молодости пробудили их — эмоции взрывают его уравновешенность:

— Изумительные люди! Как нужно любить дело, чтобы в таких трудных условиях сделать так много!

Мне пришлось лететь с Подсосовым на Ми-8 над Полярным Уралом. Есть между озерами Хадата и Щучьими прекраснейший альпийский район.

Вдруг на склоне одной из вершин я увидел затейливую фигуру: рисунок явно крупный, если четко наблюдался с двухкилометровой высоты, изображал он животное, напоминающее волка — четыре лапы, вытянутая голова. Когда видишь что-то непонятное, да если к тому же начитался об инопланетянах, то первое, что приходит в голову: «Уж не побывали ли эти пресловутые пришельцы из космоса и здесь, на Полярном Урале?»

— Занятно,— показал я Подсосову на странный рисунок.

— Канавы, шурфы,— спокойно поясняет он.— Здесь, на Тай-Кеу, полиметаллы искали.

Даже обидно за мою космическую версию, как быстро она не выдержала практического экзамена.

Подсосов появился на Полярном Урале, когда еще можно было говорить о девственной нетронутости края. Даже поселок на Большом Харбее представлял из себя палаточное жилье. Привычных сегодня вагонов-домиков и балков еще не встречалось. Для буровых станков рубили крупные сани, которые крепились трубами, сани цепляли два трактора и медленно тащили на опорную точку. Скорость не превышала два километра в час, поэтому до точек добирались сутками. Прибыв на место, буровики, как и геологи, разбивали палаточный бивак. Завтраки и обеды готовились на костре.

Снаряжение геологов было классически простым: знаменитый молоток и лупа. Брезентовые робы и тяжелые резиновые сапоги, которые по какому-то недоразумению назывались «геологическими», составляли одежду. Сетка Павловского заменяла все нынешние антимошковомаринные средства. Текущие специалисты по технике безопасности пришли бы в ужас от поисковой практики тех лет: геологи выходили в маршруты поодиночке, даже страховочных концов не имели. Может, поэтому приключения случались почаше, чем нынче.

— В молодости почему-то никогда не хочется возвращаться назад,— припомнил один случай Подсосов.— Шли мы вдвоем с практикантом в районе возвышенности с красивым названием Хард-Наурды-Кеу. В плане на топографической карте вершина эта смотрелась как трехлучевая звезда. Мы потихоньку взбирались наверх, откалывали образцы, описывали обнажения. И незаметно поднялись до плиты высотой в добрый десяток метров, которая нависла над нами. Подняться по ней мог только квалифицированный альпинист. С двух сторон — обрывы. По пройденному пути вернуться можно. Но такое у молодости свойство — не хочется назад. Огляделись. Справа круто спускающийся вниз снежник. Прыгать по кам-

ням — удовольствия мало, а по снежнику катишься с ветерком — только вовремя сделай зигзаг, чтобы не упасть. Опыт у меня имелся и, несмотря на то, что снежный язык выглядел крутовато, я решил съехать. Сказал напарнику: «Подожди, посмотрю, как получится». Начал спуск медленно, но там, где начиналась крутизна, фирновый снег превратился в лед, и когда я выехал на этот каток, мои резиновые сапоги тормозить уже не могли. Я упал, но удачно, не плашмя, а вроде как сел. И меня понесло по этой катушке. На счастье успел выставить в качестве тормоза длинную рукоятку геологического молотка. Но лед отполирован ветрами, никакой тормоз здесь не сработает. Мне в лицо бьет мелкая ледяная стружка, сорвало фотоаппарат, выбило молоток, одно спасает — брезентовые брюки, которые в обычной работе всегда мне казались излишне неуклюжими. А впереди несутся на меня остроконечные камни, скалистые глыбы морены. Если вынесет на них — ищите, коллеги, мокрое место. Но, к счастью моему, конец снежника подтаивал, лед снова превращался в снег, склон выполаживал, мой спуск замедлился, и я встал на слабых, подкашивающих-ся ногах.

Но — самое страшное — сверху, для практиканта моя безумная езда выглядела лихо и красиво. Я ему ору, но расстояние-то большое, он не понимает, сигнализирую — он воспринимает это как призыв к действию, падает и летит ко мне. Снежный язык спасает и его. Я бегу к нему: цел...

Не успели мы от этого опасного слалома очухаться, не отошли от свиста в ушах, вдруг раздался какой-то грохот. Обернулся, смотрю, на нас летят огромные камни — обвал. Хорошо, что площадка, на которую мы встали, оказалась относительно ровной, и мы смогли увернуться от камнепада. Но струхнули порядком. Они, горы-то, вроде и невысокие, но здесь все опасности есть, которые положены в горах — и обвалы, и сели, горные

оползни. В тот сезон погибла целая партия — поставили палатки у подошвы горы. Пошел дождь, потом все замерзло, потом рыхлого снега навалило. И снег, он в несколько метров толщиной был, пополз по обледеневшему склону — похоронил все палатки. Никто не спасся.

Специалисты Главтюменьгеологии активно занимались поиском на Полярном Урале два десятка лет, начиная с середины пятидесятых годов. Подсосов являлся их главным «координатором» в главке.

— Чем характерен этот период? — поинтересовался я у него.

— Научные исследования Полярного Урала до начала работ тюменцев, — оценивает он труд коллег, — дали как бы скелет представлений. «Мясо» наращивать приходилось уже нам. Мы привели сюда геофизиков и каротажников, вооруженных современной аппаратурой, поставили буровые работы, ведя бурение как картировочное, так и опорное, разведочное. Одним словом, привели в этот район «тяжелую артиллерию» геологопоиска. Напрочь отвергли теорию «стерильности» региона. Полярный Урал стал считаться резервом горнорудной промышленности — ведь мы с нашей-то «артиллерией» прицельно били по определенным зонам. Авторитет такой организации, как Главное территориальное Тюменское геологическое управление, заставлял серьезно относиться к вопросам, которые мы выносili на самый высокий уровень. Можно вспомнить одно из совещаний в Госплане Союза. По стране было выделено девятнадцать районов, которые к началу семидесятых годов геологи еще слабо изучили. Полярный Урал в их числе признавался самым перспективным. Принималось во внимание, что он очень удобно расположен между двумя экономическими зонами: нефтегазоносным комплексом Западной Сибири и Печорским угольным бассейном. Главная заслуга тюменских геологов — они заставили посмотреть на этот район с точки зрения практической, промышленной.

В 1975 году Министерство геологии РСФСР создало экспериментальное объединение «Полярноуралгеология» с центром в Воркуте. Этому объединению были подчинены и все экспедиции, подчинявшиеся ранее Главтюменьгеологии.

Директор Западносибирского нефтяного геологоразведочного института, лауреат Ленинской премии, первый тюменский член-корреспондент Академии наук СССР Иван Иванович Нестеров расхаживает по своему кабинету перед картой, на которой узнаются знакомые очертания Полярного Урала.

— В том году мы стали перед дилеммой — сворачивать или нет исследования, которые институт вел уже не меньше десятка лет. Нас никто не обязывал, скорее — наоборот, подталкивали к переходу на чисто нефтяную и газовую тематику. Но уже накоплен значительный опыт, десятки сотрудников занимались рудами этого богатого края, они могли квалифицированно решать многие научные проблемы. И потом, разрушать проще, чем создавать заново. Глядя в перспективу, мы решили полярно-уральскую группу (а это почти сто человек) не расформировывать. (Попутно следует отметить, что недавно, в 1983 году Полярно-уральская геологоразведочная экспедиция вновь перешла в ведение Главтюменьгеологии.)

Сегодня сотрудники института, их возглавляет Людмила Лавровна Подсосова (Полярным Уралом она «заболела», как и ее муж, в начале пятидесятых), продолжают регулярные полевые исследования, изучают структурные особенности глубинного строения. Поиск полезных ископаемых — бокситы, свинец, железо, редкометалльный комплекс, россыпное золото — тесно увязывается с работами производственников Полярноуралгеологии.

Еще одна важная задача — составление карты палеозойского вулканализма Тюменского Урала, которая войдет в комплекс карт Советского Союза и Евразиатского континента.

Да, в свое время эти величественные горы вели себя куда беспокойнее. Здесь имелись свои Этны и Везувии. Исследователи подметили характерную особенность: Полярный Урал удивительно схож с Камчаткой и Курильскими островами, которые считаются своеобразным «эталоном» вулканических районов. Но «камчатский» период — время действующих вулканов — на Полярном Урале закончился очень давно даже по геологическому времени — минимум четыреста миллионов лет назад. Однако ископаемые вулканы — вулканогенные комплексы — помогут отыскать медномолибденовые и свинцовые рудные зоны.

Слишком щедры эти недра и слишком скрыты, чтобы сворачивать здесь поиск.

Загадки ледовых цирков

Сразу бросается в глаза, что этот поселок ученых знал лучшие времена. У обветшавшего здания гаража — толый остов какого-то станка, на некоторых домиках забиты окна, на дверях одного давно выцветшая дощечка с плохо читаемой надписью «ГМС Большая Хадата». Что поделаешь — последний сезон. Последнее, двадцать пятое по счету поле стационара Института географии Академии наук СССР.

Экспедиционная повариха, разговорчивая москвичка, потчевала меня свежесоленой тальмой, поила компотом из черники с оладьями — хлеб уже не пекли.

Мы свернули к озеру Хадата-Юган-Лор, на берегу которого приютился стационар, но попали не очень удачно: все гляциологи ушли на ледник.

— Вон туда,— махнула повариха в сторону, где за край горы уходил язык грязного, слежавшегося снега.

— Это ледник? — спросил я.

— Ледник,— квалифицированно подтвердила экспедиционная кормилица.

Впечатления особого великолепия ледник не производил, но внешность, как говорят, обманчива. Да и не в ней дело — полярно-уральские ледники, пожалуй, одна из неожиданных тайн природы. Правда, за двадцать пять гляциологических сезонов она немало потеряла в своей таинственности.

...В 1908 году по Большеземельской тундре путешествовал один из первых отечественных специалистов в области северного оленеводства С. В. Керцелли. Проводником у него служил местный коми Егор Терентьев — знаток Полярного Урала.

«Когда мы шли от океана,— вспоминал позднее Керцелли в своей книге «По Большеземельской тундре с кочевниками»,— в длинные осенние вечера Егор, поэт в душе и страстный любитель северного простора и кочевой жизни, рассказывал мне различные эпизоды из своих охотничьих скитаний. Между прочим, он однажды сказал следующее: «Есть у нас на Камне места, где снег никогда не тает, и там уже не снег, а такой твердый лед, что его только топор берет, а снега и льда не видно, потому что сверху завалены мелкими камнями, а внизу, где кончается лед, в нем большая дыра, как пещера, и оттуда течет речка». Описание это настолько характерно,— комментировал рассказ Егора Керцелли,— что не оставляет, казалось бы, сомнений в существовании мелких ледничков на Урале. Егор предлагал провести меня на такой ледничок, на что потребовалось бы дней 14, но недостаток оленей не позволил мне предпринять этой поездки, несмотря на соблазнительность предложения».

Керцелли отказался от заманчивого предложения стать первооткрывателем необычного феномена северной природы. А благодаря его книге безвестный тундровый поэт-оленевод — Егор Терентьев — вошел в историю гля-

циологии. Сам того не подозревая, Егор разрушил научную легенду: полковник Гофман авторитетно и напрочь отрицал наличие на Полярном Урале ледников. Но давил не только авторитет Гофмана, существовали более общие закономерности, по которым выходило, что ледникам здесь быть не положено: малые высоты хребта и континентальность климата должны препятствовать возникновению ледников даже в столь суровом климате. Итак, в 1908 году открытие не состоялось, потребовалось еще два десятка лет, прежде чем смелый оппонент признанных авторитетов Александр Алешков на восточном склоне хребта Сабля обнаружил несколько каровых ледников. Самый большой из них — километровой длины — он назвал (ну и язва!) именем Гофмана. Впрочем, чего здесь больше — иронии или дани уважения — сказать трудно. После этого исследователи как будто развязали мешок, из которого так и посыпались ледовые сенсации. Падалка, Василий Говорухин, Хабаков, Софронов, Охотников нанесли на карту еще несколько десятков ледников. Самые интересные сведения получил Хабаков, который обнаружил в районе Хадаты и Щучьих озер крупнейший очаг оледенения.

Геологи занимались ледниками попутно, открывали их походя. Первым «чистым» гляциологом, пришедшим на Полярный Урал, следует считать Леонида Дмитриевича Долгушина, первым и, пожалуй, самым удачливым: из полутора сотен всех обнаруженных уральских ледников больше трети открыто им.

Мы сидим с семидесятилетним доктором наук в тесноватом зальчике музея землеведения МГУ, где нынче трудится Долгушин. Леонид Дмитриевич бодр, подтянут, по-спортивному поджар. Долгие годы путешествий скаживаются: несмотря на солидные годы, он все еще в форме. Совсем недавно вернулся из экспедиции на Памир, на вертолете на высоте 6000 м налетал тридцать часов, и ничего — молодцом. За его плечами — Земля Франца-

Иосифа, Северная Земля, Новая Земля, самый уединенный остров Арктики — Ушакова, Антарктида, Центральная Азия. Но Полярный Урал постоянно и сильнее всего, по его словам, тянет к себе. О Долгушине просто невозможно говорить «старик». Невольно позавидуешь его стремлению к новым экспедициям и маршрутам.

На карте Полярного Урала увековечено его имя — на хребте Оч-Нырд есть ледник Долгушкина. Это не случайно. Леонид Дмитриевич предсказал, «вычислил» там самый северный ледниковый очаг Урала. И когда А. О. Кеммерих этот массив обнаружил, один из ледников назвал именем заочного первооткрывателя.

— Посмотрели свой мемориал?

— Не привелось,— смеется Леонид Дмитриевич,— хотя Кеммерих утверждает, что это один из красивейших ледников Урала. Правда, вообще-то здешние ледники особой красотой не блещут, но окружающая местность там и вправду великолепна: с межгорной долины начинается «лестница озер». Лестница весьма эффектна — озера расположены на разных уровнях, разнообразны по форме, вода в них чистейшая, озера глубоки и поэтому смотрятся очень красиво. Они ледникового происхождения, «лестница» — свидетельство отступания древних, более обширных, чем сегодня, ледников.

— Должно быть, стыдно гляциологу Долгушину не побывать на леднике своего имени? — пошутил я.

— У меня еще есть запас времени,— рассмеялся Леонид Дмитриевич.

Свой первый ледник Долгушин обнаружил благодаря «молоку», той ледниковой мути, которой характеризуются все реки, вытекающие из ледников. В 1953 году, когда это произошло, здешние ледники все еще считались проблемой не решенной. Но «молоко» являлось лишь характерным признаком, и молодой исследователь пошел вверх по потоку, взобрался на снежник и в глубоком «цирке» между двух гор обнаружил и четко выра-

женную область питания, и область расхода, и все другие классические признаки настоящих ледников. Он дал ему имя МГУ. В тот же сезон открыт и, пожалуй, самый оригинальный ледник здешних гор — он получил имя института, в котором трудился исследователь — ИГАН (Институт географии Академии наук). Мало того, что этот ледовый поток имеет сложное строение — вершина его расположена в глубоком каре, а язык выползает на склон и в долину (что заставляет называть его сложным титулом — карово-склоново-долинный), он к тому же лежит на водоразделе, и два ручья, берущие здесь исток, разбегаются не просто в разные стороны, а в разные части света — в Европу и в Азию, один — в бассейн Печоры, другой — в бассейн Оби. Малютка делится своей водой сразу с двумя континентами.

На леднике Югра исследователь доказал, что полярно-уральские ледники еще движутся. Ледник в верховьях реки Народы открыл геолог С. Г. Боч. Предусмотрительный исследователь, он поперек ледника проложил линию из покрашенных камней. Долгушин с помощью примитивной буссоли и горного компаса сумел определить, что «линия Боча» спустилась. Тогда еще не знали: мертвый лед лежит на дне цирков или он находится в движении. Предусмотрительность Боча и настойчивость Долгушина позволили доказать, что местные ледники живут.

Летом 1978 года Леонид Дмитриевич решил отдохнуть на Урале. Люди его склада, его научного темперамента просто так отдыхать не умеют. Тем более, что весной, рассматривая аэрофотоснимки района, он обнаружил белое пятнышко там, где ледник не отмечался. Может быть, особым стимулом для этой туристической поездки явилось то, что снежное пятно располагалось километрах в двадцати пяти от самого южного уральского ледника, который и носил имя Южный. Погода 4 августа выдалась на редкость мрачной, над горами нависли тяжелым туманным облаком тучи, сыпал сырой снег.

Чтобы добраться на снежник, нужно было преодолеть озеро. Поднялся ветер, и резиновую лодку исследователя болтало и трепало так, что он не успевал вычерпывать воду. Противоположный берег часто пропадал в тумане. Все-таки он добирался до языка, исходил его вдоль и поперец, чтобы убедиться, что это не простой снежник, а самый настоящий ледник. Ото льда шел холод, который смешивался с туманом и пронизывал до костей. Конечно, новооткрытым леднику следовало дать имя «Южный», но название было «занято», потому на карту он попал как «Хмурый» — напоминание о погоде, когда был открыт.

Исследования Долгушкина привели не просто к открытию новых ледников. Он доказал, что полярно-уральские малютки — самый большой из них едва превышал два километра — имеют все те свойства, которыми обладают и такие гиганты, как известный ледник Федченко. На этих малютках можно было проводить все исследования в более приемлемых условиях, чем на Памире или на Тянь-Шане. Уральские ледники в силу своих небольших размеров обладали еще одним преимуществом — они чутче реагировали на погодные изменения как в глобальном масштабе, так и на локальные перемены местного климата. Эти принципиальные открытия и подготовили почву для стационарных гляциологических исследований.

В 1956 году, накануне III Международного геофизического года, по инициативе ведущего советского гляциолога, члена-корреспондента АН СССР А. Г. Авсюка в международную программу включили исследования на Полярном Урале.

Вот тогда-то на берегах красивейшего озера Хадата-Юган-Лор, прозрачное зеленое зеркало которого зажато в горном распадке, и появились домики ученых. Четверть века регулярно здесь появлялись исследователи-гляциологи. Научное кураторство осуществлял старший

научный сотрудник ИГАНа, профессор Леонид Сергеевич Троицкий. Он не всякий раз мог появляться на Полярном Урале, отвлекали экспедиции на Шпицберген и в Антарктиду, но провел здесь почти полтора десятка сезонов.

Тщательное наблюдение близлежащих ледников (особенно хорошо исследован «Обручев»), открытие новых очагов оледенения позволили составить верную картину природного феномена. Ученые доказали, что полярно-уральские ледники не реликт прошлых эпох, а нормально существующий продукт «живого» современного оледенения, которому присущи все закономерности этого процесса. Здесь малютки служат своего рода моделями, натурные данные которых можно заносить в формулы, применимые в других масштабах.

Разгадана и тайна появления ледников там, где их теоретически не должно быть. Хребет стал препятствием для преобладающих западных ветров, которые приносят основные осадки. На западных склонах их в два-три раза больше, чем на восточной стороне. Обильные снегопады и привели к тому, что снежники в цирках западного склона со временем превратились в ледники. Неравномерность осадков привела к характерному распространению растительности — эту особенность давно отметили ботаники, но сумели объяснить только гляциологи — снежный покров на западных склонах задерживается дольше и сокращает вегетативный период почти на месяц. Если на восточной стороне растут деревья, то по одной параллели с ними на западном — только кустарнички. Ледники обусловили и развитие рельефа — альпийский пейзаж больше характерен для западных склонов, восточные же отроги пологи и покаты. Эти закономерности имеют одно исключение — к югу от железной дороги Чум — Лабытнанги, где горная страна суживается.

— Наши исследования на Полярном Урале дали

многое не только для отечественной науки, но и для мировой гляциологии,— считает Троицкий.— Уникальность ледников уже в том, что они живут на грани существования. Полученные здесь данные расширили наше понимание развития оледенения, особенно в том, что касается горных стран. Исследования на Полярном Урале имеют, естественно, выход в общую климатологию и гидрологию полярных районов.

В конце 1981 года стационар на Хадате прекратил деятельность. Это решение вызвало среди специалистов неоднозначную реакцию. Более длительное наблюдение, считают те, кто стоял за продолжение работ, дало бы более точные результаты.

— Полярно-уральские ледники находятся, к сожалению, для нас, гляциологов,— говорит доктор географических наук Владимир Георгиевич Ходаков,— в удрученном состоянии и довольно интенсивно деградирует. Например, длинный язык ледника МГУ просто не узнать — на его месте озеро на льду; метров на тридцать понизилась поверхность красавца ИГАНа. Уменьшение, исчезновение ледников связано с изменением климата в сторону потепления и иссушения. Приходится сожалеть, что гляциологический стационар на берегах Хадата-Юган-Лор станет простой базой отдыха.

Вместе с гляциологами и в то же время несколько обособленно от них исследованиями на Полярном Урале занимался доктор географических наук Александр Оскарович Кеммерих. Он открыл несколько ледников, в том числе Оченырдский узел, занимался изучением их. Но основные его интересы связаны с гидрологией — он исследовал реки, насчитал на Полярном Урале почти четыре с половиной тысячи озер, на многих вел наблюдения, открыл в здешних горах явление селя, которое имеет большое значение при практических работах. Пожалуй, Александр Оскарович ныне самый крупный знаток природы Приполярного и Полярного Урала. Сам

турист, он написал несколько пособий для коллег по увлечению, пеших и водных, которые выбирают себе маршруты в этом крае. Им же написано и несколько научно-популярных книг о неповторимой уральской природе.

В науку Кеммерих пришел довольно поздно — почти на исходе четвертого десятка лет, до этого работал простым шофером.

— Мне очень повезло, — рассказывает ученый, — что наукой я начал заниматься именно на Северном Урале. Здесь я попал в чрезвычайно благодатные условия: все, что ни исследовал, было ново — это для специалиста играет огромную роль. Ты становишься во многих вопросах как бы первооткрывателем.

С именем Кеммериха связано исследование «полярно-уральского Байкала» — озера Большое Щучье. О нем ходили легенды, что оно глубже Байкала. Неистощимое исследовательское любопытство заставило Кеммериха разгадать тайны Щучьего. Обходиться ему пришлось самым примитивным оборудованием. В его распоряжении имелась резиновая лодка, поднимавшая на борт полтонны груза, ручная лебедка с тросом всего на 22 метра и счетчиком на сто метров. Кеммерих добавил две простых рыболовных лески по сто метров, переоборудовал счетчик и начал совершать по озеру строго рассчитанные продольные и поперечные профили, чтобы составить батиметрическую карту — карту глубин. Легенды не подтвердились — наибольшая глубина оказалась всего 136 метров, но Щучье, если и не достигло масштабов Байкала, то все равно сохранило за собой титул самого глубокого на Урале. Длина его 13 км, а ширина в среднем — километр, оно зажато горами. В распоряжении ученого имелся и диск Сэкки, с помощью которого измеряют прозрачность воды — диск показал уникальный результат, он проглядывался на глубине даже одиннадцати метров. Удивительно прозрачная вода, возможно,

байкальской не уступает. То, что здесь водятся такие рыбные лакомства, как таймень, тальма, хариус, опытному туристу доказать было нетрудно.

На восточном склоне имеется ледник «Кеммерих» (Александр Оскарович, как и его друг Долгушин, не удастся на нем побывать, но надеется, что успеет), названный так Л. С. Троицким. Необходимо отметить, что только гляциологи последовательны в мемориальной топонимике — в ледниковый кадастр, составленный ими, занесены имена практически всех, кто немало сделал для изучения этого края. Есть на гляциологической карте и имя Егора Терентьева. Кеммерих в бассейне Большой Кары обнаружил солидный ледник, протянувшийся в длину более километра. Он и присвоил ему имя тундрового поэта Егора Терентьева,увековечив научный подвиг простого каюра.

Секреты «змеиного камня»

Командир вертолета, коренастый и плотный Иван Галушкин слегка морщился; когда его «восьмерку» называют воздушным маршрутным такси. Ведь эти рейсы доверят не каждому: летать приходится в горах, да и пассажиры все время норовят добраться до таких вершин, как Хордьюса, над которой постоянно, даже в самую голубую погоду висит лохматая шапка не то тумана, не то облаков. Но Ивану можно и не обижаться на сравнение с таксистом, он развозит геологов по маршрутам и является в их полевом лагере с завидной точностью столичной «маршрутки».

За Обью тянутся изумрудные пространства недавно освободившихся от большой воды заливных лугов. В зеленой оправе, да еще сверху болота выглядят замеча-

тельно. Гул вертолетных двигателей заметно усиливается — чувствуется, подлетаем к горам. А в правом иллюминаторе уже давно видны суворо-гордые хребты Войкар-Сыньянского массива. Массив... Этот географический термин и точно, и образно передает тяжелую весомость здешних гор.

Вон внизу у подошвы буро-зеленого невысокого холма замелькали разноцветные — красные, желтые, голубые и более привычные — серо-зеленые палатки. Это лагерь, к которому и держит путь воздушная «маршрутка». Прелестный уголок. Сухое место, островок между двумя рукавами узкой (в несколько шагов), но бурной и порожистой Лагорты-Ю, как утверждают, богатой хариусом. Невысокие северные лиственницы и березки. Вдали в шапке облаков хмуро-черный силуэт самой высокой здешней вершины — Хордьюсы. Если бы не комары — швейцарский курорт да и только. Но этот уголок выбран вовсе не для отдыха. Здесь поставили палатки геологи из многих стран, чтобы в свободном обмене мнениями обсудить важные проблемы, которые имеют значение для поиска полезных ископаемых не только на Полярном Урале, но и во многих районах планеты. Программа международной полевой конференции официально звучит так: «Офиолиты континентов и сравнимые с ними породы океанов». Программу осуществляет ЮНЕСКО. Первые научные симпозиумы (программа начата в 1975 году) проводились в полевых условиях в Омане, Иране и на островах Тихого океана.

Офиолиты (в переводе с древнегреческого — «змеиный камень») привлекли внимание специалистов сравнительно недавно, но основательно: к ним «привязан» целый комплекс полезных ископаемых — золото, платина, кобальт, никель, ртуть, асбест, хром. «Змеиный камень» помогает проследить историю земной коры, ведь его происхождение связывают с мантией нашего «шарика».

У двадцатиместной — самой большой в лагере — па-

латки, которая одновременно и столовая, и дискуссионный клуб, лежат увесистые камни — образцы тех самых офиолитов, которые так привлекают собравшихся здесь.

Иван Галушко не выключает двигателей — у него четкая задача подбрасывать геологов к исходным точкам их дальних маршрутов. Время полевой конференции ограничено, а специалистам нужно посмотреть очень много, именно поэтому они и пользуются услугами «воздушного такси». Народ дисциплинированный, но и у них в последнюю минуту перед посадкой оказывается что-то не в порядке, и командир Ми-8 слышит эмоциональные возгласы на итальянском, французском, персидском, турецком, хинди и еще бог весть каких языках.

В полевом лагере нет начальника, здесь собрался народ сугубо демократичный. Но роль хозяина поручена руководителю лаборатории осадочных полезных ископаемых Геологического института Советской Академии наук доктору геологии Никите Алексеевичу Богданову.

— Мы принимаем весьма представительную группу ведущих экспертов по проблемам офиолитов, — рассказывает он. — Назову лишь такие авторитеты, как швейцарец Ганссер, американец Пейдж, француз Николя. 31 ученый из семнадцати стран.

Конечно, чтобы дискуссия прошла плодотворно, хозяева — советские геологи — провели большую предварительную работу. Геологи Москвы, Свердловска, Тюмени, Воркуты обследовали большой район, чтобы остановить свой выбор именно на предгорьях Хордьюсы, здесь они нашли уникальные обнажения, характерные полевые объекты, у которых можно вести полезный спор. Качество образцов, которые представляет Полярный Урал, настолько великолепно, что свободный обмен мнениями порой начинается прямо от той исходной точки, куда в очередной раз доставит группу вертолет Ивана Галушко.

Когда погода помешала Ми-8 прилететь в лагерь,

геологи не теряли времени зря. Прямо в палаточном городке они устроили полевую научно-практическую конференцию, своей авторитетностью вряд ли уступавшей подобному мероприятию в столице. На ней выступил английский профессор Смьюинг, турецкий исследователь Бингёль, канадец Лоран, румын Харамбие, западный немец Шубер, представители советской делегации. Спор, естественно, шел на высоком накале — выступали представители разных направлений — и на высоком уровне компетенции.

В полевых условиях трудно отличить авторитетного ученого от пока еще малоизвестного — все в полевой форме, никакой светской респектабельности, которая хоть как-то указывала бы на международный престиж того или иного участника.

— Я вас познакомлю с замечательным исследователем, — предложила мне Татьяна Честных, которая выполняла здесь функции переводчика. — Доктор Бенджамен Морган представляет геологическую службу США, он из Вашингтона.

Американец оказался худощавым, поджарым, он словно провялен и северными и южными ветрами, загар въелся в кожу лица. Я решил начать с полярной экзотики:

— Наша беседа, доктор Морган, происходит всего в нескольких милях от Северного Полярного круга.

Татьяна перевела его скороговорку:

— Я летел в Москву с Аляски, так что, если вы хотите напугать меня белыми медведями, то вряд ли вам это удастся.

— Насколько, на ваш взгляд, плодотворно проходит эта конференция прямо у предмета исследования?

Доктор поднял свой большой палец, жест, понятный и без переводчика. Но Морган добавил:

— Я прекрасно понимаю, сколь сложно дается эта полевая простота, сколько труда потребовалось нашим

советским коллегам, чтобы так организованно проходили полевые экскурсии. Офиолитовая гряда бесподобна. В геологический путеводитель по этому району вложен колossalный труд.

— Доктор, что вы скажете о компетентности собравшихся здесь специалистов?

По тому, как поморщился геолог, я понял, что допустил оплошность, но Татьяна с бесстрастным видом уже переводила ответ:

— Я бы не стал задавать такой вопрос, потому что такого вопроса не должно даже возникать. Вне всяких сомнений, научный уровень конференции самый высокий. Дискуссии обогатят наши представления о строении Земли.

— Так что научные результаты этой поездки уже можно считать удовлетворительными?

— Не только научные,— доктор снова поправил меня.— У нас наметился и чисто человеческий контакт, что иногда бывает важнее, чем успех в науке.

Доктор Франтишек Федюк, доцент кафедры петрологии из пражского Карлова университета, говорил по-русски:

— Организация этой конференции превосходна, хотя, как ледник в море, мы видим лишь десятую часть той работы советских коллег, которую они проделали.

Десять дней продолжались эти дискуссии у предмета. Потом Иван Галушко сделал несколько рейсов подряд и вывез всех участников экспедиции ЮНЕСКО в Салехард, откуда они вылетели в Москву, а дальше — каждый в свою страну.

По итогам полярно-уральской офиолитовой конференции было составлено научное коммюнике, послужившее основой рекомендаций, которые по каналам ЮНЕСКО получают геологические службы, прежде всего слаборазвитых и развивающихся стран.

Через несколько лет после этих событий на берегах

Лагорты-Ю я заглянул в ГИН, Геологический институт АН СССР, где встретился с кандидатом наук А. А. Савельевым. Александр Александрович один из тех, кто организовывал международную экскурсию ученых в Войкар-Сынгинском массиве.

Савельев вытащил из ящика стола внушительную пачку журналов и проспектов на разных языках.

— Это отклики на дискуссию у предмета,— пояснил он.— Многие участники рассказали о своем участии в экспедиции.

Мой собеседник берет наугад из пачки американский геологический бюллетень.

— Это профессор Пейдж пишет,— на ходу переводит Александр Александрович.— Вот здесь — «прекрасная организация экскурсии»... Дальше — «высокий уровень научной дискуссии». Так-так, профессор не преминул упомянуть русское хлебосольство и особо отмечает «нату-ральную» пищу. Конечно, мы их кормили свежей рыбой и олениной.

— Эта экспедиция имеет только международный аспект? — интересуюсь я.

— Не только,— покачивает он головой.— Но экспедиция проводилась под эгидой ЮНЕСКО, и, конечно, ее главные результаты — новые данные для специалистов, которые поднимают на новый уровень развитие геологии в странах «третьего мира». Но, естественно, мнения иностранных коллег, которые принимали участие в дискуссиях, позволили расширить кругозор тех советских ученых, которые занимаются проблемами Полярного Урала. Лично я занимаюсь этим районом почти полтора десятка лет, и вот такой непринужденный обмен мнениями — это лучший метод проверки каких-то собственных выводов, скажем, по проблемам динамики формирования земной коры.

Савельев сообщает, что в рамках Международной программы геологической корреляции, разработанной

ЮНЕСКО, намечается еще одна международная экскурсия геологов в этот район. Так что у Полярного Урала появилась еще одна роль — важная роль в международной разрядке, ведь такие совместные дискуссии приносят пользу не только науке.

...У кострища — места вечерних сборов, где уже после маршрутов продолжались оживленные многоязычные дискуссии, лежат несколько больших кусков породы. Они не особо примечательны на вид. Только специалист разберет, что перед ним — базальт ли, туф, дуниты, габбро. Слушая, с какой страстностью велись споры вокруг них, я понимал, что обычные камни еще много расскажут человеку об истории нашей планеты, дадут ключ к ее богатствам.

Путешествие в «страну белого тумана»

Полярно-уральская геологоразведочная экспедиция была создана в начале пятидесятых годов, но за недолгие годы существования переменила много «хозяев». «Семь нянек» всегда вредят единству воспитания, но коллектив геологов сумел сделать очень много. Рекомендации Всесоюзной научной конференции 1979 года, определившей перспективы развития всего Урала до конца нынешнего тысячелетия, называют несколько перспективных районов — это медно-молибденовые месторождения Лекын-Тальбейского района, медно-никелевые и хромитовые месторождения хребта Рай-Из, Саурейское свинцовое, Харбейское молибденовое, Пайхойское медно-никелевое месторождения, Собско-Пальникская баритоносная провинция, Харбейский рудный узел — весь этот великолепный набор разведен геологами Полярно-уральской экспедиции. В рекомендациях названы самые круп-

ные открытия, мелких гораздо больше. Но ведь при дальнейшей разведке мелкие могут оказаться крупными.

В разработку сдано месторождение, на базе которого развивается Харпский комплекс стройматериалов — крупнейший на Тюменском Севере. На очереди месторождение мраморов «Пайпудына». Почкин положен...

«Столица» геологоразведочного поиска восточного склона Урала — базовый поселок экспедиции. У него имеется официальное имя — Полярный, но он более известен, как «Сто шестой». По уточненному расположению, расположился он на 110-м пикете железной дороги Чум — Лабытнанги, но по привычке его именуют по-старому. И старожила этих мест всегда определишь по тому, как он называет поселок.

Десятка два разномастных домов в долине реки Пайпудына повернуты лицом к величественным вершинам Рай-Иза. Поселок вроде бы и сжат со всех сторон горами, но что-то рождает здесь ощущение простора. Может быть, потому, что горы невысоки, и почти крест-накрест их перерезают речные долины. А может, потому, что погода меняется несколько раз на дню, и это вечное непостоянство создает ощущение движения, расширяет межгорное пространство.

Маршруты экспедиции направлены строго на север. Правда, есть объемы буровых и горных работ на «огородах» — так обидно окестили близлежащие к базе участки, включая и хребет Рай-Из. Но все же главные надежды возлагаются не на эти участки. Самые же далекие буровые стоят на побережье Карского моря — триста километров по вездеходному спидометру.

В поселке самый высокий индекс популярности именно у вездеходчиков. Геологи, геофизики, каротажники делятся на свои «кланы», водителей же знают все, если не по имени-отчеству, то уж по имени обязательно. И если кто-то произнес «Дмитриев», «Кифяк», «Ильдэр-

кин», больше ничего добавлять не нужно, поймут сразу, о ком речь. Популярность простых водителей не случайна — трудно ведь и представить, что бы делали поисковики без них.

Времена вьючных лошадок или оленных аргишей безвозвратно ушли, но дороги в горах за это время существенно не изменились. Есть скачущее по горам и тундровым болотам, отмеченное вешками направление, да кое-где врезалась в скальные породы колея. Поэтому вездеходы — те железные мускулы разведки, без которых не может держаться ее организм, потому-то и ходят в королях асы здешнего бездорожья.

Мое путешествие в «страну белого тумана», как называют Байдацкое побережье, проходило спокойно. Но у каждого здешнего водителя найдется в запасе экзотическая история. Вот тот же Илья Ильдэркин, на «газоне» которого я еду. Бедовал Илья три дня в кабине, пережидая пургу? Бывало. Мчался в метель с Саурея, когда в его кузове лежал умирающий с гнойным аппендицитом? Случалось. Довез тютерлька в тютерльку — еще несколько лишних минут, и хирургу уже делать было б нечего.

Когда Илья заглушил мотор, я задал ему вопрос, который меня интересовал на протяжении всего пути:

— Не хочется ли плонуть на все это, да поискать что-нибудь посконьнее?

Илья — красивый черноглазый чуваш, в длиннополом плаще-балахоне, с аккуратной бородкой, которые одновремя были в большой моде у кандидатов наук, взглянул на меня удивленно:

— Да ты что, я дня три в рейсе не пробуду — у меня уже душа не на месте. Черт его знает, чего сюда так тянет.

Он очень спокойное впечатление производит — манерами, разговором, всем обликом своим. Вообще, у людей его профессии характеры очень разные, но даже у са-

мого спокойного, степенного непременно обнаружишь бесшабашность, удальство. Но это не пренебрежительное отношение к опасностям, которые здесь почти повседневны, а врожденное или благоприобретенное умение не придавать им значения. Трудная горная магистраль ведет свой естественный, подспудный отбор, выбирая тех, кому по характеру она и кто ей по характеру.

С его-то классностью и репутацией Илья давно мог перейти на более «выгодную» машину, но он вот уже девятый год не меняет свой ГАЗ-71. Любимая марка. У местных старожилов она считается чуть ли не горным «такси» — не гремит, не грохочет, идет мягко. На этом вездеходе чаще возят людей, чем грузы. Но и это «такси» элегантно ведет себя на горных кручах только в умелых руках.

Когда поздно ночью мы прибыли к буровикам на Тальбей и мне отвели спальное место рядом с храпящим дизелистом, я поторопился записать, чтобы не забыть:

«Илья ведет машину не просто уверенно и осторожно, но еще и экологически грамотно: лишний раз с колеи в тундру не свернет, лишний след по ягельникам не проложит — на отрезке от Саурейского плато, откуда начинается голимая тундра, это особенно бросилось в глаза. С разными водителями приходилось ездить: иной очень любит проторить новую дорогу по этой хрупкой тундре, прет напролом, поэтому и выглядит вездеходно-тракторная ворга безобразно и удручающе — ведь здешняя растительность поднимается и восстанавливается очень медленно, десятилетиями. Лихой механизированный наездник ранит ее надолго. А хозяйское чувство Ильи и здесь проглядывает, бережет и машину и дорогу, в крайнем случае, когда уже другого выхода нет, идет в объезд расквашенной колеи».

Какой-нибудь ретивый защитник природы наверняка удрученno усмехнется: да, не друг тундре даже самый экологически грамотный вездеходчик.

Но вот посмотришь, как надергается за рейс водитель, какие порой цирковые пируэты ему приходится выделывать, невольно подумаешь: а так ли уж виноват он в том, что ищет путь полегче? Кто ж повинен за эти безобразные ворги и испохабленные ятельники? Начальник экспедиции? Да, он тоже тундре не очень большой друг, силенки у него не те, чтобы на экологию тратиться. Ему бы план вытянуть. Куда уж там о дороге думать, главное бы пробились, прошли без аварий, добрались до места, людей, груз доставили. Начальник геологического объединения? Пожалуй, нет — масштабы все же не те. А вот министр геологии, а вкупе с ним министры газпрома, нефтепрома, углепрома, нефтегазстроя, цветмета — они бы тундре могли помочь. У них для этого и миллионы рублей народных денег есть, и умы высокие, и спецбюро, которые могли бы смороковать и внедрить вездеходы на пресловутой воздушной подушке или еще на чем-то очень мягким, не ранящем, тундре не вредящем. Ведь эти министерства у тундры большие должники, на ее недрах в основном их благосостояние держится.

А то ведь до каких нелепых мыслей докатываешься: транспортная голодовка в экспедиции — это вроде даже и неплохо получается для тундры-то, все меньше безобразных шрамов останется. Полевые геологи сейчас вьючных лошадок не держат, оленными аргишами не пользуются — не те вроде времена, не та техника, одна надежда у них на тундрового врага — вездеход. И снова дикая ретроградная мысль: пока конструкторы свою мягкую подкладку не внедрили, может, лучше Министерству геологии (и его коллегам по освоению) иметь свои оленно-транспортные совхозы и конобозы? Скоростишки, естественно, не те, не современные, но ведь речь-то идет о скоростях, с которыми мы разрушаем хрупкую тундровую землю.

Двести пятьдесят километров мы преодолевали око-

ло полутора суток. На пути две промежуточные базы — одна на Немур-Яхе, бесхозная пара вагон-домиков, раскуроченных туристами; другая у Щучьей, более цивилизованная, с хозяином, отставным шахтером из Воркуты Юрай. Это не гостиничный комплекс, но здесь тепло, койки с постелями в два этажа, а иногда, когда движок чувствует прилив энергии, есть тут даже свет. Ну, и главное — газовая плита, на которой заваривают сразу ведерный чайник. Стопками уложены старые потрепанные журналы и недавние газеты. В одной из центральных газет подчеркнута красным карандашом статья «Сезам» для сибиряков». Тут же снимок благопристойного мобильного жилого комплекса трассово-опорного типа. В статье архитектор из Ленинграда описывал прелести «Сезама». Очень бы такой «Сезам» вписался в здешний пейзаж.

— «Сезам», да не для сибиряков,— зло бросил худой хозяин промежуточной базы, экс-шахтер Юра, по своей натуре, видимо, не очень добродушный человек.

Но действительно, не слишком ли мы часто и умильно описываем разные прекрасные проекты и гораздо реже говорим, почему эти проекты остаются листами ватмана и пластмассовыми кубиками-игрушками в то время, как измочаленный водитель «газона» Илья Ильдэркин с благородной внешностью ученого-ядерщика радуется матрасу не первой свежести и печке-«алмаатинке» с ее удивительной способностью держать такую раскаленную температуру, которую может выдержать разве что тренированный папуас?

Несовершенство человеческого быта здесь, на Полярном Урале, особенно бросается в глаза, потому что природа поистине совершенна. Есть в горах с их острыми вершинами и пиками, покато-плавными плато, умиленно-уютными долинами и серебряными берегами неугомонно-прозрачных речек нечто такое, что в любой зачертевшей душе возродит ребенка и поэта, тронет за сердце,

как прикосновение руки матери или любимой. Может, здесь человек становится выше, поднимается — не над собой, в себе. Может, горы рождают гордость? И случайны ли рядом эти два слова — горный и горний. Я бы сказал, что горний дух рождается в горах.

Какие величественные панорамы открываются со здешних перевалов! Мы ехали в солнечно-пасмурный день, и ландшафты с высоты Заячьего, Большого Харбейского, Лонготьюганского перевалов выглядели мрачными. И было все: величественные реки, текущие внизу, горы по краям долин, настолько тяжелые тучи, что они тащили свои хвосты прямо по земле, а слева чувствовалось солнце, потому что пики в той стороне были освещены и выглядели особенно контрастно светло по сравнению с этой мрачной картиной. Здесь ощущалось, что творец работал еще совсем недавно, он был масштабно грубоват, у него просто не дошли руки до мелочной, оскорбляющей его величие отделки, порыв его вдохновения был величествен и торжественно-мрачен.

А что за чудо Щучинский перевал! Конечно, его нужно смотреть не из кабины. «Газон» для такого обзора особенно удобен, между кабиной и кузовом есть вентиляционная решетка, откуда идет тепло. Сидишь на этой теплой крыше, и вся панорама перед тобой. Между двумя вершинами, сложенными черными мрачноватыми сланцами, расположилось бесподобное озеро Щучье. Там, где дно озера выполаживает, из него вытекает река Щучья, здесь еще спокойная, неустановившаяся, с многочисленными руслами, которая пробежит почти шестьсот километров по горам и тундре и впадет в великую сибирячку — Обь. В противоположной от истока стороне озера — гряды вершин с облачными шапками, которые подкрашены далеким солнцем самыми невообразимыми цветами — от нежно-розового до зеленого. Бездеход пробежит по береговой «шоссейке» (берег действительно укатан отменно ровной щучинской волной), начнет карабкаться

вверх, и волшебный мастер начнет приоткрывать тебе панораму тех мест, где ты недавно ехал, но как же она не похожа на то, что ты только что видел, потому что высокая точка зрения придает всему иной, уже не приземленный облик. Вода озера внизу начнет синеть, темнеть, мрачнеть, облака над вершинами на глазах менять свои краски, и могучая горная страна, простирающаяся перед тобой в своем естественном величии, подскажет тебе, насколько ты слаб и силен.

Незадолго до поездки в горы я присутствовал на региональной конференции в Боркуте «Проблемы развития минерально-сырьевой базы Уральского Севера». Приведу мнение на этот счет ученого секретаря постоянно действующей комиссии Госплана СССР, Госкомитета по науке и технике и АН СССР доктора экономических наук В. А. Шелеста:

— Полярный Урал, хотя и начал свою службу народному хозяйству страны, но этот вклад явно не соответствует его потенциальным возможностям.

Пока же тот рядовой люд, который работает здесь, не всегда представляет перспективы разведки, поговаривают даже о том, что работы придется сворачивать.

— Не слышали?

Вместе со мной на теплой крыше «газона» ехал бурильщик Володя, молодой, усатый, круглолицый, вообще — упитанный. Его появление в караване было несколько неожиданным — его обнаружили в грузовом вездеходе среди бочек, ящиков с печеньем и взрывчаткой. Володя богатырски хрюпал, чем и выдал себя на остановке. Есть строгий приказ начальника геологоразведки: лиц в нетрезвом состоянии на транспорты не брать. Володя как раз и подпадал под этот приказ. Но когда еще транспорт пойдет на его приморскую Талоту? Контрабандист ли он проник, или вездеходчик закрыл на время глаза, сказать трудно, но, обнаруженный, Володя начал так деятельно помогать всем, что и разговора о каком-то

наказаний не возникло. Он удальски забивал слабый трак, переставлял ящики, на остановках заботился о чае и огне и всеми своими действиями доказывал, что для любого строгого приказа должно быть исключение.

— Слышал,— ответил я,— но о другом. Перспективы у вас грандиозные — Клондайк!

— Я тоже говорю — места-то благодатные, чего еще искать? Если к нам попадете, таким омульком угощу, на Байкале похожего сроду не пробовали.

Володя в разведке уже девять лет, заядлый охотник и рыболов, работник тоже разворотливый — об этом мне позднее поведал его буровой мастер Юра Тюшняков.

— Худой бурило где же девять лет продержится — это работка не для сачков.

Места за Щучинским перевалом пошли пооднообразнее, только с одной особенностью, которую я не сразу мог уловить. Оказывается, все объяснялось просто: совершенно исчезли деревья. Если до перевала они еще торчали кое-где, то здесь виднелся только стланик, похожий на рослую траву. Здесь даже покатые холмы кажутся величественными. Гигантские волны какого-то огромного застывшего, отвердевшего океана.

На Тальбее стояли и геологи, и буровики, и взрывники, и даже каротажники — полный «буket» нужных людей. С одним из каротажников — Сережей Гнетиевым — меня свела непредсказуемая репортерская судьба. Заехать почти на край света, забраться на кулички к черту, чтобы именно здесь и подвел импортный «Репортер-б». Но на нынешних чертовых куличках всегда найдется специалист-«золотые руки», этакий интеллигентного вида, всезнающий технарь-очкиарик, которому любая сложная техника — раз плонуть. На буровой такой умелец нашелся, он сам и предложил услуги. Повозиться Сереже пришлось — магнитофон незнакомый, но через несколько часов он мне принес исправный «Репортер». Чтобы не было сомнений, записал на нем интервью с коллегой —

водителем каротажной станции. Вопросы были изысканно вежливы: «Геннадий Васильевич, чем вы занимаетесь в данное время? Геннадий Васильевич, чем вообще предпочитают заниматься каротажники?» В ответ раздавался содержательный... храп — Гена отдыхал после ночной смены.

Стало ясно, что Сережа — парень не без юмора. Но уже скоро Сереже стало не до смеха. Два дня назад на базе ушла в декретный отпуск его жена. У них уже есть дочка, малышка — папе бы надо быть рядом.

— Она у меня всегда неожиданно рожает: первый раз прямо в гостинице в Воркуте, меня туда в командировку послали, она со мной.

Завтра буровики заканчивают здесь скважину, надо начинать каротаж, а подмены у Сережи нет. Сам он в поле уже третий месяц безвыездно.

Сережа сидит в балке, где стоит рация «Полоса», и надрываеться:

— Грета-15, Грета-15! (это самое популярное в экспедиции женское имя — позывной всех полевых раций). Примите радиограмму. Выезжаю базу семейным обстоятельствам, прошу срочно прислать замену. Гнетиев.

«Полоса» долго трещит, потом раздается слабый голос радиостки. Сережа записывает и громко повторяет:

— Обратным рейсом поедет Туйчиков. Договоритесь с ним.

— Ну и шеф,— комментирует Гнетиев,— сам решить не может.

— Грета-15, Грета-15! — снова надрывает он голосовые связки.— Не дадите подтверждения, выезжаю на базу без разрешения.

«Полоса» отвечает сплошным треском.

— Теперь только до очередного сеанса, в двенадцать ночи,— устало роняет Гнетиев.

— Пойдем, Гена,— говорит он своему водителю,— поковыляемся на станции, завтра каротаж.

У каротажников устоявшаяся репутация засонь, но их работе не позавидуешь. Работают рывками. Для того чтобы провести исследование в скважине, на что требуется максимум двое суток, они вынуждены неделями, месяцами сидеть в поле. А здесь даже такой деятельный парень, как Сережа, не всегда найдет себе занятие. Ходил бы по здешней трассе регулярный автобус — никаких проблем, приехал, точнехонько определил своей сложной аппаратурой, какие изменения в милливольтах и миллиамперах вносит руда в скважине в естественное электромагнитное поле земли, и поезжай дальше, на следующую скважину, или, если работы нет, возвращайся к себе на базу. Но при здешнем бездорожье даже такая естественная схема нереальна. Вот и получается: рывок — расслабленное сидение — снова рывок... А здесь еще жена рожает...

Облака красиво смотрятся или снизу, или сверху, жить в них, по моему мнению, не очень приятно. Может быть, только на первых порах, но потом эта красивая, размывающая предметы, волшебная, но сырая морось начинает мешать и угнетать. Но жизнь в облаке,— на Тальбее второй день туман,— продолжается. Начинается она, как и положено, с кухни. Здешний котлопункт ресторированному именуют «У Вани». Заправляет в нем знаменитый в этих местах кашевар, пожилой, но резвый мужичок с профессорской бородкой — Ваня Сарахман. Так его и зовут Ваней, несмотря на то, что он уже начал подсчитывать годки перед пенсией.

— Ха! — воскликнул он, увидев меня.— А я думаю, тот ли это парень, который на Байдарате у Травникова был?

— Как же, как же, знатная там еще банька была.

— В палатке-то? У нас сейчас настоящая, в балке, с полком.

— Зато уж там в палатке-то каменка, распарился, выполз наружу красный, как рак, и — в речку. И только

пар идет. Вода ледяная, а минут пять ее и не чувствуешь.

— Стоящее дело,— соглашается, но без энтузиазма, Сарахман. Он предпочитает какой-никакой комфорт.

— Вот я у Травникова-то хлеб в бочке пек. Кирпичики туда выложишь, глинкой обмазал и кочегариши. А тут — газ, формочки, хлеб фирменный.

На сегодня у Вани меню королевское: свежесоленый голец, молодой тушеный зайчишка (его караванные охотники подвезли), жареный хариус (им также поделились ребята из каравана). Но не надо обольщаться: такое меню — увы! — не каждый день. При всем своем искусстве Ване чаще приходится мороковать, как из однообразных консервов сварить что-нибудь домашнее.

— Хочешь тест на сообразительность? — спрашивает он.— Может ли гриб вырасти выше леса?

Мое молчание доставляет ему удовольствие.

— Может, если лес карликовый.— Он ликующе смотрит на меня.— Нынче гриб пёр как сумасшедший. Я своих накормил до отвала, и пожариши, и солененьких подашь, и маринованных. С утра под горку прогулялся — и полный стол удовольствий.

У Сарахмана тоже сложная семейная проблема: выходит замуж дочка. Родилась и выросла она здесь, на Полярном, стала геологиней, но на Север распределиться не смогла, ее отправили на «ридну Украину», там и поджидал ее, видно, какой-то парубок. Иван волнуется, ждет приезда Петрушина, начальника Центральной партии, разрешит ли он отлучку недели на две: дорога дальняя, только и можно при нынешних транспортных пробках недели за две обернуться. Но на кого он оставит свою кухню? Нет, не отпустит Петрушин.

Ваня истово месит тесто для хлеба впрок, сидит до поздна, пока поспевают булки, потому что форм у него всего восемь, а если перемножить две недели на десять буровиков, да хотя бы по полбулки в день, и то около сотни нужно выпечь.

На буровой в утреннюю смену управляет Григорий Борисович Архипенков — легендарный человек среди здешних буровиков. Казацкой породы, фронтовик и покоритель Берлина, кавалер боевых и трудовых орденов, нелегкой судьбы человек, он в этих краях уже четверть века — конкурентов в здешнем рабочем долгожительстве у него нет. Молодцеват, подтянут, и галстучек бы надел, если б не с буровым раствором дело имел.

— Сейчас техника — мед,— отвлекается он недолго,— гидравлическая подача, дизеля, глинистый раствор, алмазные коронки. А на дробовом бурении как было? Пластом после смены лежишь. А двигатель был, А-22, на нефти. Зимой эта нефтянка замерзнет, ее разогреть надо. Морока.

— Сейчас скучная у нас работа,— говорит Архипенков,— ты пока, Анатолий, иди посиди, а как начнем подъем, я тебя кликну.

— Как кликнете?

— Я тебе лампочкой подмигну, три раза. Поселку же мы свет даем.

Я отправился на радио и попал, кажется, как раз вовремя. «Полосу» занимал Гнетиев, его вызывала база. Сумятица в эфире была такая, что трудно что-либо уловить.

Сквозь треск донеслось слово «поздравляем...»

Сережа недоуменно пожал плечами. И вдруг раздался близкий явственный голос радиостанции Талотинского:

— Слушай, Серега, у тебя дочка. База тебя поздравляет.

— Спасибо,— машинально проронил он.

— Слушай дальше, Серега,— кричал талотинский радиостанции.— Вес 3600, рост нормальный, пятьдесят с сантиметрами. Принимала Ильюшенкова, прямо на дому. Давай, Серега, счастливо, с тебя магарыч, по звезде за каждое слово.

— Год грибной — девки рождаются,— вставил Генаводитель.

— Правда, что ли? — удивился Сергей.— У меня же и первая в грибной год родилась.

— Как вот тут суеверным не станешь? Опасайся грибных годов, Серега.

Три раза мигнул свет, это звал меня на буровую Архипенков.

Григорий Борисович открутил коронку с блестящей россыпью мелких алмазов, стальной стаканчик кернорватаеля, рвущего самую крепкую горную породу специальными кольцами внутри, и начал выбивать в деревянный лоток черноватые с прожилками столбики глубинной породы. Эти аккуратные столбики керна, разложенные по отсекам ящика, и есть то, ради чего тарахтит дизель АМ-01, «Алтаец», ради чего здесь ветеран Архипенков и его молодой помбур Ваня, и кашевар Сарахман, и карточник Гнетиев.

Если уж геологическую экспедицию называют разведкой, то этот керн — тот самый позарез нужный разведчикам «язык», который помогает узнать всю правду о дислокации вражеских войск, то бишь — рудных залежей.

— Видно что-нибудь стоящее?

— Я же не геолог,— развел руками Архипенков.— Но вот там в интервале 97 — 106 метров столбики, кажется, с халькопиритом, наверное, пиритовую руду подсекли.— Интонации старого буровика не выдавали ни радости, ни восторга. За четверть-то века ко всяким находкам попривыкнешь.

Небо вызвездило, кажется, мне фартило завтра с утра попасть еще в одну бригаду — к взрывникам. Их «бутор» — Миша Шестаков — так и предупреждал:

— Приходи, мы там под горкой работаем, если, конечно, тумана не будет.

Открытость гор обманчива. Я поднялся на вершину

крупного холма и в растерянности остановился. Вроде все насквозь просматривалось, но взрывников «под горкой» не виделось. Только лай собаки вывел меня на место их работы. Незаметная складка местности прятала бригаду.

Основную канаву они взорвали еще позавчера, но она быстро наполнялась грунтовой водой, следовало сделать водоспуск и подровнять дно. Тем первым взрывом подсекли прожил кальцита — мрамор, что геологи в этих местах встречали впервые. Канавой № 118 они заинтересовались и теперь теребили Мишиных людей, чтобы сделать обнажение удобным для наблюдений.

Крепкие ребята эти горняки. В достопамятные времена таких только в гусары брали. Все как на подбор — кости широкой, силушки молодецкой и натуры, по всему видно, основательной. Сам Шестаков в своей плащ-палатке на петровского преображенца похож, а его помощник с буйной шевелюрой — Валера Фотт — настоящий рыжий викинг.

Вот рядом лежат их «ювелирные» инструментики: забурник весом в пуд, кувалда и того больше. Поработать с «сердечком» — есть такая лопата специальной конструкции — нетренированный может всего с десяток-другой минут.

Но вот, кажется, все готово, и Михаил, широко ступая, как фронтовой связист, тянет за собой катушку с мотком проволоки — полкилометра подводящих проводов.

Запищала в его руках взрыв-машинка. Михаил крикнул:

— Внимание, воздух!

Отсюда звук взрыва слышится слабо, только видно, как там внизу поднялся столб земляной пыли и летят камни. Но опытному взрывнику все понятно:

— Отлично.

После взрыва в ход пошли лопаты-«сердечки» и лопаты-«ложки», ломы, кувалды. У горняков свои понятия

о ювелирной работе. Когда канаву выскоили, а от спин работяг уже шел парок, бригадир крикнул:

— Шабаш, обедаем!

Меню было не изысканное: в эмалированном ведре разогрели плов по-полевому (тушенка с рисом), дневальный проворно сбежал к ближайшему ручью, набрал чайник. В здешней тундре даже карликовая березка не расстет, стланик горит хорошо, но его мало, поэтому чайник грели на пакетах с бракованым отсыревшим аммонитом — для костерка он еще годился вполне. Правда, у чая был странноватый запах.

— Так положено,— попуттил викинг Фотт,— чай цейлонский, чай грузинский, чай с аммонитом.

Мы закусывали по-полевому у канавы № 118, которая (чем геологический бог не шутит) может стать родоначальницей нового месторождения — геолог Аркадий Ильюшенков мне авторитетно заявил, что места очень интересные, только разворачивай работы.

«Трамплин» для Северного полюса

Когда к Северному полюсу приближалась отважная семерка — известная на всю страну экспедиция газеты «Комсомольская правда», одна из свердловских газет послала в полярный лагерь радиограмму. Журналисты интересовались, что из снаряжения штурмующих полюс изготовлено на Урале. Такового, к сожалению, не нашлось, но руководитель экспедиции Д. И. Шпаро не растерялся, и радисты в промежуточном лагере приняли депешу: «Уральских изделий нет, зато есть Вадим Давыдов — уральской породы и уральской марки». Руководитель экспедиции позабыл приплусовать и полярно-уральский опыт — ведь пятеро из великолепной семерки прошли боевое крещение на Полярном Урале.

— Полярный Урал можно считать своеобразным «трамплином» к вашему прыжку на Северный полюс? — поинтересовался я у Дмитрия Игоревича, когда судьба занесла его в Салехард.

— Именно так, — признал Шпаро. — Впервые льды Северного Ледовитого океана мы увидели, заканчивая путешествие по Полярному Уралу. Подойдя к берегу Карского моря, мы увидели изумительный мираж — красивые дворцы, белоснежные замки, необыкновенно чистый белый город. То, что это обыкновенная рефракция «нарисовала» в воздухе картину льдов, стоящих недалеко от берега, естественно, поняли позже. Необыкновенное явление сразу очаровало, и Ледовитый вошел в душу. В следующий поход впервые прошли по арктическим льдам...

Захотелось познакомиться с уральским «изделием», обнаруженным на Северном полюсе. Вадим Алексеевич родом из Нижнего Тагила, там учился, сейчас работает в столице главным врачом станции «Скорой помощи». Когда в Москве мне удалось с ним договориться о встрече, он пришел в гостиницу и первым делом поинтересовался:

— Нельзя ли здесь разжиться горячим чайком?

Оказалось, что только что он провел час в холодной суброкамере — это входит в программу подготовки очередного перехода, который затевает на этот раз неутомимая группа Шпаро. Я невольно поежился и тотчас раздобыл чай.

Полярный Урал Вадим Давыдов и его товарищи по увлечению из Московского мединститута прошли не один раз. Первое знакомство получилось драматическим. Двигаясь по маршруту от Сивой Маски к Лабытнангам, на Лагортинском перевале парни и одна девушка попали в жесточайшую пургу, которую в этих местах называют «черной»: она сопровождалась пятидесятиградусным морозом. Пурга бушевала три дня, полностью засыпала

палатки и неожиданно сменилась оттепелью. Брезент покрылся коркой, сумели выбраться, лишь прорезав палатки. И здесь снова ударили мороз — все, что было в палатке, смерзлось в ледяной ком. Пропало топливо, пища. Девятнадцатилетние студенты побросали все, чтобы поскорее добраться до железной дороги. К счастью, это удалось, и безрассудный поход закончился благополучно. Возможно, такое испытание требуется каждому человеку хотя бы раз в жизни, но оно могло дорого обойтись. Благополучный исход и молодость привели к тому, что и на следующий год Вадим отправился в суровые места. Для него Северный полюс явно начинался с той заледневшей палатки на Лагортинском перевале. И позднее, познав другие места, он не раз возвращался в «родные» горы.

— Ну и как,— интересуюсь я,— заметно влияние вашего брата, туриста?

— К сожалению,— вздыхает он.— Уже к концу шестидесятых годов из края непуганных птиц он начал превращаться в горную пустыню. Мы уже не встречали такого обилия птиц, рыбы, видели свежие порубки прямо на берегах рек. Под благородным именем туриста часто идет завзятый варвар.

Полярный Урал сегодня облюбован туристами, и для здешней природы это серьезнейшая проблема. Все меньше и меньше среди них тех, кто движется сюда с благородной целью познания Родины и испытания себя, все больше тех, кто оставляет за собой длинный шлейф безнаказанного разбоя. Течет из рюкзаков таких путешественников рыбья кровь — они набиты хариусом и тайменем, горят уникальные леса, гниет благородная рыба, выловленная даже не для пищи, а из спортивного азарта. Бензиновые пятна оскверняют хрустальные воды здешних речек. Если этот край можно еще назвать «диким», то лишь потому, что сюда приходят люди, ведущие себя по-дикарски. В горах пропадают целые группы не-

подготовленных горе-путешественников, и потом неделями над горами снуют вертолеты, идут группы спасателей в надежде обнаружить их.

Исследования, которые вели в здешних местах специалисты Института экологии растений и животных, показали, что горно-полярная природа чрезвычайно уязвима, она реагирует даже на такую, казалось бы, малость, как туристические группы. Но их никто не контролирует, и они эту хрупкую экосистему считают по-прежнему своей «дикой» вотчиной. Пора сократить этот неконтролируемый поток, объявить запретные зоны, допускать сюда лишь тех, кто зарекомендовал себя благородным рыцарем путешествий. Таким группам, включая в них специалистов, следовало бы давать и определенные задания по исследованию края, изучению его истории. Пока же, за редким исключением, туристы принесли здесь больше вреда, чем пользы.

На фоне этих «смельчаков», которые каждый покоренный бугорок считают за Эверест, куда благородней смотрится незаметный труд тех, кто работает здесь постоянно. Край в общем-то безлюден — на одного человека приходится добрая сотня квадратных километров. Но это только подчеркивает мужество тех, кто может себя считать подлинным полярно-уральцем.

...У Капитолины Игошиной я прочел интересное замечание. Она вычислила, что на Урале все фенологические явления отступают на три дня на каждые сто метров высоты: поднимаясь в горы, природа задерживается в своих переменах.

На берегах Соби, у подошвы Рай-Иза буйное июньское цветение, полыхают жарки, голубеют незабудки, в свежем зеленом наряде береза и осина. Чуть выше — уже елочки в мягкой тонкой зелени да низкорослый упругий можжевельник сменили лиственные деревья. Еще выше карликовые деревца заменят стланик, потом исчезнет и он, пойдут мхи, лишайники и только-только на-

бирающие цвет, по-полярному скромные травы. Становится холоднее. Высота вершины Рай-Иза — тысяча метров. Три на десять (ботаническая арифметика Игшиной) — мы вернулись на 30 дней, из июня возвратились в май, и наш подъем — возвращение в весну.

Тысяча метров — мы с фотографом Анатолием Пашуком посчитали поначалу, что это будет простой прогулкой. Но если бы не сопровождавший нас уроженец и знаток здешних мест, кандидат в мастера спорта Анатолий Яроцкий, то, пожалуй, где-нибудь на середине каньона, по которому он нас вел, мы бы повернули назад. Надо осторожно прыгать по скользким глыбам, карабкаться по осыпи, а каждый следующий метр становится все тяжелее. Сердце постоянно напоминает, что оно не самый безотказный мотор. На участившихся привалах Яроцкий увлеченно, с беспечностью бывалого ходока рассказывает, как здесь ломают ноги и руки лыжники, как (вон на том пятаке) замерз один его знакомый, как его самого дважды спускали вниз на носилках и он по полгода валялся в больнице. Вот какие здесь бывают прогулки!

Мы карабкались на Рай-Из, чтобы побывать на здешней метеостанции, как ее именуют в официальных документах — «высокогорной, труднодоступной». В тот год ГМС «Рай-Из» отмечала полвека своего существования. В 1932 году колхозные оленеводы из Лабытнанга начали необычную операцию — пятерки оленей тащили на нартах или просто волоком бревна на плоскую вершину массива. Обходной, приемлемый для оленей путь по юго-западному склону насчитывал двадцать верст. Завоз леса длился все лето. Выбор точки для ГМС, которая тогда входила в систему Главсевморпути, был точен — погода на полярном плато меняется несколько раз в день, а такая неустойчивость для гидрометеорологов особенно ценна. Однако работать в климатическом «пекле» очень сложно.

Яроцкий, который незадолго до этого поднимался на станцию, сообщил, что там работают пятеро специалистов. Вдали среди пепельно-желтой осыпи глыб показался приземистый домик с пристройкой, окрашенные в белое приборы метеоплощадки. Домик, тот самый, что собирался по бревнышку, вроде врос в каменистую землю, но слишком уж приволен здешний простор, и это единственное человеческое жилье предоставлено в полное владение полярным ветрам.

Встречали нас две женщины — одна очень молодая, другая постарше, в роговых очках от сильной близорукости.

— А где парни? — спросил Анатолий.

— А-а, — махнула рукой пожилая. — Разлетелись наши джентльмены — кто в отпуск, кто насовсем.

Коллектив ГМС «Рай-Из» насчитывал всего двух человек — начальника Анну Акимовну Сычеву и ее первого (и единственного) помощника — выпускницу Туапсинского гидрометеорологического техникума Ольгу Широбоких.

Кто сказал про женщин, что они хрупкие создания? Хрупкие-то хрупкие, но когда увидишь их вот в такой обстановке, в горно-полярном одиночестве, то поразишься скорее не хрупкости, а смелости, терпению, самоотверженности и еще раз подумаешь, что наши женщины умеют перенести то, что хваленым мужчинам явно не по силенкам.

Только вчера здесь прошел затяжной дождь, который наконец-то «съел» последний снег. В мае его лежало еще столько, что — как и всю зиму — пользовались люком, выбираясь на площадку — ежедневная шурга заваливала двери снова и снова. Чем-чем, а постоянством здешняя погода не обладает, даже за не очень долгое время мы стали свидетелями дождя, мелкого снегопада, прекрасного восхода, осенней мороси, жаркого летнего дня.

Анна Акимовна показала нам флюгер, на котором

установлен шток, определяющий силу ветра. Он рас-
считан на сорок метров в секунду — в этом случае де-
ревянный флагок-указатель становится параллельно
земле. Но порывы достигают такой силы, что он торчит
прямо перпендикулярно. Шквалы здесь чаще всего на-
летают неожиданно, побушуют с четверть часа, и снова —
штиль. За один май рация ГМС «Рай-Из» передала больше
сотни штормовых предупреждений.

Сегодня дежурит Ольга. К сроку радиосеанса она
проверила показания приборов, включила станцию.

— «Долина», «Долина», я — «Жетон». Прием.

— «Жетон», «Долина» слушает.

Ольга быстро продиктовала колонку цифр — специ-
ально закодированную метеосводку. Весь сеанс длился
не больше минуты. Вот ради того, чтобы своевременно
приняли эти цифры в гидрометобсерватории, которые
потом попадут в общую синоптическую сводку по стране,
ведут высокогорную жизнь две женщины. Постоянный
некомплект людей на таких станциях — это прежде всего
признак стойкости тех, кто все же соглашается на такую
работу.

Один из тех коллег, кого сдуло здешним крепким
ветром, сказал примечательные слова:

— Поставьте мне хоть мешок с миллионом, я сюда
не вернусь.

Это говорит и о его «силе воли», и о силе воли тех,
кто, несмотря ни на что, здесь остался. И так уж устроен
человек — в невообразимых трудностях он умеет заме-
тить прекрасное, которое удается увидеть не каждому.

— Вам приходилось видеть изморозь, которая на-
растает на нашей контрольной проволоке на семьдесят
сантиметров? — спрашивает Анна Акимовна.

— Вы и не поверите, — продолжает она, не дожида-
ясь нашего ответа. — Я бы сама не поверила, если бы не
видела. Целый столб кружев, мороз и ветер связали их
так искусно, что вряд ли какая-то мастерица может со-

стязаться с ними. Я такой красоты сроду не видывала.

Да, им приходится восемь раз в сутки проверять приборы, в дождь, слякоть, пургу, когда спасает только страховочный трос, протянутый от люка к метеоплощадке, тосковать, неделями сидеть без связи, но с каким восторгом эта женщина говорит о том, что подарила ей здесь судьба. Облака, восходы, цветы, горы. Она приговаривает:

— Я в жизни такого не видела.

Судьба преподнесла принципиальной холостячке еще один сюрприз — в прошлом году ремонтировать домик приезжала бригада плотников. Среди них оказался бывший металлург, сейчас пенсионер, который ждет ее теперь в Омске, чтобы соединить с ней свою судьбу.

— Мои прежние товарки шутят, — улыбается Анна Акимовна, — поедем на Рай-Из за женихами. Сбежите, говорю им, не дождитесь.

Ольга Широбоких тоже считает, что практика на Рай-Изе стоит многого.

После высокогорной школы мужества действительно уже не страшны любые испытания.

Есть в этих местах еще одна уникальная метеостанция — ГМС «Полярный Урал». Она расположена в небольшом поселочке линейной железнодорожной станции, прямо на границе двух континентов — Европы и Азии. Географическая уникальность подчеркивается уникальностью погодной. Станция дает в Северное управление в Архангельске самое большое количество сообщений об особо опасных ветрах. Метеотехник Евдокия Афанасьевна Олейник, которая трудится здесь уже 21 год, считает, что объясняется это просто. ГМС находится в конце ущелья, которое прошивает насквозь водораздельный хребет, и ветры с запада устремляются в это узкое жерло, создавая эффект известной аэродинамической трубы.

Самые большие затруднения это создает для железнодорожников — станция хотя и крохотная, но работы

здесь для них, особенно в зимнюю пору, очень много. За считанные часы пурга надувает на путях трехметровый слой снега, в котором буквует даже мощная «хозяйка», так называют здесь струг-снегоочиститель.

К обелиску «Европа — Азия» вез меня на своей дрезине кряжистый, сурового облика человек — Тит Григорьевич Чернозуб, дорожный мастер тридцать седьмой дистанции, под командой которого находится полтора десятка монтеров пути.

— Бывало, по десять суток поезда стояли, — вспоминает он. — Расчистят пути, поезда едут, как в тоннеле.

Тит Григорьевич — здешний старожил, уже шестнадцать лет трудится на своем межконтинентальном участке, его 22 километра приходятся и на европейский, и на азиатский материк. Здесь вырастил пятерых детей. И вот что самое удивительное — трое из этих мест не уехали: Юра — стрелочник, живет с родителями, Сергей составляет поезда в недалеком Харпе, Лена работает рядом в соседней геологоразведке. Конечно, жизнь на такой крохотной станции (три десятка жителей) в не особо приветливом полярном уголке, мягко говоря, своеобразна. Кроме магазина, все остальное обеспечение — с железной дороги: вагон-лавка, вагон-клуб, вагон-библиотека, разъездной медпункт, цистерна-водовозка. Но те, кто остается здесь, находят в такой жизни свою прелесть. «Привычка», — коротко характеризует сложный комплекс причин Тит Григорьевич. Он лихо останавливает свою тарахтелку у трехметрового бетонного обелиска, на двух гранях которого написано «Азия», «Европа».

Здесь реки текут в разные стороны, здесь часовую стрелку надо отвести сразу на два деления, здесь, ступив только шаг, из древней Азии попадаешь в просто стареньющую Европу. И здесь, глядя на этих простых людей, четко осознаешь, что нет предела человеческому мужеству, которое растворено в обычных, житейских делах.

Край далекий, но «нашенский»

Вы заходите в один из просторных кабинетов Института геофизики УНЦ АН СССР, который разместился в уютном леске на окраине Свердловска. Можете подойти к оператору, который за пультом производит какие-то манипуляции. На ваш вопрос, чем он занят, специалист вежливо ответит, что снимает натурные данные с приборов, которые сейчас поставлены на одной из магнитных аномалий Полярного Урала.

Фантастика?

Самую малость. Пока такого кабинета в институте нет, но принципиально идея сбора полевых данных и передачи их в какой-то обрабатывающий центр (можно в Свердловск, можно — в Москву) уже апробирована. Если применить спутниковые системы связи, то взгляд в недра из космоса становится необычно зорким.

В 1978 году в Салехарде появились сотрудники Института геофизики, специалисты ГДР и ВНР по электронно-вычислительным системам. Первое, что предприняли исследователи, они постарались завязать прочную дружбу с местными полярными пилотами, которые водят в здешнем небе неприхотливую «Аннушку», самолет Ан-2.

К тому времени в стенах института была закончена разработка трехкомпонентных магнитометров — плод коллективного труда: к сотрудничеству были привлечены специалисты Московского института земного магнетизма, ионосфера и распространения радиоволн (ИЗМИРАН), а по одной из программ Интеркосмоса — учёные Дрезденского технологического университета, Института электроники в Берлине и Будапештского университета. Немецкие коллеги разработали систему накопления информации, радиоснастку, венгры — систему передающую.

Компактные автономные магнитные станции установили в 120 километрах от Салехарда, на Юн-Ягинском железорудном месторождении. Тот сигнал, который приборы станции получали от магнитного поля Земли, накапливался в течение суток, потом по команде с Земли переписывался на бортовую систему. Специальный спутник к тому времени еще не был готов, поэтому и потребовалась помочь полярных пилотов. Наиболее подходящим для этих целей оказался незаменимый Ан-2. От летчиков требовалось четко держать курс в заданном районе — самолет пролетал над специальным пунктом обработки данных, «разгружал» полученную информацию. Заключительной в этой цепочке была электронно-вычислительная машина, которая обрабатывала полученные результаты. Если заменить самолет на спутник, то близкий к Полярному Уралу Салехард можно заменить на Свердловск, или Москву, или, если хотите, Париж. Суть идеи — использовать в труднодоступных районах минимум исследователей.

— Вы хотите увести с Полярного Урала людей? — спрашиваю я одного из руководителей эксперимента, кандидата геолого-минералогических наук И. Ф. Таврина.

— Нет, машина человека никогда не заменит, — твердо обещает Игорь Федорович, — но труд его облегчит. Чтобы отыскать плацдармы для изучения, потребуются всего два-три специалиста и еще один вездеход, чтобы обслужить все магнитометры.

В институте идет работа по совершенствованию станций. Они должны быть предельно компактны и наименее энергоемки — пока же большая часть веса приходится на энергоносители. В конечном же счете эти усовершенствования должны ту фантастическую картинку, которую я нарисовал в начале главы, превратить в реальность. Как говорил поэт, большое видится на расстояньи: космос поможет приблизить далекие полярные недра к центрам геологической обработки полевых данных.

Эксперименты — лишь небольшая часть той работы, которую проводят на Полярном Урале свердловские ученые. С той самой первой — уралплановской — экспедиции они не перестают заниматься исследованиями Полярного Урала: ежегодно сюда отправляются многочисленные партии, отряды, экспедиции. Интерес этот порой возрастал, порой ослабевал, но никогда не прекращался. Говоря ленинскими словами, край-то здесь «нашенский», уральский.

Кандидат геолого-минералогических наук Виктор Александрович Лидер сейчас возглавляет в объединении Уралгеология тематическую партию, которая занята составлением общеуральской карты четвертичных отложений. За плечами этого крупного, подвижного и жизнерадостно настроенного поисковика более десятка полярно-уральских сезонов и, пожалуй, самое крупное открытие свердловчан в этих широтах — Сосьвинско-Салехардский угольный бассейн.

В суровом сорок втором уральские геологи получили боевое задание Государственного Комитета Обороны — поиск благоприятных золото- и платиноносных рудных зон. Драгоценный металл требовался для закупок необходимого военного снаряжения. Геологи работали с полным напряжением, но рудных зон в этом районе не обнаружили. Однако «попутные» открытия оказались впечатляющими — в верховьях Северной Сосьвы был обнаружен крупный бассейн бурых углей.

В последнее время мы являемся свидетелями того, как снова возрос интерес свердловских ученых к Полярному Уралу. О причине этого интереса говорил директор Института экономики Уральского научного центра АН СССР, член-корреспондент Академии наук Михаил Александрович Сергеев:

— Уральский экономический район сегодня обеспечивает прогрессивное развитие многих отраслей страны. Но рост всегда подразумевает какие-то проблемы и труд-

ности. Вырабатываются месторождения меди, железа, осложняется дело с углем. Естественно, что наши взоры обращаются на Север, который, как мы считаем, должен обеспечить в ближайшей перспективе созданный всей страной на Урале производственный комплекс. Наша точка зрения, основанная на предварительных расчетах и проигранная на математических моделях, устойчиво последовательна. Необходимо коренным образом усилить геологоразведку, определить состав руд, разработать специальную технологию с учетом того, что речь-то идет о Севере, и самое главное — разработать программу комплексного освоения полезных ископаемых этого района, потому что на Севере иначе нельзя, и другой, не комплексный, подход Север нам попросту не простит.

В свете этих задач особенно активно в последние годы на Полярном Урале трудятся три института Уральского научного центра — геофизики, металлургии, геологии и геохимии. Об активизации работы Института экологии растений и животных, пожалуй, говорить нельзя — на Зеленой горке в Лабытнангах уже тридцать лет активно действует научный стационар этого института, а там исследования идут в постоянном ритме.

Институт геологии и геохимии организовал специальную экспедицию с долгосрочной программой — десяток сезонных отрядов ежегодно проводят поле за чертой Полярного круга.

— Перспективы Полярного Урала, по моему глубочайшему убеждению, чрезвычайно высоки, — считает директор института, член-корреспондент АН СССР Александр Михайлович Дымкин. — Сейчас мы ведем исследования, связанные с изучением железорудных месторождений, бокситов, хромитов и оgneупорного керамического сырья массива Рай-Из, изучаем перспективы расширения минерально-сырьевой базы баритов. Особый интерес вызывают нетрадиционные для Урала месторождения — редкометалльные, стратиформные полиметалли-

ческие и вольфрамо-молибденовые. Например, стратиграфические месторождения, как выясняется, не связаны с конкретным магматизмом, а, вероятно, являются продуктами вулканизма. Чтобы выдать обстоятельные рекомендации, мы и должны изучить процессы формирования таких месторождений. Чем дальше на Полярный Урал,— закончил Александр Михайлович,— тем больше загадок он преподносит.

Уральские геологи ведут свои исследования, используя фундаментальные достижения новой глобальной тектоники «движения континентов».

Ученые-металлурги, конечно, еще только присматриваются к подземным богатствам заполярных отрогов Каменного Пояса, но интерес у них уже глубокий. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что директор Института металлургии академик Н. А. Ватолин в последнее время практически каждый год появляется здесь.

— Первой ласточкой нашего делового сотрудничества с полярно-уральскими геологами,— рассказывает Николай Анатольевич,— была работа со здешними баритами. Институт усовершенствует технологию получения силикобариевой лигатуры, которая улучшает свойства чугуна и стали. С полярно-уральскими баритами эту лигатуру получать несложно и надежно. С бокситами вышло наоборот — переработка их сложна. Но мы для того и ведем исследования, чтобы ясно видеть перспективы. С другой стороны, наша работа позволит и геологам определить приоритеты — простота технологии получения какого-то сырья позволит им обратиться конкретно к каким-то минералам. Главная же наша задача здесь — комплексная разработка всех местных руд, может быть, даже на стыке черной и цветной металлургии, причем технология должна быть безотходной. Если неприемлемо то, что мы, загрязняя окружающую среду, оставляем горы шлама и шлака на Южном и Среднем Урале, то на Полярном Урале это экологически противопоказано. Наша предва-

рительная разведка и направлена на то, чтобы здесь разработать комплексную безотходную технологию.

В конце ноября 1979 года в Свердловске проходила Всесоюзная научная конференция «Проблемы развития производительных сил Урала на перспективу до 1990—2000 годов (с учетом прилегающих экономических районов)», организованная Уральским научным центром АН СССР, Комиссией производительных сил и природных ресурсов при президиуме АН СССР, советом по изучению производительных сил при Госплане СССР и Центральным экономическим научно-исследовательским институтом при Госплане РСФСР. В числе других решений приняты и программные заявления, касающиеся Полярного Урала, в том числе «предусмотреть... опережающее выделение средств на поисковые и геологоразведочные работы и промышленные изыскания на железные руды, руды цветных металлов, уголь особенно в районах... Северного, Приполярного и Полярного Урала». «Важнейшей» названа задача «форсирования поиска и разведки новых месторождений, включая районы Северного, Приполярного и Полярного Урала».

Ученые Уральского научного центра разработали программу «Уральский Север», которая учитывает все аспекты развития этого района до конца века.

Приходит время Полярного Урала.

Основные источники:

- Алешков А. Н. Дунито-перidotитовые массивы Полярного Урала. М., 1929.
- Андреев В. Н., Игошина К. Н., Лесков А. И. Оленьи пастбища и растительный покров Полярного Приуралья. М., 1936.
- Баклунд О. О. Горные породы Полярного Урала и их взаимные отношения. Спб., 1912.
- Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956.
- Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Спб., 1908.
- Городков Б. Н. Полярный Урал в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина. Л., 1927.
- Гофман Э. К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т. 2. Спб., 1856.
- Дерюгин К. М. Путешествие в долину нижнего и среднего течения Оби. Спб., 1898.
- Заварицкий А. Н. Перидотитовые массивы Полярного Урала и окружающие их породы. М., 1937.
- Иванова А. М., Осадчев Б. Я. Геологическое строение бассейна рек Нуры, Лядгея и Большой Хууты. Л., 1952.
- Каталог ледников СССР. Т. 3. Л.: Гидрометеоиздат, 1966.
- Кеммерих А. О. Полярный Урал. М., 1966.
- Керцели С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911.
- Ковалевский М. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т. 1. Спб., 1853.
- Кодолани Я. Антал Регули. Будапешт, 1976. На немецком языке.
- Кушелевский Ю. Путевые записки, веденные во время экспедиции. Тобольск, 1864.
- Ла Мартинье П. М. Путешествие в Северные страны.—Записки Московского археологического ин-та, 1912, т. XV.
- Оледенение Урала. М., 1966.
- Охотников В. Н. Геология рудных образований Полярного Урала. Л., 1975.
- Перевод письма венгерского путешественника А. Регули к члену РГО, академику Кеппену.—Записки РГО, Спб., 1849, кн. III.
- Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962.
- Россия. Т. 5. Урал и Приуралье. Спб., 1914.
- Сидоров М. К. Север России. Спб., 1870.
- Сирин Н. А. Магматизм Приполярного и Полярного Урала. М., 1962.
- Сочава Б. В. Ботанический очерк лесов Полярного Урала от реки Нельки до реки Хулга. Л., 1928.
- Сукачев В. Н. К вопросу о влиянии мерзлоты на почву. Спб., 1911.
- Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Хабаков А. В. Полярный Урал и его взаимоотношения с другими складчатыми областями. М., 1945.
- Щуровский Г. Е. Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. М., 1841.

Содержание

Слово перед дорогой	3
Часть I	
Путь в «страну мрака»	8
Путешествие в Самоессию с русской чаркой	14
Имя для гор	18
К строптивому «князю гор»	25
Странствия отважного венгра	30
Мужество здесь обычно	42
«С твердостию и надеждою»	50
Блеск уральского золота	57
Рабо, загадочный Соммье и русский студент	61
Благородство сомнительных проектов	67
Железнодорожный «волок»	75
Трофеи научной охоты	83
Часть II	
Первая советская	94
Горы — праздник геолога	104
Мужество одиночки	114
Урал за Полярным кругом не кончается	121
Тюменская школа	136
Загадки ледовых цирков	146
Секреты «змеиного камня»	155
Путешествие в «страну белого тумана»	161
«Трамплин» для Северного полюса	176
Край далекий, но «нашенский»	185
Основные источники	191

ИБ № 1267

**Анатолий Константинович
Омельчук**

К НЕВЕДОМЫМ ВЕРШИНАМ

Редактор Ю. А. Дорохов

Художник С. В. Вохмин

Художественный редактор В. С. Солдатов

Технический редактор Т. Н. Черепанова

Корректоры А. В. Маркин, Е. И. Ерина

Сдано в набор 25.07.84. Подписано в печать 01.02.85. НС 12034. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,75. Усл. кр.-отт. 9,5. Уч.-изд. л. 9,24. Тираж 15 000. Заказ 471. Цена 55 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

55 коп.

А.ОМЕЛЬЧУК
К НЕВЕДОМЫМ
ВЕРШИНАМ

В книге салехардского журналиста Анатолия Омельчука рассказывается об истории научного исследования, о сегодняшнем дне и перспективах освоения уникального природного комплекса — Полярного Урала. В увлекательной популярной форме автор повествует о романтике научного поиска различных полярно-уральских экспедиций, о замечательных людях, внесших свой вклад в изучение самого северного района Уральских гор.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1985